

Сергей Ковалев
Котт в сапогах. Поспорить с судьбой

Котт в сапогах – 3

«Сергей Ковалев. КОТТ В САПОГАХ. ПОСПОРИТЬ С СУДЬБОЙ»: Издательство
АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0455-1

Аннотация

Вновь бывший капитан ландскнехтов Конрад фон Котт отправляется на поиски золотых табличек с рецептом волшебного зелья. Он бы и рад спокойно жить при дворе, да не дает покоя шкура кота — уж очень хочется Конраду вернуть себе человеческий облик. А тут еще страшное предсказание, что погибнет он в схватке, да не с кем-нибудь, а с самим посланцем ада. Путь Конрада лежит в Лапландию. Множество опасных приключений выпадет на его долю, но никакие опасности не страшны храброму Конраду фон Котту, когда рядом верные спутники: могучий гигант Андрэ, отважный ярл Николас, хитроумный изобретатель Архимед и назойливый призрак Хосе Альфонсо Фигейро да Бухоралес.

Сергей Ковалев Поспорить с судьбой (Котт в сапогах-3)

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ,

типография господина Цимуса, Бублинг, 16... год от Р. Х.

Дневники бывшего капитана ландскнехтов Густава Конрада Генриха Марии фон Котта попали в наши руки совершенно случайно. Человек с подобным именем некоторое время служил в Тайной Канцелярии и был известен также как Личный Шпион королевы. Однако все упоминания о нем весьма расплывчаты и полны домыслов, если не считать расписок о выдаче жалованья. Из этих записок совершенно ясно следует, что инсинуации по поводу того, что на службе королевского дома Гремзольда якобы состоял некий человек, обращенный колдовством в кота, мы решительно отменяем как противоречащие здравому смыслу и современным представлениям прогрессивной научной мысли.

Зачем бы коту получать жалованье и как бы он расписывался за него? Также мы считаем неприемлемыми намеки, что успехам в науке, технике и народном хозяйстве королевство Гремзольд обязано колдовству, коим якобы владеет первый министр и ближайшая подруга королевы.

Очевидно, что подобные слухи распускаются людьми невежественными или, того хуже, злонамеренными. Как показало расследование выездной инспекции святейшей инквизиции, никто при королевском дворе Гремзольда не замешан в ереси или богомерзком колдовстве, равно как и не пострадал от оных в прошлом или настоящем. В том имеется письменное подтверждение, скрепленное подписью и личной печатью временно исполняющего обязанности председателя инспекции, его высокопреосвященства кардинала Пузорини.

Сочинения же кавалера фон Котта следует признать явным вымыслом и аллегорией, призванной обратить умы читателей к мыслям праведным и возвышенным в иносказательной форме. Именно с этой благолепной целью мы и взяли на себя труд опубликовать эти дневники...

ГЛАВА ПЕРВАЯ, повествующая о том, чем закончились исторические изыскания благородного Конрада фон Котта и с какими опасностями и лишениями было связано обретение им заветного гобелена

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 27 декабря 16... года от Р. Х.*

...ныне я склонен пересмотреть свое скептическое и — признаюсь — даже насмешливое отношение к кладоискателям, коих всегда считал людьми праздными и пустыми. Ибо познал все завораживающее великолепие того славного мгновения, когда

долгие и кропотливые поиски наконец увенчиваются сияющим результатом! Что можно сравнить с этим чувством? Разве что те чувства, кои испытывает путник в пустыне, когда за очередным барханом перед ним вдруг открывается оазис. Или то, что чувствует мореплаватель, после долгих месяцев борьбы с океанскими волнами узревший на горизонте землю.

Примечание на полях. Ну или, в конце концов, знакомое каждому из нас чувство, когда, борясь со сном во время нудной проповеди, вдруг слышишь долгожданное «аминь!»...

Небо над Бублингом в то утро чистой синевой своею напоминало глаза Андрэ. И было столь же безмятежным и пустым. Два похожих на взбитые сливки облака лишь подчеркивали эту пустоту. Плавно кружили в воздухе одинокие снежинки.

Душа моя пребывала в таком же безмятежном покое, что, по здравом размышлении, было весьма странно. Вот уже больше года прошло с того дня, когда черт меня дернул... гм... то есть когда моя врожденная тяга к справедливости заставила меня зло подшутить над бродячим фокусником и его помощником. Откуда мне было знать, что под видом мальчишки-оборванца скрывается настоящая ведьма?! Из-за моей шутки толпа подвыпивших горожан пересчитала фокусникам ребра, а ведьма в отместку превратила меня в кота — хорошо еще, что в говорящего! В поисках средства от заклятия я спускался в пещеры горных карликов, изображал дрессированного кота в бродячем цирке и сражался с могущественным колдуном Морганом Мордауном, чтобы вернуть трон и человеческий облик принцессе Анне, которую Морган превратил в лягушку. Я наверняка бы погиб, если бы не помощь моих друзей — бывшего разбойника Андрэ, лошади Иголки, петуха Гая Светония Транквилла и, как это ни удивительно, той самой ведьмы, что заколдовала меня. Судьба хорошо пошутила, сделав нас с Коллет сначала врагами, потом — вынужденными союзниками, а потом... говорят же, что от ненависти до любви один шаг! Мы спасли Гремзольд от тирании Моргана Мордауна, превратив его в крысу, и вернули принцессе Анне человеческий облик. Мой спутник — разбойник Андрэ — женился на Анне и стал королем Гремзольда, Коллет стала придворным магом, а я — Личным Шпионом королевы. Но, увы, мне так и не удалось вернуть человеческий облик. Весной судьба вновь свела меня с Морганом Мордауном. Колдун, как и я, упорно искал способ вновь превратиться в человека, и мы с ним стали союзниками. Вместе с Андрэ, Коллет, Иголкой и Гаем Транквиллом мы отправились в Южную Америку. Морган выяснил, что там до сих пор живут шаманы, владеющие искусством превращения человека в зверя и обратно. По дороге к нам присоединился потомок скандинавских берсеркеров — Николас Бокомьялле. Много испытаний пришлось пережить нашему отряду в этом путешествии: тяготы плавания на торговом корабле и тюремное заключение, непроходимые джунгли и гостеприимство туземцев, сражение с пиратами и преследования инквизиции. Казалось уже, заветная тинктура, возвращающая человеческий облик, у меня в руках, но в последний момент Морган похитил ее и попытался вновь захватить власть в Гремзольде. Маг Бофрэ — гениальный пьяница, за свое пагубное пристрастие получивший прозвище «мэтр Бахус», — сумел в последний момент предотвратить катастрофу, забросив Моргана куда-то далеко в пространстве и времени. Гремзольд был спасен, но я так и остался в кошачьей шкуре.

И все же моя душа пребывала в безмятежном покое. Почему-то я был совершенно уверен, что скоро отыщу способ вернуть себе человеческое тело. Интуиция? Предчувствие? Судьба?

Я закончил точить когти о подоконник, полюбовался некоторое время на заснеженный город и, завесив чердачное окно одеялом, устроился поближе к трубе. К счастью, когда строили дворец, трубу камина, что обогревал кабинет этажом ниже, вывели прямо через центр чердака. Разумеется, печнику и в голову не могло прийти, что в крохотном помещении с низким потолком будет кто-то жить, сделал он так по каким-то своим соображениям. Ну а я по достоинству оценил эту архитектурную находку в первую же зиму, что провел в

Бублинге. Коллет практически постоянно жила в кабинете, камин исправно топился круглые сутки, благодаря чему на чердаке временами становилось даже жарко. Естественно, я отнюдь не роптал, будучи, как и любой нормальный кот, существом крайне теплолюбивым.

Не то чтобы я не люблю зиму — совсем нет! В принципе я не прочь понаблюдать за падающими снежинками или даже изредка поваляться на свежем пушистом снегу... ну совсем изредка. А в остальное время я стараюсь не покидать дворец, благо для моей службы в том редко бывает необходимость. Еще в прошлом году, когда Анна только пристроила меня в Тайную Канцелярию, введивший меня в курс дела господин Ле Мортэ наставительно сказал:

— Конрад, если ты сам осматриваешь место преступления и гоняешься за преступниками, это говорит о плохой организации твоей службы. В «руках» и «ногах» у Тайной Канцелярии недостатка нет, нам остро не хватает «голов». А у тебя и рук-то нет...

У меня хватило здравого смысла не обижаться на шутку главы Тайной Канцелярии (вообще, обижаться на шутки таких людей как минимум... э-э-э... недальновидно) и прислушаться к совету. С тех пор оперативную работу я стараюсь распределить по рядовым агентам. Правда, это не всегда возможно — уж больно необычные у меня сотрудники. Я даже не уверен, можно ли их действительно считать сотрудниками? Информацию для меня собирают мыши и крысы, воробьи, голуби и вороны, кошки и собаки. Много любопытного можно узнать от лошадей и волов, особенно тех, что прибывают в Бублинг с торговыми караванами из других городов. Но очень часто главной проблемой становится уяснить, что же именно мне рассказали.

Заклятие Коллет, превратившее меня в кота, позволяет мне понимать речь животных и птиц, но, увы, даже при отсутствии языкового барьера частенько приходится поломать голову — уж больно причудливо некоторые из моих агентов мыслят. Впрочем, ничего удивительного нет в том, что амбарная мышь думает совсем иначе, чем купец, которому принадлежит амбар. И странно было бы ожидать, что воробей сможет описать старинный гобелен, даже если видел его собственными глазами: крохотного мозга птахи не хватит на такой подвиг...

Как раз из-за старинного гобелена, что попался на глаза одному из моих агентов-воробьев, мне и предстояло сейчас покинуть уютный чердак с горячей трубой и тащиться по снегу на другой конец Бублинга. К сожалению, это был именно тот случай, когда все приходится делать самому.

Возможно, любопытный читатель моих записок поинтересуется — почему это Личного Шпиона королевы заботит какой-то там гобелен, пусть даже и старинный? Какой интерес может представлять старая пыльная тряпка для безопасности Короны? Отвечу честно — никакой. Зато лично для меня, возможно, она представляла огромную ценность. Если, конечно, это была именно ТА «тряпка».

Дело в том, что нужный мне гобелен пропал давным-давно. Много лет назад его продали какому-то старьевщику, про которого ничего не было известно: ни имени, ни где находится его дом, ни даже был ли он постоянным жителем Бублинга или оказался в столице проездом.

Честно сказать, выяснив все это, я уже готов был махнуть лапой — ниточка казалась безвозвратно утерянной. Но на всякий случай наказал крысам и воробьям присматриваться к старью, что хранится в подвалах и на чердаках. Стоило бы, конечно, предвидеть обрушившийся на меня уже на следующее утро вал докладов о том, что искомый гобелен обнаружен в самых разных концах города. Иногда — одновременно на чердаке и в подвале какого-то дома. Поначалу я все сообщения проверял лично, но быстро убедился, что мои агенты весьма смутно представляют, что такое гобелен, и уж совсем не в состоянии определить, что именно на нем изображено. Мне довелось осмотреть множество картин, панно, ковров и даже гардин и одеял — достаточно было хоть какого-то изображения или узора на какой-либо тряпке, чтобы старательные, но бестолковые подчиненные сочли эту тряпку гобеленом. Конечно же именно тем, который я ищу.

Иногда среди всего этого хлама попадались и настоящие гобелены, но, увы, только не тот, что был нужен мне. Постепенно активность моих сотрудников сошла на нет — память-то у мелкоты короткая, — а я не стал повторять распоряжение, устав безрезультатно носиться целыми днями по Бублингу. И изрядно удивился, когда после долгого затишья появился этот воробей и прочирикал, что видел старый гобелен на чердаке одного из домов в Нижнем Городе. Скажу прямо — особого воодушевления я не испытал: почти наверняка это была очередная «пустышка». Но никаких важных дел в это утро у меня не было, погода же стояла вполне сносная — солнечно и не очень холодно. К тому же скоро должен был заявиться Транквилл, искренне считавший, что без его ежедневных наставлений я бездарно потрачу жизнь на всякие пустяки... короче, не было никаких причин отказаться от прогулки.

Вспомнив о предстоящем визите петуха, я вскочил с тюфяка и стал поспешно одеваться. Если Гай Транквилл перехватит меня во дворце, то наверняка увяжется за мной. А это значит, что мне придется-таки выслушивать его нудные поучения и вместо приятной прогулки получится выездная воскресная проповедь.

Ах, милые дамы и милостивые государи, поверьте, я ничего плохого про Гая Транквилла не хочу сказать. Он — настоящий друг, отважный соратник, и временами его заумные рассуждения могут даже позабавить. Но только временами. Слушать его философствования ежедневно — это нужно иметь нервы покрепче кошачьих!

Раньше Гай Светоний Транквилл (в те времена — просто безымянный петух) жил на постоялом дворе. В те же времена одну из комнат на том постоялом дворе занимал некий вагант, имевший привычку вслух читать философские трактаты. А Гай, будучи молодым и любопытным, подслушивал эти «лекции» под окном.

М-да... Ну что тут сказать? Помнится, как-то попала мне в руки книжица какого-то философа — не помню, как его звали, имя такое... чем-то напоминает дерево... Дуб? Нет... Любопытно, кстати, почему в таких случаях первым всегда вспоминается дуб? Вот о чем следовало бы подумать господам философам, а не о всяких пустяках... Ель? Пихта? А! Вспомнил! Платан! Так вот, почитал я с пару страничек этого Платана и понял, что еще вот строчку хоть прочту — тут у меня черепушка-то и лопнет. И это я еще тогда человеком был! А уж что говорить о петухе? Бедолага Гай приложился об философию всей своей не больно-то крепкой головой и остался ушибленным великой мудростью на всю жизнь. Вместо того чтобы копать себе спокойно в мусорных кучах, драться с другими петухами и обхаживать кур, стал он задумываться о метафизике, происхождении мира, смысле жизни и прочих бесполезных вещах. Хозяин постоялого двора решил, что петух заболел, и нацелил его прямоком в жаркое. Спасся Гай Транквилл лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств: в тот вечер, когда мясницкий нож уже не иллюзорно нависал над ним, на постоялый двор прибыл я. Хоть и был петух «не от мира сего», а ведь не упустил единственный шанс на спасение и, спрятавшись в моей поклаже, бежал с постоялого двора. С тех пор он путешествует со мной, найдя во мне несчастную жертву для своих нудных проповедей.

Обычно я безропотно выслушиваю его бредни — друг все-таки. Но если появляется удобный предлог, сбегая «по делам». Вот как сегодня.

Я старательно замотал морду длинным толстым шарфом и распахнул дверь...

— Ко-ко-конрад? Куд-куда-то спешишь?

— ...!

— Так-то ты встречаешь друзей?! — поспешил обидеться петух. — Как горько видеть, что неблагоприятная человеческая сущность остается неизменной, даже будучи заключена в более благородную оболочку!

— Гай! Не смей меня так пугать! — Я обреченно вздохнул. — Ладно, извини! Просто не ожидал на тебя наткнуться.

— А чего это ты испугался? — подозрительно уставился на меня Гай Транквилл. — Кто тебе может угрожать во дворце? А? А! Я понял! Признавайся — во дворец проникли шпионы! Нет, не шпионы! Наемные убийцы! Поэтому ты и бежишь, замотав морду шарфом?

— Э-э-э...

— Но, Ко-ко-конрад! Это подло! Бросать в опасности меня, ко-королеву, ко-короля, Ко-ко-коллет! Не говоря уж обо мне!

— Ты себя уже упоминал...

— Я знаю! Но про меня всегда забывают! Немедленно прими меры к моему спасению! Мир еще не готов лишиться моей мудрости!

— Заткнись! — взвыл я, подавляя желание придушить друга собственными когтями. — С чего ты взял, что я куда-то убегаю?!

Гай на мгновение застыл с разинутым клювом, потом глаза его затуманились, и он вдруг порывисто обнял меня.

— Конечно! Прости меня, Ко-конранд! Прости, что усомнился в твоём благородстве! Ко-ко-конечно же ты не бежишь! Спрятав лицо под маской, как это принято у героев, ты устремляешься в бой с врагами...

— Гай, ты, случаем, конопляных семян не клевал? Что ты несешь? Какие враги?

— Ко-ко-которые проникли во дворец!

— Кто проник во дворец? С чего ты это взял?

— А что, никто не проникал? — вдруг совершенно спокойным голосом спросил петух. — А чего ты тогда замаскировался?

— Иезус Мария! — Я досчитал до пяти и выдохнул. — Если ты до сих пор не заметил, вот уже второй год я обязательно маскируюсь, выходя на улицу. Не особо приятно, знаешь ли, когда в тебя тычут пальцами и разглядывают, словно уродца в кунсткамере!

— Это у тебя комплексы из-за того, что пришлось выступать в цирке! — деловито сообщил Гай Транквилл. — Хочешь поговорить об этом?

— Не хочу! — прорычал я. — Канарейкам иди мозги выворачивай!

— С ними неинтересно! — пренебрежительно махнул крылом петух. — У них и мозгов-то с наперсток!

— Как раз для тебя собеседники...

— Грубый ты, Ко-ко-конрад, — покачал головой Гай. — Но я на тебя не обижаюсь. Твоя грубость проистекает из желания защититься от экзистенциального ужаса, имманентно присущего проявленному миру... Так, и куда мы отправляемся?

— МЫ? — сделал я последнюю попытку спасти сегодняшнее утро. — Послушай, Гай, я иду по одному личному делу в Нижний Город. Мне нужно кое-что найти. Не думаю, что тебе...

— Отлично! — Как и следовало ожидать, петух проигнорировал намек. — И что мы будем искать?

— Слушай, Гай, там ведь холодно, ветер, снег. Почему бы тебе не подождать меня здесь? Я скоро вернусь.

— Знаю я твое «скоро»! — сварливо проскрипел петух. — Всегда так говоришь, а возвращаешься только к вечеру. Ты совершенно не умеешь организовывать свое время. Вот и об этом тоже я с тобой хотел поговорить! Ну пойдем же! Еще древнегреческие философы пришли к выводу, что прогулка весьма способствует мыслительной деятельности. Последуем же примеру школы перипатетиков и продолжим наш разговор на ходу! Ну же, Конрад, не отставай!

И я покорно поплелся вслед за бодро вышагивающим Гаем Транквиллом. Черт бы побрал этих перепра... препара... перепаркетиков! Довелось бы им пообщаться с Гаем, небось враз придумали бы, что для мыслительной деятельности самое полезное — сидеть дома одному за хорошо запертой дверью! Э-э-эх, ну что за насмешка судьбы? Я, потомок славного рода фон Коттов, бывший капитан ландскнехтов, Личный Шпион королевы, в конце концов, — не знаю, куда деться от назойливой болтливой птицы! А причиной тому, я считаю, мои немецкие корни — сентиментальность у меня в крови...

За этими мрачными размышлениями я не заметил, как лапы сами привели меня к конюшне. Видимо, мое тело тоже не разделяло идей древнегреческих философов.

— Здорово, Иголка! Как жизнь?

— Капитан? Рада вас видеть! — приветственно фыркнула лошадь. — Эх, разве это жизнь?! Нет, ну жаловаться, конечно, грех — содержание и впрямь королевское. Только скука смертная. Скучаю я, господин капитан, по бешеной скачке, звукам битвы... по запаху пороха...

— Да. Понимаю... Признаться, мне и самому не хватает всего этого. — Я дождался, пока конюх оседлает Иголку, и запрыгнул в седло. — Ну, будем надеяться, рано или поздно я верну себе прежний облик и мы с тобой еще повоюем!

— Ну конечно! — неодобрительно проскрипел Гай Транквилл, устраиваясь на луке седла. — Замечательное развлечение — убивать себе подобных! От Конрада я иного и не ожидал, у этого безмозглого вида стремление к бессмысленному насилию в крови. Но ты, Иголка! Ты ведь лошадь!

— А, капеллан... — Иголка содрогнулась, словно от укуса слепня, и покосилась на меня. — Он с нами?

— Как видишь, — беспомощно развел я лапами.

— Ужасно! — Будучи нормальной солдатской лошадью, Иголка особой деликатностью не отличалась. — Капеллан, будешь гундеть у меня над ухом — сброшу, пойдешь назад пешком.

— Общение с Конрадом плохо на тебя влияет! — обиженно буркнул Гай Транквилл, но испытывать терпение лошади не рискнул и молчал до самого Нижнего Города.

Надо заметить, всадник в Нижнем Городе — явление если и не экстраординарное, то, во всяком случае, редкое. Разве что в порту сойдет с баржи путешественник с верховыми лошадьми или повозкой, да и тот поторопится миновать небезопасные улицы. Человек верхом здесь обязательно привлекает нездоровое внимание. А уж тем более если этот человек — карлик, каковым я выглядел в человеческой одежде. Ну а когда на луке седла перед карликом зачем-то устроился петух — тут уж самые ленивые и даже мертвецки пьяные оторвут свои седалища от лавок да выберутся на улицу посмотреть на такое диво. Так что к нужному дому мы подъезжали в сопровождении целой толпы зевак.

Меня это, мягко говоря, нервировало.

В основном Бублинг населяют люди вполне мирные и законопослушные, к тому же Анна успела зарекомендовать себя справедливой правительницей. В Верхнем Городе, даже узнай во мне кто-то приближенного королевы, мне бы грозило разве что чрезмерное гостеприимство подданных Анны. Но Нижний Город давно стал приютом всякого сброда, в большей или меньшей степени имеющего трения с законом, так что демонстрировать здесь принадлежность к Короне не стоило. И вообще, привлекать внимание было здесь чревато всякими неприятными неожиданностями. Потому, стоило двери нужного мне дома приоткрыться на стук, я, не теряя времени на формальное представление, поспешил просочиться внутрь. Хозяин дома явно не ожидал такой прыти от незваного гостя.

— ...!

— Приношу свои самые искр... АЙ! Идиот! Обалдел?!

Я перекатился через голову, с трудом увернувшись от тяжелого костыля, едва не разможившего мне голову. Согбенный в три погибели старикашка, открывший мне дверь, с неожиданной прытью бросился за мной, нанося мощные удары палкой. Я метался, словно мне подпалили хвост, с трудом уходя от смертоносного костыля и помышляя уже только о бегстве. Увы, сумасшедший старик загораживал собой выход, да и сумей я пробиться к двери, вряд ли моих сил хватило бы открыть ее...

Тут мой каблук зацепился за что-то, и я неуклюже шлепнулся на спину, проклиная неудобную человеческую одежду.

Издав победный вопль, старик, занес костыль над моей головой.

«Какая нелепая смерть...» — пронеслось в голове.

— ...!!!

Я приоткрыл глаз.

Да, ну и что?! Сам прекрасно знаю, что благородному потомку рода фон Коттов пристало отважно смотреть смерти в глаза. Но я ведь и не испугался! А глаза закрыл исключительно с целью сосредоточиться, произнести молитву и принять смерть как подобает истинному христианину. Однако удара не последовало, вместо этого послышалось какое-то кряхтение и сдавленная ругань. Конечно, в такой важный момент не следует отвлекаться на мирское, но любопытство пересилило, и я решил взглянуть хоть одним глазом, что происходит.

Надо признаться, тут со мной чуть не случилось то, что иногда случается с новобранцами в первом бою и о чем они впоследствии никогда не рассказывают соратникам. Такой страшной рожи я не видел с тех пор, как... да никогда не видел! Да еще всего в нескольких дюймах от моего носа! Но когда первое потрясение схлынуло, я осознал, что лицо-то передо мною вполне обычное, просто искажено злостью и болью.

— Так-так-так. — Я обошел вокруг застывшего в нелепой позе старика и без особого сочувствия поинтересовался: — Прострел?

— Он, проклятый, — прокряхтел старик. — Надо ж как не вовремя прихватило!

— Это из-за перемены погоды. Вчера было тепло и пасмурно, а сегодня солнце и мороз. У меня наоборот — когда к теплу погода меняется, лапы... э-э-э... ноги болят.

— У тебя-то с чего? — недоверчиво покосился на меня старик.

Я помог ему опустить руку с занесенным костылем.

— Ну, скорее всего, эта хвороба ко мне привязалась, когда мой отряд в Голландии обретался почти полгода. Болота, сырость — сам понимаешь. Да и вообще, знаешь ли, жизнь ландскнехта — не сахар. Под дождем мокнешь, мороз тебя морозит, зачастую на голой земле спать приходится...

— Ландскнехта? Да ты смеешься надо мной! — гневно потряс кулаком старикашка, но тут же перекопился от боли. — Какой из тебя ландскнехт, недомерок?!

— Хороший, я считаю. — Я размотал шарф и стянул с головы шляпу. — У меня, между прочим, капитанский патент...

— Дьявол! Изыди! Ы-ы-ых!

Мой гневливый собеседник вновь попытался замахнуться на меня костылем и вновь застыл в раскоряченной позе, не в силах шевельнуться от боли.

— Экий ты все-таки склочный тип, дедуля! — укорил я старика, снова помогая ему опустить руку и выпрямить спину. — Ты на всех гостей с палкой бросаешься?

— Не помню, чтобы приглашал тебя в гости, — проворчал старик. — Много вас тут шляется! И все норовят стянуть что-нибудь!

— Да что у тебя красть-то? — искренне удивился я, разглядывая сомнительной чистоты прихожую. Кособокая табуретка да несколько драных шуб из не поддающегося опознанию меха составляли всю обстановку. — Здесь даже старьевщику нечем поживится...

— А тебе-то откуда знать? Что бы еще понимал в ремесле старьевщика!

— В твоем возрасте, — наставительно произнес я, вновь помогая старику разогнуться, — и с твоим радикулитом следует быть спокойнее. О вечном пора думать.

— А в твоем возрасте надо к старшим с почтением относиться! — парировал старик. — Ты почто ко мне вломился, словно разбойник какой? Или ты и есть разбойник?

— Да не разбойник я... И не дьявол, так что хватит на меня крестом махать. Я — Конрад фон Котт, не слышал разве про меня? Личный Шпион королевы.

— Королевы? — вытаращился старик. — Неужто Гарольд женился?

— Какой Гарольд? Дед, ты в каком году живешь? Гарольд уж больше двадцати лет как пропал. После него правил его брат — Хилобок. А сейчас правит дочь Хилобока — королева Анна. Ну и ее муж, король Андрэ... тоже правит. В некотором смысле.

— Да мне в общем-то по фигу, — пожал плечами старик. — Кто на троне сидит, нам в Нижнем Городе с того ни тепло ни холодно. Ну и что привело такую важную шишку в дом бедного старьевщика?

— Возможно, у тебя есть кое-что, нужное мне.

— М-да? — Старик окинул меня подозрительным взглядом. — Уверен? Придворному хлыщу вроде тебя вряд ли может понадобиться что-то из моего товара. Хотя несколько ценных вещичек у меня найдется, да, найдется... можешь пройти и посмотреть сам...

Старьевщик тщательно запер входную дверь на несколько запоров и поманил меня за собой. Темный грязноватый коридор заканчивался обшарпанной дверью самого неприглядного вида. Старик повозился с замком, отворил ее, пропуская меня внутрь дома.

— Ох! Ну и... разнообразие, — дипломатично закончил я.

Должен признать, комната внушала смешанные чувства. Весьма большая, она была так загромождена старой мебелью и прочим хламом, что казалась тесной. Черные от времени, рассохшиеся шкафы и буфеты подпирали потолок, с ними соседствовали колченогие кресла и диваны, погребенные под кучами каких-то тючков и коробок, беспородные табуретки толпились стайками в разных углах. Из приоткрытых створок шкафов топорщились старомодные камзолы и платья, поношенной и порядком грязной одеждой завалены были и диваны с креслами. На буфетных полках громоздились горы разномастной посуды, обшарпанных шкатулок и табакерок, уродливых вульгарных статуэток и прочего хлама...

Я закашлялся от попавшей в горло пыли, после чего принялся неудержимо чихать — чувствительный кошачий нос болезненно воспринял затхлый воздух комнаты.

— Эй! А ну прекрати! — возмущенно завопил старик и принялся бережно вытирать рукавом стенку ближайшего шкафа. — Ты мне так всю полировку испортишь!

Я с сомнением посмотрел на кособокое чудище.

— Да его разве что на дрова кто-нибудь купит, а для дров полировка неважна...

— А он и не продается! Здесь ничего не продается! Склад у меня на чердаке.

— А это тогда что?

— Это моя гостиная, — буркнул старик. — Живу я здесь! Ну чего встал? Пошли уже, время — деньги.

Не желая вновь вызвать приступ гнева, я оставил рвавшиеся с языка комментарии при себе. В конце концов, в Бублинге каждый сумасшедший имеет право жить, как хочет. Да и воробей заметил гобелен как раз на чердаке.

В углу гостиной обнаружилась крутая лестница, ведущая к люку в потолке. С неожиданной для такой развалины прытью старьевщик вскарабкался по ней, отпер люк и скрылся на чердаке. Я поспешил за ним.

— А вот и товар. Выбери — чего надо?

— Издеваешься? — вякнул я, без всякой надежды обводя взглядом горы барахла, забившие чердак до самой крыши. — Как на этой помойке можно что-то найти?!

— Не хами, молокосос! — Старик погрозил мне костылем. — Ничего ты не понимаешь в благородном ремесле старьевщика! Это же сокровищница!

— М-да?.. — Я скептически хмыкнул, разглядывая стул, рассохшиеся ножки и облезлая кожаная обивка которого свидетельствовали о долгом и безжалостном жизненном пути.

— Да! Между прочим, этот стул, на который ты смотришь, принадлежал самому Урюк-Урукхаю! Ему цены нет!

— Сомневаюсь, что дикий кочевник при жизни пользовался им хоть раз. Насколько я помню дворцовые байки, он до самой смерти по степной привычке сидел на корточках. Даже на троне.

— Я же не говорил, что он на нем сидел! — выкрутился старик. — Но принадлежать-то он ему мог!

— Вот что меня меньше всего волнует в этой жизни, так это родословная стульев.

— Ты рассуждаешь как простолудин! — возмущенно фыркнул старьевщик. — Каждый человек оставляет отпечаток своей души на вещах, которыми владел при жизни! Если человек был особенный, то и отпечаток будет особым! Недаром же так ценят мечи, принадлежавшие великим героям!

— Про мечи мне доводилось слышать, но, думаю, это только потому, что герои могут

позволить себе лучшее оружие. А вот насчет отпечатка на стуле — тут меня гложут некоторые сомнения, что это отпечаток именно души, а не другого места. Впрочем, я пришел к тебе не о теологии спорить.

— Так что, не будешь покупать? — разочарованно протянул старьевщик.

Я с трудом протиснулся между двумя холмами мусора и побрел в глубь чердака, обшаривая взглядом «сокровища» старьевщика. Если воробей наткнулся на гобелен, значит, тот лежал где-то на виду — ну не рылась же птица в этих кучах?!

— Эй-эй! Ты что себе позволяешь! — Старик ринулся было за мной, но безнадежно застрял между огромным диваном с лопнувшей обивкой и чем-то до ужаса напоминавшим ржавую «железную деву». — Не смей ничего трогать руками!

— Да я и желания к тому особого не имею, — заверил я старьевщика, безразлично разглядывая толстый слой пыли на вещах. Но уже через мгновение мысль о том, как бы не испачкаться, вылетела из моей головы. Как, впрочем, и остальные мысли.

Со шкафа свисал гобелен. Даже при тусклом свете, едва пробивавшемся внутрь через небольшое окно, я узнал рисунок. Раньше мне его, правда, видеть не доводилось, но за прошедшие месяцы я столько раз вспоминал его описание! Тем более что искомый образец сильно отличался от обычных гобеленов. Не знаю ни одного другого случая, чтобы на гобелене был вышит вид города как бы с высоты птичьего полета.

— Старик, а вот за эту тряпку сколько хочешь? — как можно небрежнее поинтересовался я.

— Сам ты тряпка! — отозвался из-под завала старьевщик. — Это флаг Питирифа Отважного, с которым он дошел до Константинополя...

— Врешь, — хмыкнул я. — Ты ведь даже не видишь, о чем я говорю. Это никакой не флаг, а гобелен. Да и не знаю я никакого Питирифа, ни отважного, ни трусливого.

— То, что ты его не знаешь, говорит лишь о твоём невежестве, — проворчал старик, высвобождаясь наконец из объятий «железной девы». Прокönyав к шкафу, он зачем-то нацепил монокль, которым пользуются ювелиры, и стал пристально изучать гобелен.

— Ну... э-э-э... сразу видно ценителя старины! Ты выбрал жемчужину моей коллекции, редчайший экземпляр рукоделия эльфов. Только для такого знатока — уступлю за тысячу золотых!

— Ты рехнулся? — У меня аж шерсть дыбом встала от такой наглости. — Да за половину этой суммы весь твой дом можно купить!

— Так эльфийская же работа! Ему снос не будет!

— А чего ж он тогда весь в дырках от моли?

— Ну... э... это эльфийская моль!

— Да не дури мне голову, старикан! Эльфов не существует! А это — обычный старый гобелен из Скандинавии! Да еще и молью траченный! Ему цена — медная полушка в базарный день.

— Вот-вот! Старинный гобелен из страны йотунов и великанов! Возможно, его сама Фрея выткала! Да за такой раритет восемьсот золотых не жалко отдать!

— Ну конечно, Фрее больше делать нечего, как вышивать вид на город с названием Бурда... э-э-э... Бурда... федль...стадюр! Блин, да ни одна богиня такого слова не выговорит! Не морочь мне голову — обычный старый гобелен. Пяти талеров за него вполне достаточно!

— Пяти... талеров?! Нет, ты все-таки грабитель! Лучше бы ты ударил меня в спину кинжалом и украл эту бесценную реликвию, чем оскорблять меня таким нелепым предложением! Пятьсот золотых, и ни гульденом меньше!

— Да ты сам разбойник, как я погляжу! Пятьсот золотых! Ты же наверняка выкупил его не дороже чем за два гульдена! А я готов тебе их вернуть и даже накинуть один сверху, но не больше. Три золотых, и по рукам!

— Не тяни ко мне свои лапы! Мне все равно, что ты там думаешь! Если бывшая хозяйка этого гобелена и впрямь продала мне его за два золотых — это было ее право. А я не

хочу продавать его меньше чем за четыреста. Это мое право!

— Но он столько не стоит! — возмущенно завопил я. — Опомнись! Жадность лишила тебя разума! Никто у тебя не купит старый коврик и за пять золотых! Упустишь свой шанс сейчас — будешь потом локти себе кусать!

Старикашка ехидно ухмыльнулся:

— Таки да, мой шанс! Тебе этот коврик нужен, а значит, раскошелишься, никуда не денешься! И вообще, кто бы говорил о жадности? Тебе, придворному богатею, стыдно должно быть — пожалел лишние триста гульденов для бедного больного старика!

— Аз воздам, — пожал я плечами. — Когда ты покупал этот гобелен у хозяйки, она с маленьким сыном перебивалась с хлеба на воду. Ты ведь не пожалел их тогда? Гобелен, хоть и старый, можно было продать любителю старины золотых за десять. А ты выторговал его за два. И от жадности так и не смог продать, сгноил на своей помойке. Подумай — больше такого шанса у тебя не будет — целых восемь золотых прибыли...

— Вот только не надо мне на совесть давить! — обиделся старьевщик. — Я деловой человек. Она согласилась продать за эту сумму, значит, сделка законная. А тебя двести пятьдесят золотых не разорят.

Я бы и дальше с удовольствием продолжал торг, чтобы проучить старого выжигу. К тому же в кошельке у меня было всего двадцать золотых — все мое содержание за этот месяц. Но тут за окном раздался заполошный петушиный крик и на подоконник упал тяжело дышащий Гай Транквилл.

— Ко-ко-конрад, — из последних сил просипел петух, закатывая глаза. — На помощь...

Бедняга захрипел и, скатившись с подоконника на пол, застыл.

Я упал на колени рядом с бездыханным телом друга — ноги не держали меня от ужаса.

— Гай! Только не вздумай умирать! Как же я...

— Э... Что это за мешок перьев? — Подошедший старьевщик потыкал в Транквилла костью. — Ты чего с ним обнимаешься? Это ж всего лишь петух какой-то...

— Убери палку, ты!

— Правильно! Дай ему как следует, Ко-ко-кон...

— Так ты не умер?! — прошипел я, чувствуя себя полным идиотом. — Какого же дьявола ты тогда здесь умирающего лебеда изображал?! Я уж черт знает что успел подумать.

— Како-ко-кой ты все-таки грубый! — укоризненно покачал головой Гай Транквилл. — Я, можно сказать, чудом спасся от неминуемой гибели. Даже сумел взлететь на второй этаж — а я ведь все-таки солидная птица, которую природа не наделила подобным умением. Взлетел, замечу, дабы предупредить тебя об опасности, которая угрожает мне и твоей ненаглядной Иголке! И что? Вместо благодарности ты обрушиваешь на меня упреки? O tempora, o mores!

— О чем ты? Какая еще опасность?

— Э... Ты что, с ним разговариваешь?

— Заткнись!

— Правильно, заткнись! Какой мерзкий экземпляр человеческой породы! Одного взгляда на его искаженное злобой и алчностью лицо достаточно, чтобы понять, сколь низко пал сей представитель...

— Гай, ты тоже заткнись! И отвечай четко: что случилось?!

— Подчиняюсь грубой силе, — обиженно развел крыльями петух. — Меня там, между прочим, съесть хотели! Какие-то деклассированные личности, собравшиеся поглазеть на тебя. Когда ты вошел внутрь, они сначала вели себя тихо, как обычные недоумки. Только глазели на нас с Иголкой. А потом кто-то особо одаренный задатками лидера предложил меня съесть, а лошадь увести и продать!

— Проклятье, что же ты сразу-то не сказал?!

Я высочил из окна на карниз и увидел, как к Иголке со всех сторон приближаются оборванцы самого что ни на есть криминального вида. Вернее, пытаются приблизиться.

Будучи обученной боевой лошастью, Иголка умело удерживала их на расстоянии, безжалостно пуская в ход копыта и зубы. Четверо наименее удачливых бродяг уже лежали без чувств на снегу, еще трое нянчили поврежденные конечности.

— Держись, Иголка! Я иду!

— Эй! — заметался по чердаку старьевщик. — Эй! Куда?! Как же наша сделка?! Гобелен?! Золотые?! Эльфийская выделка! Фрея вышивала! Сто гульденов!

Я обернулся и не отказал себе в удовольствии злорадно ухмыльнуться:

— Сделка отменяется! Надо было соглашаться, когда я предлагал тебе десять золотых...

— Но он же тебе нужен? Я готов отложить его...

— Не думаю, чтобы за ним выстроилась очередь желающих купить, — хмыкнул я. — Вообще-то он мне уже не нужен. Я хотел только узнать, как называется город на гобелене. И уже прочел — Бурда... федльсстадюр! Вот! Гай, запомни.

— Издеваешься?! Таких слов не бывает!

— В общем, неважно. — Я достал из кошелька пять золотых. — Гобелен мне больше не нужен. Я готов купить его, чтобы починить и подарить той доброй женщине, у которой ты его когда-то выманил. Для нее это все-таки память. Но моя sentimentalность не стоит ста золотых. Хочешь, возьму его за пять. Не хочешь — трясись над этим «богатством» и дальше. Решай быстрее.

— Согласен!

Сунув пять голдгульденов в потную ладонь старьевщика, я спрятал гобелен под камзол и бросился к краю крыши.

— Иголка! Я опять иду! Иезус Мария!

Совершенно забыв, что на задних лапах у меня сапоги, я немедленно поскользнулся на обледенелой крыше и неуклюже рухнул вниз под мстительное хихиканье старьевщика. К счастью, каким-то чудом попал прямо в седло. Хоть удар и вышиб из меня дух, я все-таки умудрился вцепиться передними лапами в валик из ткани, специально пришитый для меня на седло, и крикнул:

— Ходу, Иголка! Ходу!

— Меня подождите! — Сверху обрушился Гай Транквилл и намертво вцепился в камзол, прихватив когтями и изрядную долю моей собственной шкуры.

— Иезус Мария! Гай, отпусти! Больно же!

— Если я тебя отпущу, мне будет больнее! — возразил петух, нервно оглядываясь на преследующую нас толпу. — Я не хочу закончить жизнь в желудке этого отребья!

— Не трясись, капеллан! — бодро заржала Иголка. — Мы уже почти у Рыночных ворот. Дальше они нас преследовать не посмеют.

Действительно, шагов за сто до Рыночных ворот наши преследователи остановились и, посоветовавшись, побрели назад.

— Уф-ф-ф! Оторвались! — Я выпрямился в седле и стал заматывать морду шарфом. — Больше я туда ни ногой! Во всяком случае, пока не получу назад человеческие ноги!

— Это очень мудрое решение! — неожиданно согласился со мной и петух. — Жаль, ты не принял его утром!

— Утром это было невозможно, — пожал я плечами. — Мне было совершенно необходимо заполучить этот гобелен.

— Ты так хочешь порадовать его хозяйку? Не замечал раньше за тобой особой sentimentalности...

— При чем тут?... А, ты про то, что я сказал старьевщику? Глупости! Конечно, я буду рад преподнести этот маленький подарок фру Бокомьялле...

— Бокомьялле?!

— Ну да. Я сам удивился, когда узнал, что мать нашего Николаса живет в Бублинге. Хотя, если бы подумал головой, сообразил бы — где ж ей еще жить? Они ведь приехали сюда всей семьей, потом папаша его сгинул в лесах, и куда-то еще переезжать у соломенной

вдовы с маленьким сыном не нашлось бы денег. Просто этот балбес Николас ни разу про нее не упомянул, а нам спросить в голову не пришло.

— Так мы, получается, могли еще тогда все узнать у нее?! — сердито воскликнул Гай Транквилл. — Воистину, Николас редкостный глупец!

Я только лапой махнул:

— Вообще-то ничего полезного мы от нее тогда не узнали бы. Я ведь потом разговаривал с ней — после нашего возвращения из Америки Николас как-то пригласил меня в гости. Лодку-то его сожгли, вот он и вернулся под родной кров. Так вот, его мать про то плавание викингов знает еще меньше Николаса. Легенды ведь передавались по мужской линии, как и умение берсеркера. Но кое-что полезное я все-таки узнал. И притом — в нужное время. Расскажи она мне о гобелене до нашего плавания в Южную Америку, я бы не придал рассказу значения — просто не понял бы, о чем речь. Смыслом его наполнил разговор с шаманом...

— Ты нас специально интригуешь, Ко-ко-конрад?! Что за пошлые многозначительные паузы?!

— И правда, капитан! Не тяните кота... э-э-э... простите, я хотела сказать просто — не тяните! — поддержала Гая лошадь.

— Да не тяну я! Просто думаю, как бы объяснить... Помните, шаман рассказал, что рецепт зелья, при помощи которого можно вернуть человеческий облик, был записан на золотых табличках?

— Ну да, что-то такое он говорил, — кивнул Гай Транквилл. — Только ведь их давным-давно украли.

— Точно. И украли их викинги из того самого города, что выткан на гобелене.

— Ну и?.. Я это понял еще из твоей перебранки со старьевщиком. Ты же сказал, что запомнил название и гобелен тебе больше не нужен.

— Гай... Ну сам подумай — в состоянии человек запомнить такое название? Я его и пять минут в голове еле удерживал, а сейчас так уже совершенно не помню.

— Это ты правду сказал, — вынужден был согласиться Гай Транквилл.

— Вот... А главное, на гобелене выткан вид города. Довольно примитивно, к тому же за прошедшие триста лет многое должно было измениться, но это все же лучше, чем ничего.

— Все равно, — проворчал петух, нахохлившись. — Совершенно не обязательно было так рисковать. Мог бы попросить Коллет или Андрэ, чтобы те послали слугу выкупить чертов гобелен...

— Видишь ли, Гай, это ведь не касается Короны. Это мое личное дело. А когда мужчина перестает рисковать и особенно когда начинает перекладывать свои проблемы на других, на нем можно ставить крест.

— Предрассудки, свойственные твоему виду! — отмахнулся от моих слов Гай. — Ты не отвлекайся от главного! Что ты вообще разузнал?

— Не так уж и много, — признался я. — Фру Бокомьялле постаралась вспомнить все, что ей рассказывали, но... Иезус Мария! Это еще что?!

Рыночная площадь кипела. Собственно, для рынка это нормальное состояние, но на этот раз ажиотаж, коим были охвачены и торговцы, и покупатели, не имел никакого отношения собственно к торговле. Все, кто мог, устремлялись к Западным воротам, сопровождая бег обычными для подобной ситуации криками «Бежим!», «Скорее!» и «Там ТАКОЕ!!!». Даже обремененные ответственностью за прилавки и разложенный на них товар торговцы хоть и не покидали своих мест, но старались забраться на телеги и навесы, чтобы разглядеть, что же происходит у Западных ворот.

— Не нравится мне это! — немедленно заявил Транквилл. — Предлагаю объехать кругом.

— Тебе все на свете не нравится, — отмахнулся я. — Объехать не выйдет. Дворец-то как раз за Западными воротами. И похоже, народ бежит именно к дворцу. Что-то случилось... Эй, уважаемый!

Толстый серый голубь, летевший как раз со стороны дворца, оглянулся на мой окрик и, сделав круг, опустился на один из навесов.

— Капитан фон Котт? Какая приятная встреча!

— Взаимно, любезнейший. — Я раскланялся со всей доступной мне учтивостью. Голуби вообще не отличаются особым умом, потому очень обидчивы и даже в ничего не значащих словах легко находят повод оскорбиться до глубины души. Догадайся этот конкретный экземпляр, что я совершенно не помню, кто он такой, тут же закатил бы истерику. Скорее всего, один из моих агентов, но ведь они же все на одно... гм... на один клюв! Поэтому я поспешил перевести разговор в деловое русло: — Что там происходит? Из-за чего паника?

— О, право слово — какая-то ерунда! Эти люди! Они так легко возбуждаются по любому поводу! Там всего лишь несколько троллей пытаются войти во дворец...

— Троллей?! Иезус Мария!

ГЛАВА ВТОРАЯ, повествующая о том, каким преудивительным образом сказались события прошедшего лета на отношениях короля и королевы, а также о своевременном и весьма уместном участии в этом благородного Конрада фон Котта

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 29 декабря

16... года от Р. Х.

Недаром мудрые люди говаривали: посеешь ветер — пожнешь бурю. Воистину, это так и есть, особенно когда где-то рядом с сеятелем обретается женщина. Вот уж кому в радость всякий посеянный ветер любовно взлелеять и вырастить до самой что ни на есть разрушительной бури, после чего выпустить на наши бедные головы!

— Конрад! Ты, жалкий трус! Выходи!

— Не выйду!

— Почему?

— А зачем я тебе нужен?! А! То-то же! Не выйду!

— Негодай! Неужели ты бросишь Андрэ одного отвечать за все?! Ведь это ты виноват!

— Ну конечно! Ты, насколько я помню, тоже поддержала мой план!

— Но придумал-то его ты!

— Можно подумать, у нас был выбор! В той ситуации это был единственный способ спасти наши шкуры. И между прочим, в результате никто не пострадал — ни мы, ни тролли!

— Кроме бедной Алле-гу!

— Бедной?! Бедной?! — взвыл я. — Это ты про ту гору мускулов, что раскидала отряд гвардейцев, охранявших дворец? Про ту «бедную крошку», что покалечила пять лучших рыцарей Гремзольда?! Про ту «бедняжку», что чуть не пришибла Анну?!

— Ну она же извинилась...

— Обалдеть! Ты считаешь, что взять штурмом дворец, а потом просто сказать «Извините, я погорячилась!» — этого достаточно?

— А что ты предлагаешь? — пришел черед возмущаться Коллет. — Посыпать голову пеплом? Рвать на себе волосы? Анна ее простила — тебе этого недостаточно?

— Я вообще ничего не предлагаю, — возразил я. — Если Анна ее простила, чего от меня-то нужно?

— Анна простила Алле-гу! Но не Андрэ! Он где-то прячется уже второй день. Его надо найти. Вот что от тебя требуется.

— Ну конечно! Всего лишь найти бедолагу и отдать на расправу двум ревнивым бабам? Я ему все-таки друг...

Надо признать, за последнее время Коллет сильно поднаторела в магических

искусствах. Во всяком случае, ее арсенал заметно расширился в сравнении с молнией, которую она раньше пускала в ход в любой ситуации. И то, ведь если подумать — деревянные перекрытия башни старые и сухие, молния наверняка их подожгла бы, и пожар мог выйти нешуточным. Наверное, поэтому Коллет и вышибла дверь моего чердака воздушным вихрем. Тот же вихрь подхватил и меня, легко оторвал от пола и размазал по потолку. Завершающим аккордом стала дверь, прилетевшая мне точно в живот.

— Уф-ф-ф... — Я заглянул в глаза ведьмы и нервно сглотнул. — А с другой стороны, если подумать, Андрэ, наверное, сейчас одиноко там, где он прячется. Голодный небось... Я думаю, отыскать его будет вполне дружеским поступком...

Коллет хмыкнула и опустила руки. Вихрь мгновенно исчез.

Я поднялся с пола и, жалобно постанывая, доплелся до своего тюфяка.

— Конечно... хорошо быть магом! Даже если ты неправ, все равно никто не посмеет тебе возразить. А если кто и посмеет — всегда можно его молнией поджарить или вихрем подальше закинуть. Или еще каким волшебством рот ему заткнуть.

— Хватит ныть! — В голосе Коллет, однако, прорезалась неуверенность. — Андрэ надо найти. Сам же сказал — он, может, голодный сейчас где-нибудь в подвалах прячется.

— Не уверен, что для него голод сейчас хуже встречи с Анной... молчу-молчу!

Я улегся на тюфяк и демонстративно повернулся к ведьме спиной.

— Можешь передать Анне, что я скоро найду Андрэ. Но уговаривать его вернуться она будет сама... Иди, чего ты ждешь? Я собираюсь поговорить с крысами, а они очень не любят, когда дамочки при их виде визжат.

Я услышал сердитое фырканье Коллет, и через мгновение ее каблучки дробно простучали по лестнице вниз. Так, немного времени выиграно.

Если задуматься, то никаких особых дел в Бублинге у меня больше не было. Вместе с гобеленом я получил ниточку, ведущую меня к золотым табличкам индейских шаманов. Было бы разумным отправиться на их поиски весной, когда сойдет снег и дороги подсохнут. Собственно, так я и планировал. Но появление троллей и последовавший за этим скандал наводил на здравую мысль, что до весны ведь очень запросто можно не дожить. С другой стороны, отправляться вот так, без всякой подготовки, в дальние края было бы неразумно. Но и оставаться в такой ситуации во дворце было еще не разумнее.

Очень кстати в таком положении бывает вспомнить о давних обещаниях, которые до сих пор не выполнил.

Я стащил с лап сапоги и запихнул их в мешок, туда же отправились гобелен и теплый плащ. Вокруг живота я обмотал пояс с золотыми монетами и закрепил его поверх кушаком на пиратский манер. Убедившись, что на лестнице никого нет и меня никто не услышит, открыл окно и стал быстро спускаться по стене.

Наверное, в бытность мою человеком меня не зря считали плохим командиром, а мой отряд наемников — сборищем неудачников. Я никогда не отличался большой физической силой или каким-то особым воинским искусством, а храбрость мне всегда заменяли врожденное нахальство и приобретенный здравый смысл. Но вот чего у меня всегда было не отнять, так это чутье на неприятности. Внутренний голос всегда безошибочно подсказывал мне, когда приходило время делать ноги.

Так и в этот раз: еще не зная никаких подробностей и всего лишь услышав, что какие-то тролли пытаются войти во дворец, я сказал сам себе: «Конрад, твоя спокойная жизнь закончилась!» — и первым делом предусмотрительно приказал слугам в конюшне подготовить торбу со всем необходимым в дороге и держать ее в стойле Иголки.

Разумеется, мое чутье меня не подвело.

Тролли, каким-то чудом просочившиеся через приграничную зону и, мало того, незаметно миновавшие несколько населенных областей Гремзольда, явились в Бублинг вовсе не воевать. Все обстояло гораздо хуже. Отряд из пяти троллей можно было бы назвать дипломатической миссией, если бы у самих троллей было какое-то представление о дипломатии. Ну и вообще — как-то не вяжутся в моей голове восьмифутовые гиганты,

одежду которых составляют лишь обильные татуировки и набедренные повязки более чем скромных размеров, с понятием «дипломат». Возможно, я слишком старомоден, но мне кажется, «дипломаты» не должны ломиться в ворота, раскидывать стражу и калечить рыцарей, выбежавших из дворца на шум. Нет, конечно, спорить не стану — сэр Ганджубас Невообразимый тоже погорячился. Хотя его можно понять! Неожиданная командировка в Алжир в компании трех стражников и десятка ворон, которую ему устроил год назад маг Мордаун, сделала сэра Ганджубаса героической личностью в глазах простых гремзольдцев, но сильно сказалась на его душевном равновесии. После этого путешествия когда-то вполне уравновешенный придворный при малейшем намеке на опасность стал мгновенно впадать в ярость и очертя голову бросаться в бой, сопровождая сие безобразие отборной руганью на арабском языке. Вернувшиеся вместе с ним стражники приватно поведали господину Ле Мортэ, что в Алжире, чтобы не умереть с голоду, им пришлось перебиваться поденной работой и нищенствовать. На этом-то поприще сэр Ганджубас и обзавелся непревзойденными бойцовскими навыками и довольно однобоко расширил свои познания в арабском языке.

Что бы ни было тому причиной, сэр Ганджубас Невообразимый сумел своим примером увлечь в атаку с десятков рыцарей, как обычно прохладившихся во дворце. Атака была стремительна, ужасна и абсолютно бессмысленна. Рыцарям еще повезло, что сквозь пролом в воротах успела протиснуться только Алле-гу. Будучи поменьше своих собратьев и не такой кровожадной от природы, тролльша хотя бы не убила рыцарей. Впрочем, вид огромной татуированной женщины, размахивающей сэром Ганджубасом и сокрушающей им, словно дубиной, противников, поверг цвет гремзольдского рыцарства в уныние и скорбь. Пять рыцарей попали в госпиталь с ушибами и вывихами, еще четверо бесславно бежали с поля боя. Сам сэр Ганджубас, как только пришел в себя, прямо в госпитальной палате потребовал к себе священника и выразил твердое намерение принять постриг.

К этому времени, впрочем, недоразумение уже разрешилось, и Алле-гу вместе с сопровождающими мирно беседовала с Анной в тронном зале. Я имел честь присутствовать на этом приеме... впрочем, с гораздо большим удовольствием я оказался бы в тот момент за много миль от Бублинга!

Дело в том, что Алле-гу пришла забрать Андрэ.

Надо заметить, наш король проявил обычную в критических ситуациях сообразительность. Как только Алле-гу стала рассказывать Анне про встречу с нашим отрядом весной прошлого года, Андрэ тихо поднялся и вышел из зала. Прodelал он все так естественно и спокойно, что никто не обратил внимания на его уход — мало ли что приспичило его величеству. Например, перекусить... Ну а когда Анна изъявила настойчивое желание обсудить щекотливую ситуацию с супругом, а если точнее — вскочила с трона с воплем «Где этот козел?! Убью!», Андрэ уже и след простыл.

Воспользовавшись суматохой, я счел тактически верным укрыться на чердаке. Меня не тревожили почти два дня, и я уже начал было надеяться пересидеть грозу, но, как оказалось, напрасно. Коллет вспомнила обо мне и, словно Немезида, явилась требовать воздаяния за грехи. Признаться, когда она посмотрела на меня своими бешеными зелеными глазами, на мгновение в мою душу закрался соблазн рассказать, где прячется Андрэ. К счастью, эта слабость продолжалась всего несколько мгновений.

Ну уж нет, покупать себе спокойную жизнь, сдавая товарища, — не мой стиль. И Коллет, когда немного успокоится, сама поймет, что у меня не было выхода, кроме как бежать. Авось к тому времени, как я вернусь, она остынет и простит меня.

К счастью, Коллет при всем ее могуществе — все еще наивная девчонка и никак не могла ожидать от меня такой подло... гм... хитрости. Потому в конюшне меня не ожидала засада, конюх беспрекословно оседлал Иголку, приторочил к седлу торбу с припасами и даже пожелал мне удачной поездки. Что ж, немного удачи мне не помешало бы.

Первым делом я направился к дому фру Бокомьялле.

На стук мне открыл сам Николас. С момента нашего возвращения в Бублинг он... ну не

сказать чтобы располнел, но хотя бы перестал напоминать скелет, обтянутый кожей. Неизбывным осталось только унылое выражение его физиономии.

— А... капитан...

— Привет, Николас. Домашняя еда явно идет тебе на пользу!

— Ох, молчи! Если тебя услышит мама...

— Ники! — донеслось из глубины дома. — Ты почему держишь гостей на улице? Где твое воспитание? Немедленно пригласи их в дом!

— Да, мама! — голосом примерного мальчика пропел Николас. Потом бросил на меня предупреждающий взгляд и мрачно произнес: — Ни слова! Иначе я вызову тебя на дуэль!

— Я и не думал! — как можно искреннее соврал я, радуясь, что по кошачьей морде трудно прочесть мои мысли.

Тяжелые времена для семьи Бокомьялле закончились давно — как только Николас более-менее подрос и начал работать в порту. И теперь, глядя на уютную гостиную, украшенную цветами в вазонах и картинами, было трудно представить, что когда-то фру Бокомьялле с сыном ютились в маленькой комнатухе одного из доходных домов Нижнего Города. Я учтиво поклонился почтенной даме и достал из мешка гобелен.

— Ох! Неужели это...

— Да, он самый, — не без некоторого самодовольства ухмыльнулся я. — Мне все-таки удалось его найти.

— Бур-да-федль-сста-дюр, — по слогам прочел Николас название, вышитое над панорамой городка. — Неудивительно, мама, что вы не могли вспомнить это название. Я его только что прочел и то уже не могу вспомнить.

— Подумать только, — фру Бокомьялле, не слушая болтовни сына, осторожно провела рукой по ткани, — а я уж и не думала вновь увидеть его. Как вам это удалось, херр Котт?

— О, ничего сверхъестественного, — отмахнулся я. — Всего лишь упорная методичная работа. Я счастлив вернуть его вам... к сожалению, тут над ним немного постаралась моль...

— Я так благодарна вам, херр Котт! Вот, Николас, тебе стоило бы брать пример с херра Котта! Упорная методичная работа — вот что приносит успех! А не твои вечные прожекты!

Еще один гость, до этого момента молча сидевший в кресле, жизнерадостно усмехнулся.

— Несомненно, фру Бокомьялле имеет в виду наш с Николасом совместный проект. Но, смею уверить, это вовсе не пустое прожектерство! Даже ее величество Анна согласилась вложить деньги в акции нашей компании! А уж королева совсем не склонна к пустой трате казны.

— Здравствуй, Архимед. Я слышал о твоём приезде, но как-то все не складывалось встретиться лично. Насколько мне известно, дела твои в Бублинге идут вполне успешно?

— Не жалуюсь, да, не жалуюсь! — важно покивал изобретатель. — Благодаря покровительству королевы мы смогли получить приличные займы у нескольких богатых людей Бублинга и заложили целых три парохода. К весне строительство будет закончено, и тогда даже скептики поймут, что будущее — за неподвластными погодным капризам паровиками!

— А я буду капитаном на одном из них!

Я даже вздрогнул — настолько необычно было видеть на лице Николаса довольную улыбку. Ну... надо признать, и улыбка у Николаса, видимо с непривычки, получилась жутковатая.

— Э-э-э... Отличные новости. — Я перевел взгляд на фру Бокомьялле. — Не вижу в этой затее ничего прожектерского. Ваш сын и уважаемый изобретатель организовали вполне надежное дело.

— Ах, не о том речь! Вы спросите их лучше, что они еще строят!

— И что же это? — без особого интереса спросил я Архимеда. В тот момент меня и в самом деле гораздо больше занимали другие проблемы. Но, услышав ответ изобретателя, я чуть не свалился с кресла.

— Летающий пароход!

Видимо, в исключительных случаях кошачья морда все-таки способна отражать мысли или же просто мое молчание было слишком красноречивым, но Архимед обиженно хмыкнул:

— Гениев всегда поначалу считают безумцами!

— Да нет, почему сразу безумцем? — промямлил я, инстинктивно пересаживаясь подальше от Архимеда. — Летучий пароход, говоришь? Почему бы и нет?

— Перестань, Конрад! — досадливо поморщился Николас. — Можно подумать, ты что-то понимаешь в механике! Признайся — если бы ты своими глазами не увидел «Медную бочку», поверил бы, что возможен корабль без парусов?

— Гм... Ну... в чем-то ты прав, конечно. Но корабль, способный летать... это выше моего понимания!

— Тогда просто подожди еще месяц. В конце января мы закончим строительство и проведем испытания. Сам все увидишь.

— А, кстати! — опомнился я. — Что касается конца января — я ведь на минутку всего к вам заскочил и от вас сразу отправляюсь в отцовский замок. Хочу навестить родителей. Ненадолго, конечно, думаю, как раз через месяц вернусь назад. Ты ничего не хотел бы отправить со мной, Николас?

— А? — растерялся Николас, но, заметив мое подмигивание, быстро сообразил. — А, ну да! Разумеется! Как хорошо, что ты вспомнил об этом!

Попрощавшись с фру Бокомьялле и Архимедом, я в сопровождении Николаса отправился к дровяному сараю.

— Решил взять его с собой?

— Да. Здесь атмосфера накаляется. Коллет взялась за меня всерьез, думаю, уже к вечеру она сообразит, что у короля в Бублинге не так уж много близких друзей.

Николас молча кивнул и отпер дверь сарая. Внутри было темно, даже я ничего не мог разглядеть, но, вопреки ожиданиям, тепло. Знакомый запах подсказал мне — то, что я ищу, здесь. Точнее, тот, кого я ищу. Запах пирожков с мясом выдавал местонахождение Андрэ, как если бы он вывесил над дверью королевский штандарт.

— Андрэ?

— Кто здесь?! — раздалось из темноты. — Не тронь Булыгу! Бицца буду!

— Ну хватит уже! — сердито проворчал я. — Андрэ, забудь уже про Булыгу. Не пристало монарху притворяться разбойником. Тем более — трусливым разбойником.

— Капитан? Это вы?!

Николас наконец засветил лампу, и я увидел скорчившегося в углу Андрэ. Да-а-а... надо признать, бедняга выглядел не лучшим образом. Королевские одежды не больно-то подходят для ночевки в дровяном сарае. К тому же Андрэ двое суток не мылся и не брился, так что моим глазам предстал вовсе не тот блестящий красавец, которым изображают короля придворные художники... Ну если честно, то они и так совершают на портретах невозможное, ибо Андрэ с его узким лбом, носом-картошкой и чудовищной нижней челюстью очень трудно изобразить красавцем. Но, по крайней мере, внешний лоск хоть как-то облагораживает его черты. За отсутствием же одного передо мной предстал самый натуральный, хоть и мелковатый, тролль. Недаром Алле-гу запала на него!

— Я смотрю, ты тут неплохо устроился. — Я почти не покривил душой, говоря так. Если не считать изгвазданной в грязи и порванной одежды, Андрэ выглядел вполне довольным жизнью. Рядом с горкой тюфяков на полу, на мешковине, располагались блюдо с пирожками и кувшин с пивом. Рядом исходил жаром агрегат, судя по всему и поддерживавший в сарае вполне приемлемую температуру.

— Это Архимед придумал, — ответил на мой невысказанный вопрос Николас. — Что-то вроде обычной печи, только склепана из железных листов. Архимед считает, что такие печки будут популярны у путешественников... но я, честно говоря, сомневаюсь.

— Да, никто не станет тащить с собой лишнюю тяжесть, — согласился я с

Николасом. — Ну что, Андрэ, ты готов к новым приключениям?

— Опять?! — Андрэ схватился за голову. — Не готов я! Совсем не готов! Ни разу!

— Ну это не страшно. В дороге подготовишься.

— А может, ну ее — эту дорогу? — заныл Андрэ. — Ничего ведь хорошего — зимой-то путешествовать! Может, пересидим тут до весны — тогда и поедем? Оно, конечно, и весной путешествовать — тоже не особо приятно. Лучше лета дожидаться, когда дороги-то просохнут. Хотя летом опять же жарко и солнечный удар запросто получить можно. До осени подождать бы...

— Угу. А лучше просто здесь поселиться.

— И то ведь верно! — обрадованно хлопнул себя по лбу Андрэ. Ну да, иронию он пока не научился улавливать. — Как мне сразу в голову не пришло! Умеете вы всегда такое придумать...

— Андрэ, мне очень жаль разбивать твои грезы, но тебе тут не отсидеться. Анна скоро сообразит, где ты. Не говоря уж о том, что это не деликатно по отношению к фру Бокомьялле и Николасу. Говоря по-простому, это натуральное свинство — втягивать их в твои семейные неприятности.

— Да никаких проблем, капитан. К тому же ну что такого уж плохого может случиться?

— Это тебе сейчас так кажется, — оборвал я Николаса. — Ты просто не сталкивался с Анной в гневе. Не скажу, что головы полетят — это не ее стиль, — но что-нибудь кому-нибудь запросто могут усечь. Во избежание, так сказать, повторного грехопадения.

— Капитан, у вас в мешке место для пирожков есть? — деловито поинтересовался Андрэ, вскакивая с тюфяка. — У меня тут еще пол бочонка пива...

— Пиво оставь. Ближайшие несколько дней ночевать будем на постоянных дворах, так что смысла нет свое тащить...

— Постоялые дворы? — Лицо короля приобрело мечтательное выражение. — А ведь верно! Можно будет мне на ужин бараний бок с кашей?

— Как я ему иногда завидую, — задумчиво протянул Николас. — Значит, решил навестить родные пенаты?

— Вроде того, — неопределенно хмыкнул я. — Ладно, ярл, не поминай лихом! Если Коллет на тебя насыдет с расспросами, лучше ничего не скрывай. Сам видел, что она может сгоряча натворить. Потом, конечно, пожалеет, но тебе-то к тому времени может быть уже все равно...

— М-да, Конрад... умеешь ты вселить веру в счастливое будущее... Ладно, удачи! До встречи, ваше величество!

Мы покинули гостеприимный дом Бокомьялле и уже через полчаса выехали из Бублинга почти в том же составе, в котором когда-то прибыли сюда: я, Андрэ и Иголка. Я трясся верхом, закутавшись в теплый плащ, Андрэ бодро шагал рядом со стременем. Потрепанное королевское платье сменил неброский наряд ремесленника, который раздобыл Николас. А вот найти коня, способного достаточно долго нести гиганта, так быстро не удалось. Впрочем, Андрэ особо и не переживал из-за этого — наездник из него до сих пор был аховый. Похоже, единственным, что его волновало, было успеть до вечера найти постоянный двор с хорошей кухней. Впрочем, нет, я, конечно, зря наговариваю на его величество — он совсем не привередлив и его устроила бы любая кухня.

Как выяснилось вскоре, еще кое-что занимало мысли монарха.

— А... как там вообще? — непринужденным тоном поинтересовался он, когда стены Бублинга уже скрылись из виду.

— Там?

— Ну-у-у... ТАМ. Ну... как вообще?

— Там весело. Анна в гневе, Коллет летает как ведьма на помеле... впрочем, она же и есть ведьма. Алле-гу с виду спокойна. А может, просто не очень понимает, из-за чего весь сыр-бор. Да, заварил ты кашу, Андрэ!

— Я?! Да при чем тут я?!

— А кто?

— Но вы же сказали...

— А ты бы не слушал, — поспешил я цинично заморочить голову легковверному монарху. — Ты король или где? Если будешь слушаться всех, кто тебе по ушам ездит, недолго и корону потерять. Да и не советовал я тебе всерьез с этой тролльшей любовь крутить — так, пофлиртовать чуток. Но и ты, конечно, герой! Она же страшная, как моя жизнь! Я про Алле-гу. И наивная совсем, просто дитя природы. Нет же, не удержался — сорвал цветок невинности...

— Да я ее и пальцем не тронул! — завопил вконец деморализованный Андрэ. — Да мы же все время у вас на глазах были! Мы только разговаривали!

— О чем? — теперь уже всерьез встревожился я.

— Ну... Обо всем, — развел руками Андрэ. — Как я в деревне жил и потом разбойничал. Как с вами встретился и королем стал. Алле мне тоже про свое детство рассказывала и вообще как тролли живут...

— Это плохо, — вздохнул я. — Очень плохо.

— Почему?

— Ладно, неважно. Нам главное убраться подальше от Бублинга до того, как Коллет сообразит, что я провел ее.

— А у вас большой замок?

— У меня?! Что за чушь?.. А-а, ты про то, что я сказал Николасу, будто собираюсь побывать дома? Я соврал. Коллет наверняка сообразит, что нам особо и не к кому в этом городе податься. Ведь у нас в Бублинге всего несколько знакомых и среди них ярл — самый явный кандидат. Так что первым делом она бросится к нему. Мне не хотелось, чтобы у Николаса были неприятности, и также не хотелось просить его врать Коллет, потому я посоветовал ему все сразу рассказать. Думаю, он догадался, что про визит в родовое гнездо было сказано специально. Но ведь он не обязан делиться своими догадками. Вот и пусть ищут нас на дороге в Германию. А мы тем временем отправимся в Либерхоффе.

— В Либерхоффе? — поразился Андрэ. — А почему туда?

— А почему бы и нет? — развел я лапами. — Мы же не навсегда из Бублинга уезжаем. Нам надо всего лишь где-то пересидеть некоторое время. Либерхоффе ничуть не хуже любого другого города. К тому же я давным-давно обещал навестить Мэрион и Фредерика. Помнишь старого шута Фредерика?

— Еще бы! — оживился Андрэ. — Я снова увижу господина Фредерика?! Здорово!

— Это вы про тех людей, что выкупили меня у крестьянина? — поинтересовалась Иголка. — Мы к ним едем? Это хорошо. В этот раз обязательно расскажите им, как я благодарна, что они избавили меня тогда от тяжелой унижительной работы!

— Ну, похоже, все рады предстоящей встрече, — подытожил я. — Вот и хорошо. А теперь пора уже подумать о ночлеге.

Поскольку спешить нам особо было некуда, я решил пожертвовать скоростью передвижения в угоду комфорту. Странствовать зимой — невеликое удовольствие что для пешего Андрэ, что для лошади. Да и самому мне не улыбалось ехать по морозу дольше необходимого. Поэтому, как только начало смеркаться, я приказал Иголке сойти с главной дороги, и вскоре мы обнаружили небольшой, но вполне приличный городок, в одном из трактиров которого я и снял номер. Возможно, это была излишняя предосторожность, Коллет, по моим расчетам, должна была искать нас совсем в другом направлении, но когда имеешь дело с ведьмой — лучше перестраховаться.

Трактир порадовал какой-то особой неторопливой основательностью, провинциальным уютом. Одного взгляда на широкие, выскобленные добела столы и покрытые домоткаными ковриками скамьи было достаточно, чтобы понять — это место предназначено для солидных путешественников. Проникнутые атмосферой трактира, мы с Андрэ неторопливо поужинали и рано легли спать.

Смутная тревога разбудила меня посреди ночи. Я открыл глаза и долго лежал, прислушиваясь к ночным звукам. Ничего, только на соседней кровати безмятежно похрапывал Андрэ. Вряд ли воры могли быть такими тихими, чтобы я со своим кошачьим слухом не услышал их. Да и непохож этот трактир на место, где ночью могут ограбить путешественника. Опять же вид Андрэ должен был заставить любого злоумышленника сто раз подумать, прежде чем соваться в нашу комнату. Особенно если вспомнить, как он за ужином с душераздирающим хрустом и урчанием грыз попавшуюся в жарком кости — даже меня мороз по коже продрал!

Нет, тревога была как-то связана с моим сном... что-то приснилось мне, и это «что-то» внушало тревогу. Я постарался вспомнить, что же именно это было, но потерпел неудачу. Вам, милые дамы и добрые господа, может показаться странным, что я столько внимания уделил ночному кошмару — словно и не доблестный ландскнехт, а жеманная барышня. Но многолетний опыт подсказывал мне, что к снам нужно относиться серьезно. Не раз и не два, а десятки раз уже случалось так, что привидевшаяся во сне опасность спасала мою голову от грядущей реальной опасности. Было же в моей жизни и так, что, пренебрегши таким предупреждением, терял я слишком много — как случилось, например, несколько лет назад в Неаполе. Приснилось мне тогда, что нежусь я в теплых водах океана, и тут, откуда ни возмись, появляется хищная рыба и кусает меня, уж простите за подробности, за самое ценное, что есть у мужчины! Проснувшись в холодном поту, я до самого рассвета возносил благодарственные молитвы за то, что это был лишь ночной кошмар. А не далее как через пару дней повстречал я во время вечерней прогулки одну из прекраснейших женщин, коих мне только доводилось видеть — уж поверьте, повидал я их немало! И даже то, что звали красавицу синьора Скуало — а ведь так итальянцы называют акул, — не насторожило меня. Увы, счастье наше длилось недолго и завершилось для меня весьма прискорбным и унижительным образом — синьор Скуало, муж прекрасной доньи и весьма влиятельный гражданин Неаполя, каким-то манером прознал о наших встречах, и я оказался в тюрьме. Нет, я понимаю, что с синьором Скуало нехорошо получилось, но ведь это он сам вызвал меня на дуэль! Что же, мне следовало стоять и ждать, пока ревнивец проткнет меня? К счастью, синьор Скуало выжил, а у меня нашлись покровители среди бывших клиентов, так что через пару месяцев я уже оказался на свободе. Но эти два месяца в тюрьме, в ожидании, выживет ли ревнивый синьор или нет, и, соответственно, решения своей судьбы, я не забуду никогда! Да и Неаполь пришлось покинуть.

С тех пор я зарекся пренебрегать предостережениями, увиденными во сне.

Однако сейчас ничего конкретного вспомнить не получалось. Только смутная тревога и ощущение какой-то далекой, но явно приближающейся опасности. Промучившись до рассвета и так ничего и не вспомнив, я сдался — возможно, это был всего лишь сон. Или Коллет сообразила, что я провел ее, и где-то на дороге в Германию сейчас посылает в мой адрес проклятия — тоже вполне возможный вариант!

Что ж, выбора у меня все равно нет, ведь непонятно, ждет ли меня опасность впереди или позади. А я в такой ситуации всегда предпочитаю идти вперед! Итак, в Либерхоффе!

Андрэ отбивался, словно от этого зависела как минимум его жизнь, а то и бессмертная душа. В конце концов мне удалось его разбудить, прокричав прямо в ухо: «Жаркое стынет!». Точнее, разбудить мне его не удалось, но, услышав волшебное словосочетание, его величество поднялся с кровати, оделся и прошествовал в общий зал трактира — все это, не открывая глаз. Проснувшись он изволил, только доев первую порцию жаркого, и немедленно потребовал добавки на том основании, что не помнит, как и что ел. Впрочем, в этот раз золотые под кушаком приятно грели живот и можно было позволить себе не экономить на дорожных расходах. Насытившись, гигант настроился было вздремнуть, но я безжалостно погнался на улицу.

— Господин капитан, а может, ну его, этот Либерхоффе? — заныл Андрэ, растирая вмиг покрасневшие уши. — Холодно-то как!

Действительно, ночью ударил мороз, и, честно говоря, энтузиазма у меня поубавилось.

Но потомок благородного рода фон Коттов не привык отступать перед каким-то там морозом!

— Стыдись, Андрэ! Дворцовая жизнь сделала тебя рохлей! Вспомни — ведь не так давно ты был грозным разбойником, жил в лесу, спал на снегу...

— Господь с вами, господин капитан! Что вы за ужасы такие рассказываете?! — замахал руками Андрэ. — С чего это я на снегу спать бы стал? Нешто трудно на ночь в амбар или овин пробраться?

— Все равно ты стал слишком изнеженным! Привык мягко спать да сытно есть!

— А че плохого? — пожал плечами король. — Все об этом мечтают. Ну, может, какие отшельники святые не мечтают — я слыхал, они вообще на камнях голых спят, а едят сухой горох, акрид, что у нас кузнечиками зовутся, и всякую прочую дрянь. Ну так и пусть — видать, им это нравится. А я ж не святой, я уж как-нибудь как все.

Я безнадежно махнул лапой — спорить с Андрэ, когда он начинает вот так рассуждать, бесполезно. К тому же в его словах был здравый смысл. Другое дело, что ехать-то все равно надо! Морозная погода может продлиться несколько дней, а в том, что Анна и Коллет будут продолжать поиски беглого короля, никаких сомнений не было. Так что я выложил свой самый сильный козырь:

— Андрэ, ты хочешь встретиться с Анной?

Андрэ резко побледнел и, поймав за шиворот конюха, рявкнул:

— Эй, пошто лошадь господина капитана до сих пор не оседлана?! А ну чтоб одна нога здесь, а другая — тоже здесь!

— Что за спешка? — зевнула Иголка, кося на меня заспанным глазом. — Опять мы что-то натворили и надо срочно убежать?

— Гм... Как ни странно — нет. — Вспомнив, при каких обстоятельствах мы чаще всего покидали постоянные дворы в прошлом, я развеселился. — Нет, а ведь и вправду странно! Нас не обокрали и даже не пытались. Мы никого не прибили. За нами не гонится инквизиция...

— Вот-вот, — странным тоном протянула Иголка.

Веселье мое как рукой сняло.

— Иезус Мария! Не к добру это!

Впрочем, где-то к середине дня я немного успокоился и перестал озиаться и прислушиваться. Никто на нас не нападал, не видно и не слышно было погони. Может быть, и впрямь это путешествие пройдет спокойно?

Ну можно же помечтать?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, повествующая о сложнейшей дипломатической ситуации, в которой оказались Андрэ Первый Могучий и благородный Конрад фон Котт, и оригинальном выходе из нее, найденном его величеством

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 5 января
16... года от Р. Х.*

Дипломатия, со всеми ее уловками и компромиссами, всегда вызывала во мне недоверие и, даже не побоюсь этого слова, неприязнь. Хуже нет ситуации, когда приходится идти против совести и чести, руководствуясь «высшим благом». Раньше, в бытность свою наемником, я всячески бежал подобного выбора, но, увы, не все подвластно нашим желаниям. И тогда остается лишь уповать на Провидение и случай, что не допустят слишком уж низкого падения старого солдата!

Примечание на полях. Ну или хотя бы позволят ему сохранить лицо!

Несколько дней пути до Куаферштадта прошли мирно и неспешно. Мы выезжали

поздно, когда уже начинало светать, и стоило опуститься сумеркам, как останавливались на каком-нибудь постоялом дворе или, если города рядом не случалось, напрашивались на постой в деревенскую избу. Места вдоль дороги из Бублинга в Куаферштадт населены весьма плотно, так что ночевать под открытым небом нам не пришлось ни разу.

Я уже начал надеяться, что тревога моя была напрасной и сон тот оказался самым обычным сном. Увы, не раз уже приходило мне в голову, что моему ангелу-покровителю постоянно кажется, будто Конрад фон Котт живет недостаточно насыщенной жизнью, и он делает все, лишь бы не позволить моей душе пребывать в лени и довольствии. Впрочем, и телу моему стараниями этого пернатого паршивца тоже достается регулярно.

Вот и опять — стоило мне успокоиться и расслабиться, как дорогу нам заступил отряд стражников. Причем выражение их лиц не оставляло сомнений в том, что заслон выставлен здесь не просто так, а именно по наши с Андрэ души. Даже в прежние времена я не стал бы сражаться с дюжиной хорошо вооруженных солдат, хотя как-то и довелось мне биться одновременно против пятерых... правда, и отделали меня тогда на совесть! Ну а уж в кошачьей шкуре и рассчитывать было не на что. Разве что Андрэ? Нет. Несмотря на то что гигант несколько раз ввязывался в драки и его колоссальная сила спасала наши шкуры, происходило это лишь в минуты крайней опасности. А стражники хоть и настроены были решительно, но нападать не спешили.

Шмыгая посиневшим от мороза носом, их командир даже изобразил что-то вроде салюта.

— Ваше величество! Его величество король Пусий Первый Великолепный просит оказать ему честь и посетить его дворец с официальным... э-э-э... или неофициальным визитом... Ну или вроде того. Вот.

— А? — Наш мудрый самодержец почесал давно не бритый подбородок и вопросительно уставился на меня.

— Хм... а откуда его величество узнало, где искать его величество? — подозрительно спросил я у стражника. — За нами что, следили?

— А даже если и так? — нахально возразил тот. — Он, промежду прочим, монарх. Абсолютный. Что хочет, то и делает.

— Передайте его величеству, что его величество Андрэ Первый Могучий благодарит его величество за оказанную честь, но, ввиду того что путешествует инкогнито, не имеет возможности принять его приглашение.

Стражник ухмыльнулся, продемонстрировав зубы, которым могла бы позавидовать Иголка.

— Ты не понял, коротышка! Его величество Пусий Первый Великолепный настойчиво просил принять его приглашение. Очень настойчиво!

Остальные стражники как по команде положили руки на рукояти мечей. Мне оставалось только сохранить видимость достоинства и важно ответить:

— Что ж, ступайте вперед и передайте его величеству Пусию Первому Великолепному, что его величество Андрэ Первый Могучий с благодарностью принимает его предложение.

— Ты меня за дурака держишь? — рассмеялся стражник, хватая Иголку за узду. — Пойдете с нами!

— Неприлично подозревать благородных людей в обмане! — попенял я стражнику.

— А я благородных и не подозреваю, — парировал стражник. — Даже у нас про маркиза д'Карабаса знают: если обещал, то сделает. А вот тебя я очень сильно подозреваю — ты известный проходимец!

Я не нашел что ответить на это наглое заявление. Проклятое кошачье тело! Даже на дуэль наглеца не вызовешь! Но какова ирония! Бывшего батрака и разбойника они, видите ли, считают благородным маркизом, а настоящего дворянина в седьмом поколении — проходимцем! Ну погодите! Только бы представился случай — вы у меня попляшете!

Однако вскоре я успокоился и задумался над куда более важным вопросом: какого дьявола понадобилось от нас Пусию? В том, что он узнал о нашем путешествии, не было

ничего неожиданного — разведка у Пусия Великолепного одна из лучших в Европе. Но зачем тащить нас во дворец? Взыграли родственные чувства — как-никак Анна ему двоюродная племянница — и он решил вернуть блудного супруга домой? Но раньше Пусий не проявлял особой теплоты в отношениях с Анной. Даже на ее день рождения ограничился дежурным поздравлением и каким-то дешевым подарком, присланным с курьером. Или он до сих пор не простил мне бегство мэтра Бахуса? Но ведь уже больше года прошло! Эх! В любом случае ничего хорошего нас не ждет. Даже не знаю, что я предпочел бы — оказаться в тюрьме у Пусия или встретиться с Коллет и Анной.

За этими невеселыми размышлениями мы миновали лес и выехали на окраину Куаферштадта. Что ж, нет смысла ломать голову над тем, что все равно выяснится в ближайшее время.

У ворот дворца нас уже встречал смутно знакомый человек. Я порылся в памяти... Расшитый золотом и самоцветами камзол, напудренный парик, мысы сапожек на тонкой подошве — по последнему выверту моды — загнуты едва ли не до колен. Спесивая мордочка породистого пуделя... А! Точно! Это же тот самый придворный, что первым обнаружил меня и Андрэ в компании Анны, бывшей на тот момент в шкуре лягушки! Хоть убей, не вспомню, как его звали...

— Жан Луи Батист Альберт Дориан Этьен де Суфле, старший посыльный при дворе его величества Пусия Первого Великолепного! Ваш покорный слуга, сир!

— А?

Поскольку, судя по выражению лица, Андрэ готов был поинтересоваться, где все перечисленные люди, или сказать еще какую-нибудь бестактность, я поспешил взять разговор в свои руки:

— Его величество Андрэ Первый Могучий с благодарностью принимает вашу службу. Если память мне не изменяет, в прошлую нашу встречу ваша должность была иной?

— О да! — лучась самодовольством, произнес де Суфле, манерно поправляя мизинцем кончики усов. — Его величеству Пусию Великолепному было угодно пожаловать мне это место за несомненные заслуги перед Коронаой.

— С первого помощника младшего посыльного в старшие посыльные — и всего за год? Какая стремительная карьера!

Де Суфле явно не отличался сообразительностью и мою иронию принял за искреннее восхищение.

— Ах! Не стану кокетничать, преуменьшая мои таланты! Должность я получил заслуженно. Но, справедливости ради, признаю, что путь наверх мне открылся благодаря случайности. Сначала меня произвели в младшие посыльные, а потом неожиданно старший посыльный совершил ужасающий проступок и был сослан нашим добрейшим королем в провинцию. Так я и стал старшим посыльным.

— Вот как? — Слова придворного вызвали у меня некоторый интерес. — Что же это за проступок совершил ваш предшественник?

— О... неловко даже говорить! — Де Суфле опасливо огляделся и, понизив голос, прошептал: — Представьте, он посмел явиться во дворец в фисташковом камзоле и розовых чулках! Это было отвратительно само по себе, но он ведь в таком виде попался на глаза его величеству! Можете себе представить, каково было нашему любимому монарху. При его-то тонкой душевной организации и идеальном вкусе видеть подобное непотребство?! Бедный, бедный король! Он почти неделю после этого пребывал в тяжелой депрессии. Будь моя воля, этот негодяй — старший посыльный — не отделался бы так легко!

— Ужасно! — поддакнул я, незаметно бросив оценивающий взгляд на одежду Андрэ и свой наряд. Слава богу, мой вкус не столь тонок, как у Пусия, но, скорее всего, разнообразные оттенки коричневого и черного, преобладающие в нашей дорожной одежде, не вызовут у его величества истерики...

— Да, да! И такое, к сожалению, случается! — грустно заключил де Суфле. — Но пойдемте же! Его величество ждет вас!

Мы остановились у знакомых дверей, и слуга забрал у нас плащи. Наш провожатый что-то прошептал дежурившему на входе стражнику. Тот заглянул в приоткрытую дверь и доложил:

— Его величество король Гремзольда Андрэ Первый Могучий и некий господин Конрад фон Котт прибыли. Запустить?

— Дубина! Разве так следует докладывать о визите моего дорогого собрата?! Немедленно впусти, противный чурбан!

Недовольно бурча под нос, стражник распахнул дверь, и на меня вновь обрушились птичий гвалт и парфюмерный туман, пробуждая в памяти события годичной давности. Правда, на этот раз Пусий принимал нас тет-а-тет. Ну практически — если не считать нескольких слуг и напояженного франта, устроившегося на думке в ногах у короля. Да и того Пусий при нашем появлении немедленно прогнал с каким-то поручением. После чего обратился к Андрэ одутловатое личико, покрытое толстым слоем белил, румян и помады, и захлопал начерченными ресницами. Должно быть, Пусию казалось, что он — само очарование, но лично на меня эта пантомима произвела самое тягостное впечатление. Однако следовало придерживаться этикета. Стянув с головы шляпу, я отвесил самый замысловатый поклон, какой только сумел изобразить. Андрэ же вполне по-свойски кивнул Пусию и с детской непосредственностью стал разглядывать клетки с экзотическими птицами. Впрочем, почему бы и нет? Какой-никакой, а ведь тоже король!

— Милый друг! — проворковал Пусий, семенящей походкой подбегая к Андрэ и чуть ли не зависая в воздухе от переполняющих его чувств. — Тебе понравилась моя коллекция?

— Угу, — кивнул Андрэ, тыча пальцем в одного из павлинов. — У Анны в курятнике тоже такие смешные петухи есть. Даже два! Тока она зажарить их не дает. И вообще ни одну птицу трогать не дает. Не понимаю я, зачем тогда в доме курятник, если птицу с него не есть? Вот ты-то небось своих ешь?

— Э-э-э... — растерянно проблеял Пусий. — Нет...

— А почему?

Как мне не раз уже доводилось убедиться, Андрэ иногда умеет поставить человека в тупик одним-единственным прямым вопросом, безжалостно обнажающим суть явления. Думаю, сам Пусий до сих пор ни разу не задавался вопросом: почему это он не ест птиц из дворцового птичника? Подозреваю даже, что такой вопрос не пришел бы в голову вообще ни одному нормальному человеку. Но для Андрэ, наоборот, такой вопрос казался чем-то само собой разумеющимся.

Пусий еще приходил в себя от первого потрясения, а гигант уже потерял всякий интерес к птицам и протопал к стене, вдоль которой на пьедесталах возвышались вазы. Только осознание полной бессмысленности подобного поступка удержало меня от попытки схватить Андрэ за плащ. Чертов громила! Мои познания в изящных искусствах невелики. Если точнее, они состоят в том, что я знаю про существование всяких красивых бесполезных вещей, за которые богатые люди готовы выкладывать немалые деньги. Учитывая личность Пусия, нетрудно было догадаться, что потрескавшиеся от времени вазоны с аляповатым рисунком относились именно к этим пресловутым «предметам искусства» и наверняка стоили бессмысленно дорого. Если Андрэ что-нибудь уронит — нам конец!

Как и любой коллекционер, Пусий мгновенно оживился, стоило кому-то заинтересоваться его ненаглядным хламом.

— О-о-о, мой драгоценный друг, — сладко пропел король, закатывая глаза. — Я так и знал, что твоя тонкая душа не сможет не восхититься изяществом этих древних ваз, доставленных мне из далекой Чайны! Недаром я сразу почувствовал в тебе родственную душу и нежное сердце, что так учащенно бьется под этой грубой... мм... мощной оболочкой!

— А? — Гигант прислушался и смущенно пробормотал: — Это не сердце. Это у меня в брюхе бурчит... Ели-то мы ажио утром!

— Два часа назад, — проворчал я под нос, причем, совсем тихо. Раз уж Пусий нас затащил сюда — пусть хоть накормит! Тем более что по озарившемуся радостью лицу

короля можно было понять, что он и сам рад случаю продемонстрировать гостеприимство. Надо же! И у Пусия, оказывается, есть положительные черты!

Насчет положительных черт я ошибся...

— Иезус Мария!

— Но-но, без заклинаний мне тут! — погрозил мне кулаком стражник, которому Пусий поручил проводить меня в обеденный зал. Как оказалось, приглашение отобедать распространялось только на Андрэ. Меня же вежливо выставили. В другой ситуации, а точнее, будь на месте Пусия другой король — я бы только порадовался. Все равно дворцовый этикет не позволял мне сидеть за одним столом с коронованными особами, да и есть я совсем не хотел. Увы! Тон, которым Пусий потребовал шампанского, и масляные взгляды, что при этом он бросал на Андрэ, уверили меня — мой простодушный король в нешуточной опасности! Но что я мог сделать?! Стражник вполне корректно, но твердо пресек все мои попытки вернуться. Пропустив меня в обеденный зал, он закрыл дверь и встал возле нее, всем своим видом показывая, что меня не выпустит. Кипя от беспомощной злости, я стал мерить зал шагами, игнорируя щедро накрытый стол.

Ожидание затягивалось.

Потом дворец содрогнулся от вопля, полного отчаяния.

Кричал явно Пусий.

Я приготовился к самому худшему. Обычно благодушного и трусоватого Андрэ трудно разозлить, да и отходит он почти сразу, но в гневе даже за короткое время вполне способен натворить ужасных дел! Только обвинения в убийстве короля дружественного государства нам не хватало! Конечно, судя по крику, Пусий был еще жив — мертвецы ведь не кричат — но... цел ли? В смысле — все ли жизненно необходимые части тела еще при нем? Ох! Вот и сбылся сон!

В дверь ввалился смертельно бледный де Суфле и, вращая выпученными от ужаса глазами, что-то прошептал стражнику. Суровый воин также стал блее полотна и чуть не выронил алебарду. Потом оба мрачно посмотрели на меня. И бежать-то некуда!

Посоветовавшись шепотом минут пять — десять, царедворцы наконец приняли какое-то решение.

— Эй, ты! Пошли!

— Э-э-э, приятель! Если там что-то и случилось, то я тут совсем ни при чем! И вообще...

— Пошли, пошли! Поздно оправдываться!

Я взял себя в лапы. Как бы там ни было, благородному потомку рода фон Коттов не пристало унижаться перед какими-то придворными бездельниками!

Вопреки ожиданиям меня отвели совсем даже не в темницу, а в конюшню. Конюх спешно оседлал Иголку, стражник махнул рукой:

— Садись и уезжай!

— Но...

— Проваливай, сказано тебе!

— И не подумаю! — возмутился я. — Где Андрэ?! Что вы сделали с моим государем?! Думаете, это вам с рук сойдет? Вы еще не видели меня в гневе!

Даже не снисходя до спора, стражник схватил меня за шиворот, с оскорбительной легкостью забросил в седло и, прежде чем я сообразил, что происходит, связал мои лапы поводьями.

— Эй, мерзавец!..

— Выведи лошадь за ограду и там отпусти, — не обращая на мои вопли ровным счетом никакого внимания, скомандовал де Суфле. — Пусть катятся на все четыре стороны.

— Капитан, что происходит? — испуганно заржала Иголка, вставая на дыбы и пытаясь вырваться из рук солдата. Но у того оказалось достаточно опыта, чтобы увернуться от копыт и удержать поводья. — Капитан?!

— Тихо, Иголка! — вынужден был скомандовать я. — Мне самому все равно не

освободиться, а будешь брыкаться, они и тебя скрутят.

— Но что происходит? И где его величество...

— Боюсь, мы его больше не увидим, — вздохнул я. — В лучшем случае, он сейчас в темнице...

— Капитан...

— В худшем же, боюсь...

— Капитан, о чем вы?

— ...его уже нет с нами.

— Капитан, что вы такое говорите? Вон же его величество, у ворот!

Я вздрогнул и поднял глаза. Действительно, Андрэ — живой и невредимый — топтался по ту сторону ворот. На лице гиганта было написано недоумение. Ну я имею в виду, еще большее недоумение, чем обычно. С десятков стражников с алебардами наперевес испуганной кучкой загораживали ему проход.

Увидев меня, Андрэ расплылся в счастливой улыбке, запрыгал и замахал руками, нагнав этой нехитрой пантомимой еще больше страху на стражников.

— Капитан! А я уж думал, вы решили остаться!

— С чего бы это мне здесь оставаться? — не удержался я от сарказма. — Это ведь тебя здесь так тепло принимали!

— Э... Ну да, — согласно кивнул Андрэ, распутывая поводья на моих лапах. — Эх вы неаккуратно, господин капитан! Надобно их вот так держать!

— Иезус Мария! — простонал я. — Ты будешь меня учить, как держать поводья?!

— Ну а че? Вы же запутались, не я... Господин капитан! Перестаньте на меня так смотреть! Мне страшно!

— Поехали! — сквозь зубы прошипел я. — А то еще у Пусия опять начнется обострение гостеприимства... Кстати, что у вас там произошло?

— А?

— Ну чего Пусий орал, словно ты ему любимую мозоль оттоптал? Я уж думал, ты его пришиб.

— Да ну за что бы я его? — растерянно пожал плечами Андрэ. — Хороший дядька... хотя и дурачок. Ну так скорбных головою обижать грешно! Я бы его ни в жисть не ударил!

— Пусий-то дурачок?! Да уж не глупее многих!

— Это вы верно подметили, господин капитан! — поддержал меня Андрэ. — Я вообще удивляюсь, сколько на свете сумасшедших — просто страсть! Кажется, весь мир с ума сошел!

— Ну-ну, — хмыкнул я. — Пожалуй, в этом соглашусь с тобой. Ну а все-таки, что случилось-то?

— Так я и сам не понимаю! Принесли нам пожрать — эх... да одно название, что пожрать! Это, я теперь понимаю, такая мода во всех дворцах, чтоб немножко всякой еды подавать. И все по крошечным тарелкам размажут тонким слоем, чтоб гость дольше возился. Экономят! Оно, конечно, и понятно — во дворце ить столько народу толчется каждый день! Всех от пуза кормить — никакой казны не напасешься. Только не понимаю я, зачем тогда вообще приглашать было? Мы ведь не напрашивались! Обидно!

— Ты не отвлекайся...

— А? А, ну вот... Сели мы, значит, есть. Пусий мне вина этого с пузырьками наливает, да все хвалит — какой я сильный да какой... это... как его? Такое он слово красивое загнул, да вот только я его забыл! Эх, жаль! Ну да неважно. В общем, хвалит он меня и все подливает вина да подливает. А оно такое, скажу я вам, господин капитан, бестолковое! Пиво и то пьянее. Только что в туалет от него хочется сильнее, чем от пива. Я терпел-терпел, терпел-терпел — неудобно же, вроде как за столом и все такое. Меня Анна всегда ругала, если я за столом про это говорить начинал... Вот...

— Ну?!

— Дык это... Пусий мне какой-то подарок хотел сделать и в соседнюю комнату вышел.

А я писать хочу уже — никакого терпения нет! А там же эти горшки стояли у стены...

— Иезус Мария! — простонал я. — Ты?..

— Да! — горько всхлипнул Андрэ. — Я все испортил, господин капитан! Что ж делать — как я был деревенщина неотесанный, так и остался! Пусий так расстроился... Я ж не думал, что он так быстро с подарком этим обернется! Он входит, а тут я... эх... Нехорошо получилось. Да и пожрать толком не вышло.

— Да уж. — Никакого вразумительного комментария у меня не нашлось. Надеюсь, Пусий не объявит Гремзольду войну из-за оскверненной коллекции!

— Вот и скажите, что я неправ, господин капитан! С ума все посходили, натурально! Подумаешь — воспользовался я его ночной вазой. Он, конечно, король. Но ведь и я тоже! И вообще, у него этих ночных ваз там целая дюжина. Зачем ему одному столько? Я ж и подумал, что это — для гостей.

— Нет, это не для гостей, Андрэ, — мрачно выдавил я.

— Да я теперь и сам понимаю! Если он все время это самое вино с пузырьками пьет, то ему и дюжины горшков мало. Может, он потому и расстроился?

— Вроде того. Ладно, выбрось из головы. Главное, мы можем продолжать путь. Вперед, Иголка!

— А что случилось-то? — вопросительно покосилась на меня лошадь. — Я что-то не совсем понимаю, что натворил наш король?

— Э... мм... Боюсь, я не знаю, как тебе это объяснить. Это связано с чисто людскими условностями. Главное, что наше путешествие перестало быть спокойным, так что теперь все в порядке!

— Это точно! В поход труба зовет, ландскнехты brave — вперед!

— Хватит, Иголка!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, повествующая о встрече со старыми друзьями, приятность которой была неожиданно прервана появлением других старых друзей, а также одного беспокойного духа, который хоть другом и не являлся, но все равно появился

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 27 января

16... года от Р. Х.

Будучи человеком крайне прагматичным, никогда не доверял я всяким колдунам, знахарям, провидцам и прочим шарлатанам. Провидению было угодно столкнуть меня с настоящим колдовством, дабы я, уподобившись Фоме неверующему, мог убедиться в его существовании, так сказать, собственными органами чувств. Несмотря на сей болезненный опыт, отношение мое к провидцам не изменилось — не укладывалось в моей голове, как можно прозревать будущее, которого еще нет. Провидению угодно было вновь предоставить мне возможность все познать на собственной шкуре.

Примечание на полях. Право слово, Провидению, видимо, больше заняться нечем, как только издеваться надо мной!

Придерживаясь все того же правила — двигаться только в светлое время суток от одного постоянного двора к другому, мы потратили на дорогу до Либерхоффе почти месяц. Никто нас не преследовал и не разыскивал. То ли Анна остыла и взяла себя в руки, то ли наш след окончательно затерялся. Хотя в последнее я не очень-то верил. Конечно, у Пусия лучшая разведка в Европе, но и Ле Мортэ не зря свой хлеб ест. Наверняка у него при дворе Пусия тоже есть шпион и про наш скандальный визит в Куаферштадт королеве доложили давным-давно. А значит, догадаться, куда мы направляемся, было совсем не трудно. Отсутствие погони свидетельствовало о другом — Анна отказалась от мысли вернуть Андрэ

силой. Она будет ждать, пока блудный король сам приползет на коленях и будет просить прощения... Вот только какое она примет решение тогда?

Эти мысли не давали мне покоя всю дорогу до Либерхоффе.

Эти мысли, да еще мерзкий навязчивый сон. Тот самый, что приснился мне в первую ночь нашего с Андрэ путешествия. Вернее, это было продолжением того сна. Неведомая опасность с каждым разом становилась все ближе, но так до сих пор и не оформилась во что-то конкретное. Это была просто безликая тьма, надвигавшаяся откуда-то извне... возможно — из самой преисподней. Если поначалу еще можно было надеяться, что мне приснился обычный дурной сон, то теперь сомнений быть не могло — это было явное предостережение. Непонятно только, от чего меня предостерегали. Право слово, эти высшие силы (или кто там заведует вещими снами) могли бы быть более конкретны в своих предостережениях.

После моего предыдущего визита в Либерхоффе со мной произошло столько всяких событий, что казалось — прошло несколько долгих лет, и я в глубине души ожидал каких-то изменений хотя бы во внешнем облике городка. Мои ожидания разбились о суровую непоколебимость провинциального уклада жизни. По-прежнему невысоки были крепостные стены, служившие Либерхоффе чисто символической защитой от неведомого противника. По-прежнему пуст был ров, по случаю зимы превратившийся в две великолепные горки, с которых с радостными воплями и смехом скатывались на санках и прочих подручных средствах (а то и просто на собственном седалище) дети. По-прежнему вместо ворот дорогу перегораживала оглобля, у которой приплясывали два стражника с синими от холода носами и ушами. Рождественские ярмарки давно отшумели, до следующих праздников было еще далеко, потому к воротам вело мало следов, — похоже, у стражи сегодня был голодный день. Увидев нас, бедолаги так откровенно обрадовались, что я по совести торговаться с ними и даже присовокупил к положенной мзде фляжку с перцовой настойкой — вспомнились мне долгие бессмысленные караулы в зимнее время, проснулась некстати ностальгия.

Провожаемые самыми искренними добрыми напутствиями оживившихся стражников, мы с Андрэ доехали до центральной площади, свернули на улицу Портных и далее, знакомым мне маршрутом, до улицы Маргариток. Иголка сама деловито протопала к знакомому дому, выкрашенному веселой желтой краской. Я ободряюще кивнул Андрэ:

— Фредерик и Мэрион живут здесь. Постучись — мне до молотка не дотянуться.

Гигант смущенно замялся:

— А вдруг они нам не обрадуются? Господин капитан, они про нас уж и забыли, поди! Сидят, чай пьют с пряниками или еще как культурно отдыхают, а тут — вот те нате — явились гости незваные.

Эх! Все-таки если кто с рождения не рос в знатной семье, потом хоть трижды королем стань, все равно той уверенности в собственной всегдашней правоте, что свойственна знати, не приобретет. Вот ведь стоит на крыльце законный монарх пусть маленькой, но очень гордой европейской державы. На крыльце, замечу, дома самых обыкновенных горожан.

И боится, что ему будут не рады.

И, возможно даже, прогонят прочь.

Иезус, Мария и все двенадцать апостолов в придачу!

Я не успел высказать все эти мысли вслух, как дверь внезапно открылась и Андрэ окатил поток грязной и, судя по густому пару, горячей воды.

— Я же говорил! — печально донеслось из облака пара. — Нам здесь не обрадуются.

— Ой! Вы кто?! — Выронив от неожиданности ведро, Мэрион застыла соляным столбом.

— Привет, Мэрион! — помахал я лапой, очень довольный, что нахожусь на спине Иголки. — Ты неподражаема! Ошпарить помоями монарха соседнего государства — вот это по-нашему!

— Конрад?! — Ведьма всплеснула руками. — Ты?!

— Собственной персоной! — Я залихватски подкрутил ус, принимая наиболее красивую позу, но в следующий момент оказался заключен в объятия и прижат к отнюдь не

маленькой груди ведьмы. Проклятье! Ну почему я кот?! — Мэрион... ты... меня... задушишь...

— Паршивец! Ты почему за целый год даже весточки не прислал?! Мы с Риком уже не знали, что и думать! Ох, подожди, вот он услышит...

— Что я услышу? — пророкотал знакомый, профессионально поставленный баритон, и на крыльце показался Фредерик. — С кем ты разговариваешь, Мэри?

— Не узнаешь? — Мэрион бесцеремонно схватила меня за шкирку и выставила перед собой.

Брови бывшего паяца взлетели к начавшей редеть шевелюре.

— Конрад?! Паршивец! Ты почему...

— ...за целый год даже весточки не прислал? — закончил я за него. — Глядя на вас, убеждаюсь в справедливости пословицы «Муж да жена — одна сатана»!

— П-п-простите великодушно, — прервал нас жалобный голос из продолжающей парить лужи. — Но н-н-не могли бы вы меня пустить в дом, хотя бы в сени. Вода очень быстро остывает, и мне х-х-х-холодно...

— Самсон?.. Тьфу! То есть Булыга! То есть, простите, ваше величество!

— Ан-н-ндр-р-р-рэ меня зов-в-вут, — пролязгал зубами король, на голове которого уже образовалась символическая корона из зазедневших волос. — П-п-пожалуйста, м-м-можно м-м-мне в-н-нутрь?!

— Конечно же! Заходите, ваше вел... э-э-э... Андрэ, заходи! И ты, Конрад! Проходите же! Мэри, проводи их, а я пока лошадь в конюшне устрою!

Если бы в прошлое мое посещение мне сказали, что дом ведьмы может быть еще уютнее, я не поверил бы. Тем не менее именно это ощущение возникло первым, стоило мне переступить порог. Мэрион обладала волшебным талантом доводить простые вещи до совершенства. Относилось это и к простеньким, но очень уместным цветочным обоям прихожей, и к домотканому половику на полу, и к теплым домашним туфлям, которые нам выдали немедленно, чтобы согреть ноги. Единственное поражение, которое претерпела Мэрион, — в ее запасах не нашлось подходящего халата для Андрэ. Фредерик, хоть и отличался завидной солидностью (а если уж без обиняков — изрядной толщиной), тем не менее в росте и в плечах уступал Андрэ. Так что пришлось моему государю кутаться в одеяло, пока его одежда сохла у камина. Впрочем, получив бокал с подогретым вином и кунжутное печенье к нему, Андрэ сразу забыл о неприятном приключении и впал в эйфорию.

Надо сказать, к тому моменту, как Фредерик вернулся из конюшни, я тоже пребывал в не менее блаженном состоянии от тепла и чашки горячего молока с румяной пенкой. И вот скажите мне — откуда человеческой женщине знать, что более всего любит обращенный в кота человек? Одно слово — ведьма!

— Ну про то, что ты стал королем Гремзольда, у нас только ленивый не знает, — хмыкнул Фредерик, окончательно утратив пиетет перед коронованной особой. Да и как, скажите на милость, не утратить его — пиетет этот самый, — когда «коронованная особа» сидит перед тобой, завернувшись в одеяло, и трескает печенье под горячий кагор? Вот так и уходит из мира трепетное отношение к власти... впрочем, может быть, и слава богу, что уходит!

— Смеялся весь Либерхоффе, — поддержала мужа Мэрион. — Но не со зла...

— Не со зла, — подтвердил Фредерик. — Просто уж больно забавно вышло. Вчерашний циркач и вдруг — король. Многие либерхоффские дамочки даже слезу пустили — те, которые помнят твои выступления у синьора Сароза.

Андрэ густо покраснел и поспешно набил рот печеньем. Да уж, синьор Сароз прекрасно разбирался в людях и недаром выпускал гиганта жонглировать гириями и рвать цепи в одних кальсесах, да еще на три размера меньше, чем того требовала природа. Благодаря этому нехитрому трюку хозяин цирка неизменно имел аншлаг — дамы шли смотреть на «riesig Samson» — великана Самсона — по второму, и третьему, и даже пятому разу.

— А вот что было после — того мы и не знаем, — развел руками Фредерик. — До

нашей глубинки все новости доходят с опозданием, да притом так перевираются, что не знаешь, чему и верить. Рассказывали, будто бы король Гремзольда отправился в Америку искать какие-то сокровища, а возвращаясь назад через Испанию, превратил великого инквизитора в свинью. Не то чтобы мы тут так сильно расстроились из-за этого, скорее не поверили.

— И правильно сделали, — хмыкнул я. — Чего только люди не выдумают! Это Коллет — та самая ведьма, что меня заколдовала, — превратила членов городского совета Кадиса в свиней. Да и то не совсем. Так — морок навела. В воспитательных целях. Но в Америке мы действительно побывали! Преудивительная, скажу я вам, страна...

Я рассказывал о наших приключениях в Южной Америке до глубокой ночи. Под конец, несмотря на захватывающее повествование, и Фредерик, и Мэрион стали клевать носами. Да и сам я начал путаться и повторяться, с большим трудом заставляя себя держать глаза открытыми. Что до Андрэ, то он давным-давно уснул в кресле, создавая замысловатым сопением и храпом фон моему рассказу. Поймав себя на повторенной в третий раз фразе «И в этот решающий момент, милые дамы и добрые господа...», я понял, что пора перестать мучить и себя, и гостеприимных хозяев. Мэрион отвела меня в комнату для гостей. Отчаянная попытка Фредерика перетащить туда же Андрэ не увенчалась успехом, как и все старания разбудить монарха, так что его величество решили оставить спать в гостиной. Да уж, Андрэ отличается завидной способностью безмятежно спать в любом месте и в любом положении.

Мысль об этом была последней, перед тем как я свернулся на мягчайшей пуховой перине и провалился в глубокий сон...

— Конрад!.. Конрад!.. Что с тобой?!

Я выдрался из липкого кошмара, словно из бочки со смолой, увидел перед собой испуганное, искаженное болью лицо Мэрион и не менее испуганное лицо Фредерика. Выдохнул. Спрятал когти. Ведьма поморщилась, разглядывая окровавленную руку.

— Ох! Мэри, прости ради бога!

— Пустяки, я же ведьма — к утру и следов не останется, — успокоила меня Мэрион. — Ты скажи лучше, что с тобой происходит?

— Сон... — Получилось глупо, и я поспешил объяснить: — Кошмар. Повторяется. Уже месяц, как началось. И ведь что обиднее всего — ничего страшного-то в нем нет! Просто ощущение приближающейся опасности.

— Это не кошмар, — покачала головой ведьма. — Во всяком случае, не просто кошмар. Я тоже сегодня видела твой сон и чувствовала силу, стоящую за ним. Ты в настоящей опасности, Конрад!

— Час от часу не легче! Ты... ты уверена?

— Ну что ты глупые вопросы задаешь? — возмутилась Мэрион. — Конечно, не уверена! Предсказания никогда не бывают точными.

— Да-а-а? — разочарованно протянул я. — Жаль. Я надеялся, ты что-то определенное скажешь.

— Куда определеннее? Ты в опасности — этого тебе мало?

— Ну жизнь она как бы вообще штука опасная. Одно дело, если это я предчувствую убийцу, уже затаившегося в ближайшей подворотне. И совсем другое, если этот кошмар предупреждает меня о том, что лет через двадцать я подверну ногу, поскользнувшись на свежeweымытом полу.

— Не обольщайся, — хмыкнула Мэрион. — Из-за пустяков ТАКИЕ сны не снятся. Я не знаю, что за опасность тебя подстерегает, но это что-то очень и очень серьезное. Ну-ка одевайся и спускайся в гостиную. Я сейчас руку перевяжу, и мы на тебя погадаем — надо же понять, что за беда тебе грозит.

Андрэ по-прежнему безмятежно дрых в кресле, выводя замысловатые рулады носом. Ни мои вопли, ни последовавшая затем суэта его ничуть не побеспокоили.

Мэрион деловито протерла стол полотенцем, постелила чистую белую скатерть и стала

расставлять принадлежности своего тайного искусства. Сказать по правде, мне до сих пор не доводилось пользоваться услугами гадалок, если не считать пронырливых цыганок, неизменно следовавших вместе с обозами тех армий, в которых мне довелось служить. Но те гадалки обходились минимумом реквизита — обычно для предсказания будущего хватало линий на руке, максимум колоды потрепанных карт. Да и результат гадания я мог предсказать не хуже гадалки — стремительно опустевший кошель облапошенного сослуживца. Но Мэрион была настоящей ведьмой и готовилась основательно, ни дать ни взять ученый-алхимик, собирающийся изготовить золото.

— Ну что же... — окинув придирчивым взглядом разложенный на столе колдовской инструментарий, проворчала Мэрион. — Пожалуй, приступим.

— Э-э... мм... что мне надо делать?

— Сидеть тихо и не мешать мне! Я попытаюсь вызвать духа и заставить его рассказать про твое будущее.

Ведьма расставила по углам стола зажженные свечи, возложила руки на старый, отполированный до блеска череп и принялась что-то тихо напевать. Признаться, я раньше относился к колдовству и прочей чертовщине крайне скептически. Как-то не доводилось мне за всю свою долгую жизнь сталкиваться с чем-то сверхъестественным. Встреча с Коллет и последовавшие за этим неприятности изрядно поубавили во мне скептицизма, но даже сейчас я не мог серьезно относиться к тому, что делала Мэрион. Тем более что, несмотря на серьезную подготовку и внушающий уважение реквизит вроде того же черепа, вещий дух никак не желал явиться на зов ведьмы. Только дружеское расположение к Мэрион удерживало меня от язвительных замечаний. Однако и продолжать этот нелепый спектакль я был не в настроении, а потому встал из-за стола и как можно непринужденнее сказал:

— Ладно, Мэри, похоже, сегодня твоего загробного осведомителя нет дома. Давай отложим до завтра...

Воздух над столом неожиданно пошел рябью, словно вода, и из этой ряби показалась мутная фигура.

— Или не отложим, — вздохнул я. — Смотри, Мэри, явился-таки.

Ведьма прекратила напевать заклинания и приоткрыла глаза. Мне показалось, что ее лицо выражало скорее удивление, чем удовлетворение от хорошо сделанной работы. В следующее мгновение рябь успокоилась, и фигура стала отчетливее...

— Демон! — взвизгнула ведьма и, прежде чем я успел ее остановить, весьма точно метнула в гостя череп. Костяной «снаряд» ударил того прямо в середину лба и разлетелся мелкими осколками.

— Уй, блин! — завопил «демон», хватаясь за разбитый лоб. — За что?!

Я запрыгнул на стол и заслонил его от Мэрион, уже нацелившейся запустить в неожиданного гостя увесистым подсвечником.

— Стой! Мэри, хватит! Это не демон!

— Ты уверен? А с виду — натуральный бес.

Справедливости ради замечу — так оно и было. Выглядел мэтр Бахус — бывший придворный маг Пусия, а ныне свободный философ — не лучшим образом. То есть, я хочу сказать, он и вообще-то выглядит не очень презентабельно, а сейчас пребывал явно в состоянии беспощадного похмелья и человека незнакомого вполне мог испугать. Да, похоже, и не только человека — не случайно же вызываемый Мэрион дух так и не появился.

— Здравствуйте, мэтр! Извините за недоразумение...

Маг опасливо приоткрыл один глаз и попытался сфокусировать на мне мутный взгляд.

— Недоразумение? Ничего себе — недоразумение! Чуть голову мне не раскололи! Вот и помогай после этого людям! Коллет, иди сюда — я его нашел.

Признаюсь честно — была у меня мысль быстро воспользоваться особенностями местного рельефа и произвести скрытный маневр на заранее подготовленные позиции. Проще говоря — юркнуть под стол и ползком ретироваться на конюшню. Остановило меня от постыдного бегства только осознание его бесполезности. Раз уж Коллет взялась за меня

так серьезно, ее ничто не собьет со следа. Да и тащить за собой продолжающего храпеть Андрэ было бы затруднительно. К тому же без оставшихся в комнате денег приятное путешествие опять превратилось бы в мучение. Оставалось сделать хорошую мину при плохих картах и притвориться, что ничего особенного не произошло. Надеюсь, Коллет не начнет метать молнии сразу...

— Конрад!

Я обреченно закрыл глаза.

— Слава богу! Ты жив!

— Э? — Глаза у меня сами собой открылись и, кажется, стали раза в два больше отведенного им природой размера. Такого начала объяснений с ведьмой я ожидал меньше всего. — А что, не должен был?

— Идиот! Тупица! Солдафон!

— О! Вот это уже больше похоже на то, что я ожидал...

— Бессовестный кот! Ты знаешь, что я за это время пережила?!

— Да что случилось-то?! — прорычал наконец и меня. — Я, конечно, свинья — уехал без предупреждения, — но...

— То, что ты умер!

— Я?! Да с чего ты взяла?!

— Андрэ... рассказал... — Тут взгляд Коллет остановился на спящем в кресле Андрэ, и ее глаза тоже стали округляться. — Это... это...

— Ну да, это его величество Андрэ Первый Могучий. В своем обычном состоянии, как можешь видеть. И, замечу, сейчас находящийся за много миль от Бублинга.

— Но тогда кто же... Андрэ!

— А?

Я обернулся, но Андрэ в кресле продолжал спать. Да и знакомый возглас раздался не из его угла, а... а откуда-то из-за спины Коллет. Потом в висящем в воздухе овале появилась физиономия... Андрэ. Физиономия устала на меня, после чего лохматые брови двойника Андрэ полезли вверх. Вдруг глаза его закатились, и лицо из овала исчезло, а внутри невидимой отсюда комнаты раздался грохот падения.

— Иезус Мария! Это кто? Это Андрэ? Но... тогда...

— Стоп! — Коллет поднесла пальцы к вискам и на мгновение сосредоточенно устала в пол. Потом подняла на меня полный ужаса взгляд. — Я поняла! Какой сейчас день?!

— Э-э-э... двадцать седьмое января, — промямлил я, тоже догадываясь, что произошло.

— Странно. Правильно, двадцать седьмое января. Значит, Бахус не ошибся... но тогда я ничего не понимаю! Андрэ вернулся неделю назад и рассказал, что ты погиб — свалился в пропасть, такую глубокую, что он не смог достать твоё тело. Мы с мэтром Бахусом всю неделю пытались найти тебя, чтобы похоронить по-христиански...

— Ну-ну, успокойся. — Я отвел глаза, чтобы не смущать Коллет. Она терпеть не может, чтобы кто-то видел ее слабой. — Я жив-здоров, и никаких пропастей рядом нет. Да их в Либерхоффе и сроду не было...

— Так ты в Либерхоффе? Подожди, как ты там оказался?

— Ну, собственно, я здесь первый день... точнее, первую ночь. Извини, что обманул тебя с Германией. Надеюсь, ты уже остыла и прекрасно понимаешь — увезти на время Андрэ было наилучшим решением. Вот... Я сразу решил ехать в Либерхоффе — у меня тут друзья, которых я давно обещал навестить. Ну про скандал во дворце Пусия ты наверняка знаешь. А оттуда мы напрямиком направились в Либерхоффе...

— Скандал во дворце у Пусия?..

— Не знаешь? Значит, я переоценил подчиненных Ле Мортэ. Будет повод подколоть его при встрече. Впрочем, не беспокойся — ничего серьезного не произошло, Андрэ всего лишь принял коллекцию древних ваз за ночные горшки.

Я осекся, увидев, как лицо Коллет становится белым.

— Я знаю про этот скандал, — помертвевшим голосом произнесла Коллет. — У Ле Мортэ хорошо поставлена служба. Скандал случился в начале января. Год назад.

— Что? — До меня постепенно дошел смысл сказанных ею слов. Проклятый пьяница все-таки ошибся. Только не с днем и не с месяцем, а с годом. И это означало... означало...

— Ты все-таки погиб! — всхлипнула Коллет.

— Иезус Мария!

Надо сказать, я вспоминаю тот момент с законной гордостью. Ведь несмотря на весь ужас свалившейся на мою голову новости, я повел себя достойно семи поколений благородных предков. Не каждый, знаете ли, день случается услышать, что ты давно погиб, и при этом — погиб в будущем... Ох! Да тут у кого угодно ум за разум зайдет! Но я не поддался панике и воспринял известие со всем доступным мне хладнокровием.

— Конрад, прекрати истерику! — Мэрион в конце концов поймала меня за шиворот и сильно встряхнула. — Вопя и заламывая руки... лапы, беде не поможешь!

— В тебе нет ни капли деликатности, Мэрион! — укорил я ее. — Я только что узнал, что мне осталось жить меньше года! Да еще такая ужасная, мерзкая смерть — упасть в пропасть! Сначала долгое падение, когда ты понимаешь, что приближается твоя смерть и ничего — ничего! — не можешь сделать! А потом падение на камни, страшная боль и... и, возможно, я еще долго лежал там, умирая... Ай! Не смей дергать за хвост!

— А ты не смей вести себя так! — парировала Мэрион. — Ты же ландскнехт! А развесил сопли хуже иной белошвейки! Позорище!

Я пристыжен но затих.

Действительно, что такого ужасного я узнал? Что погибну через год? Так ведь жизнь человеческая тем и отличается, что никто своего срока не знает. И уж тем более — жизнь солдата. Меня никогда особо не пугала вполне реальная возможность погибнуть в любом из сражений, которых на моей памяти прошел я не меньше сотни, если не считать мелких стычек и дуэлей. Правда, сейчас ситуация была несколько иной — в бою у тебя есть шанс остаться в живых, а вот когда точно известно, что погибнешь и ничего не можешь изменить... Или все-таки?..

— Коллет, а ну-ка посторонись! — Я шагнул к висящему в воздухе «окну». — Сейчас мы все исправим.

— Что ты хочешь...

— Иезус Мария! — Я потер ушибленный о невидимую преграду нос. — Что за напасть? Не пускает.

— И не пустит, — сварливо прогундел из-за спины ведьмы Бахус. — Ишь какой прыткий нашелся! Было бы так легко изменить прошлое, все только и прыгали бы туда-сюда.

— Так я не прошлое хочу изменить, а будущее!

— Это оно для тебя будущее, а для нас — прошлое. Ты хоть что-нибудь помнишь из того, что я тебе объяснял про Ткань Мироздания? События, которые уже произошли, невозможно изменить.

— Но для меня-то они еще не произошли! Я еще не погиб! Вот же он я — стою перед вами живой!

— Это еще не аргумент. Хотя... — Мэтр задумчиво потер подбородок. — Это удивительный парадокс. Никогда не думал о такой возможности и... и... даже не знаю, чем это может обернуться. Ты прав — у тебя есть шанс.

— Тогда ну-ка быстро расскажите мне, что произошло и как я погиб...

— Нет-нет-нет! — поспешно замахал руками Бахус. — Если мы начнем рассказывать тебе твое будущее, Ткань Мироздания начнет уплотняться, и тебе все сложнее будет преодолевать ее сопротивление... я так думаю... Проклятье! Я даже не знаю, погиб ты потому, что я рассказал тебе твое будущее, или, наоборот, потому что не рассказал! Насколько я помню, ты вернулся в Бублинг и ничего про эту встречу не сказал. Значит, ее не было! Но она же произошла?! Возможно, ты решил не говорить нам... Нет, так не пойдет.

Если рассуждать с точки зрения логики...

Коллет оттеснила перешедшего на невнятное бормотание мага и попыталась протянуть ко мне руку. Невидимая преграда не позволила ей это сделать, и рука замерла, упираясь в воздух. Я поднес свою лапу, но ничего не почувствовал — преграда оставалась невидимой, но абсолютно непроницаемой.

— Конрад... Мэтр, наверное, прав. Мы ничего не должны тебе рассказывать. Боюсь, ты и так уже знаешь о своем будущем слишком много. Нам надо закрыть портал, пока не стало еще хуже, но кое-что ты должен знать: твоя смерть связана с твоими поисками. Прощай. Пожалуйста, постарайся изменить свою судьбу. Я буду ждать. Мэтр, закрывайте портал.

Мне показалось, что по щеке Коллет скатилась слеза, но из-за вновь набежавшей ряби я не мог быть уверен в этом. А когда рябь схлынула, вместе с ней исчезло и «окно» в будущее.

— М-да... — нарушил молчание Фредерик. — Ничего себе кульбит! Я бы даже сказал — сальто-мортале!

— Помолчи уж! — Мэрион вздохнула. — Обмануть судьбу — кому такое удавалось? Я что-то и не припомню.

Я поежился от этих слов ведьмы. Да уж. Если вспомнить все сказки, что довелось слышать мне в детстве, все истории, что рассказывают в кругу солдат у костра, все баллады, что поют менестрели, — везде человек беспомощен перед судьбой. И даже герои склоняются перед неумолимым роком. А я совсем не герой.

Гм...

Но помирать совсем не хотелось.

Тем более что одна сказка, известная мне с детства, все-таки давала надежду. Сказка про двух лягушек, упавших в кувшин с молоком. Так уж получилось, что на гербе рода фон Коттов изображены две лягушки: одна — покорно следовавшая судьбе и утонувшая. И вторая — барахтавшаяся до конца и сбившая молоко в масло. Я всегда жил согласно лозунгу, начертанному на нашем гербе: «Никогда не сдаваться!»

Посмотрим, так ли уж необорима судьба!

— Мэрион, Фредерик, спасибо вам за гостеприимство. Я надеялся погостить у вас некоторое время, но — сами видите — я должен спешить. Надеюсь, еще настанут хорошие времена и я вас обязательно навещу!

— И куда же ты путь свой намерен держать?

— Для начала — вернусь в Бублинг... Иезус Мария! Кто это спросил?!

— Я...

— Да кто — «я»?!

— Сеньор Хосе Альфонсо Фигейро да Бухоралес, к вашим услугам!

— Похоже, это дух, которого я вызывала, — пояснила Мэрион. — И давно ты здесь?

— Почти что с самого начала, — раздалось откуда-то из-под потолка. — С почтенным мудрецом, способным бросить взгляд сквозь время, и той прелестной дамой, чье сердце бьется ради бравого солдата, явились мы на зов колдуньи в одночасье...

— Иезус Мария! Мэри, ты что, вызвала дух поэта?!

— Похоже на то, — развела руками Мэрион. — Знаешь, выбор у меня невелик — кто отзовется с той стороны, тому и рада. А тебе не все равно, с кем говорить?

— Да поэты все бестолковые! Умучаемся, пока что-нибудь из него вытянем!

— Скорблю всем сердцем, внемля сим словам жестоким!

— Вот видишь?!

— Давай все-таки сначала побеседуем с ним, — возразила Мэрион. — Дух, знаешь ли ты, для чего я вызвала тебя?

— Вопрос — глупее не бывает! Зачем же духов вызывают? Узнать ты будущее хочешь или за прошлое хлопочешь.

Ведьма досадливо поморщилась, но допрос не остановила.

— Дух, ответствуй! Что за кошмар мучает этого человека?

— То не кошмар, то вещий сон. Опасность предвещает он.

— Это понятно, что опасность. Даже я из другой комнаты почувствовала, как нечто приближается к этому миру из самой преисподней. И даже уловила слово «посланец». Но что все это значит?

— Из преисподней начал путь посланец. О пощаде позабудь!

— Посланец из преисподней? Посланец дьявола, что ли? Что за бред?! — Я стукнул лапой по столу. — Я же говорил — все поэты бестолковые. Как понимать эту рифмованную чушь? Кто такой этот «посланец из преисподней»?

— Ну... — протянула Мэрион. — Может, действительно посланец дьявола?

— В каком смысле? — опешил я.

— Я почувствовала невероятную силу в том, что приближалось к тебе в кошмаре. Это явно не какой-то обычный враг. Возможно, речь духа следует понимать буквально?

— А?.. — Сообразив, что Мэри говорит вполне серьезно, я расхохотался. — Да ну, не выдумывай! Какое дело самому дьяволу до меня?!

— Кто знает? — развела руками ведьма. — Вдруг тебе в будущем предстоит совершить нечто, чего дьяволу очень не хотелось бы. Или — помешать чему-то.

— Бред! — коротко резюмировал я, стараясь не обращать внимания на вставшую дыбом шерсть. — Просто дурацкий поэтический образ. Эй, дух! Объясни нормальными словами, кто такой этот посланец?!

— Не желаю! — раздалось из-под потолка обиженное фырканье. — К волшебной Музе кто не проявил почтения, поэта недостойн уваженья!

— Эй, рифмоплет, не заносись! Марго, ты ведь можешь заставить его отвечать?

— Вообще-то... нет. Я когда черепом в мэтра Бахуса запустила, то разрушила нити, связывающие духа. Он теперь свободен — может делать, что захочет.

— Волшебница права, свободен я теперь! Прощайте! Ухожу! И не нужна мне дверь!

— Иезус Мария! Стой, дух! Не уходи! Давай поговорим сначала о посланце преисподней! Не уходи! Я люблю стихи!

— Бесполезно. Я его не чувствую. Видимо, уже сбежал.

— Вот зараза! — Я вернулся в кресло. — Не сказал бы, что ситуация сильно прояснилась.

— Ну кое-что мы теперь знаем точно, — возразил Фредерик. — По твою душу объявился какой-то «посланец преисподней». От дьявола ли он или просто сам по себе, но не верится, что он тебя ищет, чтобы поздравить с Рождеством.

— Это верно, — хмыкнул я. — И времени у меня до встречи с ним не так чтобы много. К следующей зиме нужно быть во всеоружии. То есть прежде всего вернуть человеческий облик. А для этого мне нужно вернуться в Бублинг и организовать экспедицию в этот город с непристойным названием.

Мэрион согласно кивнула.

— Ну что же, я думаю — медлить не стоит. Рик, иди оседлай его лошадку. Я пойду завтрак вам приготовлю, а вы с его величеством пока собирайтесь...

Я тяжело вздохнул.

Мне предстояло тяжелое и смертельно опасное дело.

Разбудить Андрэ.

ГЛАВА ПЯТАЯ, повествующая о неожиданном возвращении непоседливого духа и странном способе, коим он о своем возвращении возвестил

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 28 января

16... года от Р. Х.

Если быть честным с собой — а с кем же и быть-то честным, если не с собой, и дневник является лучшим вместилищем для подобной честности, — я вовсе даже ничего не имею против славы. Вряд ли меня можно назвать тщеславным, я вовсе не готов сжечь Рим, чтобы

остаться в истории, но если слава сама идет в руки — не откажусь. Но! Не всякой славе я буду рад, пусть даже иные люди и готовы жилы надорвать ради нее.

Примечание на полях. И уж тем более такая слава не радует, когда сваливается тебе на голову вместе с чрезмерно болтливым призраком.

— Я вот одного не понимаю, господин капитан...

— Только одного?

— Ага! — не замечая ехидства в моем голосе, кивнул Андрэ. — Как так получилось, что я заснул в доме, а проснулся здесь? И где это «здесь»?

— Это магия такая, — отмахнулся я. Объяснять гиганту, что он протопал почти пять миль по заснеженному лесу, прежде чем окончательно проснулся, мне было лень. — Мы возвращаемся в Бублинг.

— Ох... А может, еще куда-нибудь спутешествуем? Когда еще такой случай будет!

— Да не дрожи ты так! Анна давно тебя простила.

— Правда?

Я кивнул, хотя особой уверенности не испытывал. Королева, конечно, женщина умная, но все-таки — ситуация не сказать чтобы ordinaria. С другой стороны, ну не казнит же она Андрэ? Нет, ну серьезно — ведь не казнит же?

А мне надо спешить...

Правда, пока непонятно, как отправляться в путешествие. Дороги, и без того почти по всей Европе скверные, до весны останутся под снегом. А весной превратятся в сплошное болото. Конечно, многих путешественников это не останавливает, и даже купеческие караваны продолжают передвигаться зимой, сменив телеги на сани. Но каждая пройденная зимой миля стоит пяти летних. Надо ли отправляться в Скандинавию прямо сейчас или подождать месяца два? Мы прибудем в Бублинг к середине февраля, а к середине апреля дороги уже просохнут достаточно, чтобы лошадь не проваливалась в них хотя бы по бабки. Двигаться я смогу быстрее, но примерно месяц все-таки потеряю. А в моем положении даже один месяц может обойтись дорого. Вот и считай, выискивай выгоду, словно ты не гордый ландскнехт, а какой-то приказчик.

Впрочем, загонять Иголку ради одного-двух дней я тоже не собирался. Потому, заметив через некоторое время небольшой город чуть в стороне от главной дороги, направил лошадь туда, хотя солнце еще только клонилось к закату. Ничего — спокойный отдых в тепле и уюте трактира стоит лишнего десятка миль.

Как оказалось, решение это было даже более верным, чем я предполагал: не успели мы с Андрэ занять отведенную нам комнату, как за окнами потемнело и повалил снег. Будь мы на улице, испытали бы на себе все прелести поездки сквозь метель. А так мы спокойно распаковали вещи, потом спустились вниз и плотно отобедали, после чего с удовольствием расположились рядом с камином, наслаждаясь теплом и музыкой, которую извлекал из испанской гитары бродячий музыкант. Мелодии были довольно простые, да и играл музыкант не сказать что очень искусно, но непогода, бушевавшая за стенами трактира, великолепно дополняла музыку. Я давно — еще новобранцем — заметил, что даже тонкие стены палаток либо просто костер, собиравший вокруг себя солдат, этот своеобразный островок безопасности и спокойствия во враждебном мире, придавал особый вкус нехитрой музыке примитивных инструментов, пошлым солдатским байкам и самым бороатым анекдотам. Трактирный музыкант то ли не хотел, то ли не умел петь, но вскоре кто-то из посетителей стал подпевать гитаре, причем довольно хорошим голосом и, главное, от души. Даже я, несмотря на некоторый снобизм по отношению к такой простой музыке — от дворянского воспитания никуда не денешься! — поддался очарованию вечера и слегка покачивался и притоптывал в такт музыке. Пока не заметил, что Андрэ удивленно таращится на меня, да и взгляды остальных гостей постоялого двора обращены в мою сторону. От первой мысли меня охватил озноб — либо шляпа съехала на затылок, либо сбился платок, которым я по самые глаза замотал морду. Но во взглядах, направленных на меня, не было

страха, который обычно вызывал мой теперешний облик. Скорее это было... удивление? Уважение?

— Ну чего случилось? — шепотом спросил я у Андрэ, стоило очередной песне закончиться.

— А? Ну... дык это... господин капитан... — в своей обычной манере «пояснил» Андрэ.

Тут его бормотание было прервано — из дальнего угла к нам подошли три человека, привлёкшие мое внимание еще в тот момент, когда мы договаривались о комнате с хозяином трактира. Тогда, окинув внимательным взглядом общий зал, я сразу отметил троицу в темном углу, одетую гораздо лучше остальных посетителей. Но не одежда в первую очередь привлекла мое внимание, а оружие. У большинства посетителей — в массе своей торговцев средней руки и их слуг — при себе имелись разве что дубинки, сложенные в углу у выхода из зала. Но эти парни были вооружены короткими мечами, которые они вопреки правилам приличия не оставили у входа, а положили рядом с собой на лавки. Нетрудно было догадаться, что люди это жизнью битые — либо наемники, либо, что более вероятно, разбойники. У меня даже мелькнула мысль, не поискать ли ночлег в другом месте, но тут как раз началась метель, и уйти в такую непогоду из трактира означало бы как раз привлечь ненужное внимание. Оставалось надеяться, что наши с Андрэ скромные персоны не заинтересуют постояльцев.

Как выяснилось, я ошибся.

Заинтересовали.

Я медленно поднял взгляд на того из разбойников — сейчас я уже не сомневался в роде его занятий, — что стоял в середине, прикидывая, как поступить. Можно было сдернуть шляпу, воспользоваться возникшей паникой и попытаться улизнуть. Но вся наша поклажа осталась в комнате, да и не факт, что люди, привыкшие рисковать жизнью, испугаются говорящего кота. На Андрэ надежды мало — он станет драться, только если уж совсем припрет..

— Эй, карлик!

Эх! И что мне в комнате не сиделось?!

— Здоров ты петь! Всю душу перевернул, в натуре! Держи вот от нас с братьями!

Я машинально поймал монетку и тупо уставился на нее. Талер. Если бы не платок, челюсть у меня отвисла бы, пожалуй, до самого пола. Разбойник довольно хрюкнул.

— А то! Не сомневайся — полновесный серебряный. Атаман Крутолюб понимание имеет, менестрелей и прочую культуру завсегда уважает. А вот знаешь эту... как ее... про малютку-воровку? Еще талер получишь.

Не успел я ответить — впрочем, еще бы успеть, у меня в тот момент от изумления приключилось что-то вроде временного расслабления мозгов, — как какой-то голос бодро ответил атаману:

— Кто же ее не знает? Эй, дружище, сыграй — награда пополам.

Гитарист охотно принялся перебирать струны, и откуда-то раздался все тот же хрипловатый голос, повествующий о тяжелой судьбе малютки, которую жизнь заставила стать воровкой. Воровку, само собой, поймали, и суровый судья приговорил ее к повешению, а когда тело несчастной уже болталось на веревке, узнал свою потерянную дочь по родимому пятну. Народная поэзия не знает пощады, и безжалостный судья убил себя на могиле дочери. За этой песней последовала не менее душещипательная история про молодого разбойника, по неопытности попавшего в опасную трясину и которого теперь напрасно ждет домой мама. Разбойники были в восторге. Впрочем, как ни странно, и прочие посетители — коим по здравом размышлении вся эта разбойничья романтика должна была быть совершенно чужда — тоже. А песенку про разбойницу по кличке Мурка, которая влюбилась в начальника городской стражи и сдала тому всю банду, за что в конце концов и получила кистенем по голове, меня заставили спеть раз пять. Меня?!

К этому моменту я уже окончательно перестал понимать, что происходит. В том, что

пою точно не я, у меня сомнений не было. В числе прочих талантов, коими меня щедро обделила природа, числятся также слух и голос. Добрая моя матушка, как и большинство благородных дам обученная музыке, потратила много месяцев впустую, пытаясь привить мне хотя бы минимальные навыки музицирования. Увы, тексты гимнов и баллад я в итоге ее стараний выучил, и в изрядном количестве, но исполнял их все — как утверждают — на один мотив. Причем мотив никому не известный и очень неприятный. Батюшка мой, будучи отчасти склонен к черному юмору, заметил как-то, что наш замок может не опасаться врагов. Достаточно установить на городской стене клавесин, усадить за него меня и попросить исполнить что-нибудь — осаду немедленно снимут. Главное при этом, как утверждал отец, не позволять мне еще и петь, ибо даже к врагу не следует относиться с подобной жестокостью. Это, разумеется, было преувеличением, но не слишком сильным. Голос мой, в детстве звучавший неприятно пронзительным дискантом, с возрастом превратился в скрипучий баритон, ничуть не став от этого музыкальнее.

Тем не менее песня доносилась из того самого места, где сидел я. И даже, кажется, из того места, где находилась моя голова. Если бы не полная уверенность, что под платком мой рот остается закрытым (и даже клыки стиснуты), я бы и сам, пожалуй, засомневался — мало ли какие чудеса на свете случаются?

Наконец слушатели устали, разбойники, убедившись, что метель затихла, убрались по своим криминальным делам, предварительно одарив щедрой рукой меня и музыканта талерами, и мы с Андрэ смогли вернуться в свой номер. Меня уже некоторое время мучила догадка, которую я не преминул проверить, едва мы вошли в комнату и закрыли дверь.

— Так. Как тебя там? Хосе Альфонсо! Какого дьявола ты вытворяешь?

— А что? По-моему, неплохо получилось!

— Иезус Мария! Значит, это все-таки ты!

— В твоих словах я слышу сожаленье. Ужель ты злишься из-за выступления?

— А что, мне радоваться надо? — взбеленился я. — Ну как же! Потешил трех висельников и кучку торгашей песенками самого низшего пошиба! Завоевал дешевую популярность! И ты еще называешь себя поэтом?!

— Быть снобом — популярная игра, и популярною она была всегда. Но мудреца для снобов приговор таков: нелепая игра — удел для дураков.

— Ладно, я с тобой о поэзии спорить не собираюсь, — отрезал я. — Но больше так не делай! Я выглядел полным идиотом! А если бы они догадались? Меня уже один раз приняли за колдуна и хотели сжечь, а во второй раз объявили демоном и почти сожгли, даже шерсть на хвосте подпалили. Что-то мне подсказывает, что в третий раз я так легко не отделаюсь.

Дух хмыкнул.

— Тому, кто обречен на встречу с палачом, и встретить шторм на утлой лодке будет нипочем.

— Ну уж нет. Я не верю в судьбу. Это хорошая отговорка для лентяев и трусов — можно ничего не делать, ссылаясь на судьбу, рок, Божью волю. А по мне, так Божья воля — биться до последней возможности. А потом — еще немного сверх того.

— Правильно, господин капитан! — с воодушевлением в голосе поддержал меня Андрэ. — Мне вот Анна тоже частенько говорит: зачем ты себе еще отбивных накладываешь, в тебя же больше не лезет! Но я продолжаю есть до последней возможности! А потом — еще немного сверх того!

— Спасибо, Андрэ! — сквозь зубы прошипел я, слушая бесплотное хихиканье духа. — Хорошо, дух, оставим пафос. Просто не делай так больше, мне не нравится выглядеть паяцем, да и вообще привлекать к себе внимание не стоит. Кстати, чего ради ты следуешь за нами? Ты же теперь вроде как свободен. Неужели тебе здесь интереснее, чем в раю? Или ты сюда из ада попал? Там и вправду так хреново, как толкуют проповедники?

Последний вопрос я задал не без некоторой внутренней дрожи. Конечно, как и всякий истинный христианин, я верю в милосердие Божье и возможность спастись через покаяние. Но циничный ландскнехт во мне говорит, что по грехам моим райские кущи мне светят

только в одном случае: если в небесной канцелярии произойдет грубейшая ошибка. Да и при моем образе жизни есть серьезные основания сомневаться, что в нужный момент я успею покаяться. Говорят же, что ландскнехты не умирают — они отправляются в ад на переформирование. Так что интерес к бытовым условиям в будущем месте вечной дислокации был для меня вполне естественен.

К сожалению, Хосе Альфонсо не смог удовлетворить мое любопытство. Беспощадно мучая мое чувство прекрасного своим корявым ямбом, хореем и прочими размерами, призренный поэт объяснил, что на зов ведьм и колдунов являются только те из духов, что зовутся неприкаянными. То есть застрявшие по каким-то причинам на грешной земле. Например, сам сеньор Хосе Альфонсо Фигейро да Бухоралес остался на этом свете, поскольку считал себя невинно пострадавшим из-за любви к искусству. При жизни он состоял в свите какого-то испанского гранда, время от времени писал для того сонеты и эпиграммы, за что получал неплохое жалованье и был в конце концов отравлен другим поэтом, желавшим занять его место. Жажда мести оказалась теми цепями, что удержали его в этом мире. Так что про рай и про ад поэт знал не больше живых, да и не особо стремился узнать, подобно мне подозревая в прямом смысле горячую встречу, уготованную ему на том свете.

— Ну допустим, — сдался я. — Почему ты здесь, я понял. Но почему ты потащился за нами? Летал бы себе где хочешь. Желательно — где-нибудь подальше от меня.

— А с вами интересно, — с обескураживающей прямоотой сообщил Хосе Альфонсо. — Чудес я много повидал с тех пор, как подло был отравлен, но говорящего кота встречаю первый раз.

— Иезус Мария! Сколько раз тебе повторять: я человек, а не кот! Ладно, может, тогда объяснишь мне наконец толком, что за посланник Тьмы на меня нацелился и чего ему от меня нужно?

Дух некоторое время молчал, потом нехотя пробормотал:

— На сей вопрос тебе ответить я не волен...

— Что значит — «не волен»? А кто мне только что втирал, что он «свободный дух»? Эй? Хосе Альфонсо? Ау?

Но дух исчез. Или просто не пожелал отвечать.

— М-да... Мне, конечно, вообще везет на странных спутников, но этот призрак — самый странный из всех. Впрочем, с его способностью заглядывать в будущее он может быть весьма полезен...

Тут я заметил, что разговариваю сам с собой — Андрэ заснул, видимо, пока Хосе Альфонсо многословно и занудно рассказывал трагичную историю своей жизни. Мне оставалось только последовать примеру моего короля.

Если честно, засыпать, зная, что где-то в комнате может находиться призрак, было как-то страшновато. Впрочем, все равно заснул я, едва забравшись на постель: сказала вечная нехватка сна в бытность мою ландскнехтом. Подозреваю, что мне теперь никогда не выспаться, сколько бы я ни спал. И всякие там призраки и привидения бессильны мне помешать уснуть в любом месте и в любом положении — была бы возможность. Да и, если подумать, призрак поэта казался существом — если призрака можно назвать существом — вполне безобидным.

Посреди ночи меня разбудил все тот же кошмар, но на этот раз я не орал во сне и не пытался отбиваться от непонятного врага когтями — просто проснулся и долго лежал с открытыми глазами. Одновременно во мне проснулась и стала зреть злость на этого пресловутого «посланца преисподней». Мне уже даже захотелось с ним встретиться и выяснить отношения, как положено в нашем кругу — на мечях или пистолетах.

Какого дьявола он не дает мне выспаться?!

ГЛАВА ШЕСТАЯ, ***повествующая о возвращении Андрэ Первого Могучего и***

благородного Конрада фон Котта в столицу, а также о диспуте, приключившемся у них с призраком, королевским магом и королевой

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 12 февраля
16... года от Р. Х.*

Не стоит мне, думаю, бесплодно тратить перлы красноречия, дабы объяснять всю прелесть общения с прекрасными дамами. Бесплодно — не в силу ложности сего убеждения, а только исключительно из-за банальности, ибо вряд ли найдется такой мужчина, который не поставил бы подпись под этими моими словами.

Примечание на полях. Тем не менее иногда меня посещает желание принять постриг в каком-нибудь дальнем монастыре!

Как я и предполагал, Бублинга мы достигли к середине февраля. Самое, надо сказать, худшее время для путешествий: просидев как-то три дня подряд на постоялом дворе в ожидании хорошей погоды, я принял решение все-таки продолжать путь даже в метель. Тем более что к ночным кошмарам прибавилось кошмарное общество болтливости духа. Да ладно бы только болтливости (хотя то, что Хосе Альфонсо изъяснялся исключительно зарифмованными фразами, способно было взбесить даже святого), так нет — кроме болтливости дух страдал патологическим тщеславием. Стоило нам хоть ненадолго оказаться в компании потенциальных слушателей, как он начинал декламировать свои «бессмертные» вирши или петь. При этом беззастенчиво используя меня как ширму. После того как нас поколотили за эпиграммы на слушателей — надо признать, довольно смешные и меткие, — мы с Андрэ приняли решение, сняв комнату на очередном постоялом дворе, сидеть в ней безвылазно. Я готов был пойти на что угодно, лишь бы избавиться от паршивца, даже несмотря на все выгоды, которые могла принести его способность заглядывать в будущее. Тем более что он пока так и не соизволил поделиться с нами хоть какими-нибудь полезными пророчествами. Наоборот, именно настойчивые вопросы относительно моего и Андрэ ближайшего будущего, особенно о посланце Тьмы, заставляли болтуна заткнуться хоть на время.

Попытки избавиться от Хосе Альфонсо при помощи святой воды, полученной в церкви, и колдовских амулетов ни к чему не привели. Да я скупал эти амулеты у всех ведьм и знахарок, каких удалось найти по пути, и единственное, чего добился, — ехидных насмешек призрака. Так что, когда сквозь кружащий снег проступили очертания стен Бублинга, я вздохнул с облегчением. Наверняка уж Коллет с ее силой легко отвадит сеньора Фигейро да Бухоралеса от моей скромной персоны. Лелея в себе эту надежду, я вошел во дворец вслед за Андрэ. Его величество держался молодцом, и только совершенно бессовестная и бессердечная личность могла указать на едва заметную дрожь его коленей.

— И почему у короля дрожат поджилки, тру-ляля-ля? — немедленно пропел Хосе Альфонсо на манер уличного куплетиста. Впрочем, у призрака ведь буквально нет сердца — чего еще от него ждать?

— Помолчи, не до твоих шуточек, — буркнул я, на ходу раскланиваясь со встречными придворными. — Тут решается вопрос жизни и смерти.

Несомненно, королеве о нашем прибытии доложили еще в тот момент, когда мы въехали в городские ворота. Несмотря на это, Анна не соизволила выйти навстречу супругу, что было плохим знаком: королева явно желала сначала поговорить с Андрэ без посторонних, а значит, разговор предстоял суровый. У меня даже мелькнула трусливая мысль, что я, в сущности, тоже посторонний, да и дел у меня неспорный, но чувство товарищества победило, и мы шагнули в кабинет королевы плечом к плечу... ну, образно выражаясь, конечно.

Приняв у безалаберного папаши бразды правления, Анна дни напролет вынуждена была проводить в кабинете — по причине полной несостоятельности Хилобока Четвертого в

роли короля Гремзольд пришел в такой упадок, что государство приходилось экстренно спасать. Бесконечная череда совещаний, планирования, разбора жалоб и составления указов приковала Анну к письменному столу надежнее цепей. Вот и сейчас — несмотря на, мягко говоря, необычность момента, королева встречала нас с пером в руках. Дописав что-то и поставив печать, она присыпала письмо песком, чтобы быстрее высушить чернила, передала документ пажу и лишь после этого подняла усталые глаза на Андрэ. Дождавшись, когда за пажом закроется дверь и мы останемся в кабинете одни, Анна смерила нас с Андрэ мрачным взглядом и поинтересовалась:

— А что так скоро вернулись? Нагулялись?

Вот умеют женщины задавать вопросы так, что как бы ни ответил — все равно чувствуешь себя полнейшей скотиной. Правда, Андрэ подобные тонкости, как немедленно выяснилось, были чужды.

— Дык мы и не гуляли, мы от тебя прятались, — простодушно развел руками король. — А господин капитан еще и от Коллет...

— Вот, значит, как? — произнесла Анна таким ласковым голосом, что у меня шерсть встала дыбом и заискрилась. Впрочем, я тут же сообразил, что слова королевы тут ни при чем, просто в кабинет вошли Коллет и — вот уж кого не ожидал увидеть — Алле-гу. Когда мы в последний раз виделись с тролльшей, ее одежда состояла из набедренной повязки, татуировок и пучка сваленных при помощи пчелиного воска в толстые косички волос до пояса. Видимо, Анна не сумела уговорить дикарку носить во дворце европейское платье, да и, думаю, выглядела бы в нем Алле-гу просто комично. Но чтобы не шокировать придворных, ее все же нарядили в свободную тогу вроде тех, в которых изображают на картинах всяких библейских персонажей. В результате тролльша стала похожа на колонну, увенчанную странным растением, и казалась еще выше и массивнее, чем раньше.

При виде Андрэ великанша оскалила клыки в счастливой улыбке и бросилась его обнимать. Я отчетливо услышал, как захрустели кости бедолаги. На меня Алле-гу, к счастью, внимания не обратила. Мне хватило и сердитого взгляда Коллет. Впрочем, сердилась ведьма не очень натурально — уж я-то ее достаточно знал, чтобы это понять. Похоже, мои надежды оправдались и Коллет, остыв, признала мое решение единственным возможным. Вслух она этого, конечно, ни за что не скажет и будет некоторое время дуться напоказ, но, по крайней мере, я могу больше не опасаться за свою жизнь... Если, конечно, Анна не решит припомнить мне активное участие в бегстве короля. А надо заметить, вид тролльши, обнимающей Андрэ, явно не то зрелище, которое может способствовать душевному равновесию королевы. Побледневшее лицо и сузившиеся глаза Анны вновь напомнили мне, как много всяких дел накопилось у меня за два месяца...

— Анн-дрэ ходить назад, — лопотала между тем великанша, демонстрируя, что почти два месяца во дворце не бездельничала. Говорила уже вполне уверенно, хотя фразы строила произвольно. — Алле-гу ждать Анн-дрэ долго-долго, скучала я.

— Э-э-э... — испуганно косясь на Анну, проблеял король. — А чего меня ждать-то? Я того... как бы, это...

— Анн-дрэ больше не любить Алле-гу? — с детской непосредственностью спросила великанша, отталкивая короля. Нормальный человек от такого проявления чувств улетел бы в дальний угол комнаты, но Андрэ даже не покачнулся. Вот если объективно, то они с тролльшей, конечно, идеальная пара...

— Ну... дык... я и не любил... то есть я же не говорил...

— Не говорить! Не говорить! — Алле-гу готова была расплакаться. Ее некрасивое лицо исказилось от боли, и я вдруг подумал, что, несмотря на свои устрашающие размеры и нечеловеческую силу, тролльша-то еще совсем девчонка. Тролли вообще редко доживают до старости, маркграф Йорик Окраинный рассказывал, что лет в четырнадцать тролль считается полноправным воином, а в сорок — уже почтенным стариком. Возможно, Андрэ — первая настоящая любовь тролльши, тяжело ей придется.

— Ну вот. — Рассерженно фыркнув, Анна вскочила с места и бросилась к тролльше. —

Ты зачем Алле обидел? Тупой кабан! Как ты смеешь играть чувствами бедной девочки?!

— Я?! — тупо переспросил Андрэ, глядя, как королева, привстав на цыпочки, гладит великаншу по голове. — Играю чувствами? Бедной девочки?

Признаться, от такого поворота событий даже я слегка обалдел. Впрочем, зная королеву, чего-то подобного вполне можно было ожидать.

— Ты! Вскружил несчастной простушке голову — и в кусты!

— Дык я ж вроде не кружил ничего... и, это, никаких кустов не было! Я ее и пальцем не тронул!

— Ну конечно — не кружил! У бедной девочки был первый выход в люди — ее впервые взяли в настоящий набег. Молодая, наивная, восторженная... И тут попадается навстречу такой вот красавчик на огромном коне, в сияющих латах — настоящий принц. Да еще и умный, и разговаривает учтиво...

— Это вы о ком сейчас? — от изумления не удержался я.

— А ты помолчи! — отрезала королева. — Чтоб ты знал, предложение руки и сердца у троллей сводится к удару в челюсть, после чего «кавалер» утаскивает потерявшую сознание «даму» в свою хижину. Неудивительно, что Андрэ показался бедняжке и умным, и учтивым... Очаровал и уехал. А когда она не вынесла разлуки и сама приехала, «принц» оказался обычным трусом и сбежал!

— Все мужики — бессовестные козлы! — разумеется, не осталась в стороне от любимой темы и Коллет. Дотянуться до головы тролльши ведьме не позволял рост, потому она обняла Алле-гу за талию и погрозила кулаком почему-то мне.

— Я... э-э-э... я не хотел ее огорчать, — промямлил Андрэ. — Думал, она подождет-подождет и уедет...

— Осел! Куда она теперь поедет? — возмутилась Анна. — В стойбище? Стать женой какого-нибудь грязного тролля и вести жизнь не лучше рабыни?

— Так чего же вы от меня хотите?! — растерялся Андрэ. — Я же ей сразу сказал, что женат...

— Сказа-а-ал! — захныкала тролльша. — Что из того? Анн-дрэ большой, сильный. Анн-дрэ великий вождь, много богатый и дом большой — много жен надо. Одна Алле-гу больше — пустяк немножко!

— Чего?

Андрэ рухнул в ближайшее кресло — у несчастного самодержца подкосились ноги. Впрочем, и Анна, услышав это предложение, слегка опешила. Видимо, раньше Алле-гу с ней своими планами не делилась. То ли не так уж наивна была, то ли просто считала такой выход само собой разумеющимся. Краем уха я услышал, как сдавленно хихикает Хосе Альфонсо, и прокашлялся, чтобы заглушить его: не хватало только сейчас еще и появление призрака объяснять.

— Милая Алле-гу! Это совершенно невозможно...

Трольша удивленно посмотрела на меня.

— Почему? У Анн-дрэ жен много-много, я видать. Они плохие жены — бездельницы! Сидят весь день в дворец и не делают ничто. Одна Анн-а делает весь день писать и управлять страна. Жена вождя — о! Остальные — глупая курицы! Я — не такой, я хорошая жена будет! Анн-а — старшая жена, Алле-гу — любимая жена!

Тут уж я вынужден был стянуть с головы шляпу и уткнуться в нее мордой. Надеюсь, Анна с Коллет решат, что я плачу. Бедные фрейлины! Интересно, Алле-гу им уже сообщила, что считает их младшими женами Андрэ и глупыми курицами? Тут я понял, что мой маневр со шляпой был бессмысленным: прямо за моей спиной раздавался отчетливый, громкий и наглый хохот.

— Конрад?!

— Это не я!

— Я вижу, что не ты. — Коллет, нахмутив брови, внимательно смотрела куда-то выше моей головы. — Вернее, не вижу... так, какое-то неясное колебание в воздухе... Вы кого с

собой притащили?!

— Иезус Мария! Да что ж нас сегодня во всех смертных грехах обвиняют! — как можно более жалостливо простонал я, усаживаясь прямо на пол. — Нужно было ехать к Николасу. По крайней мере, он не стал бы допрашивать друзей, несколько дней подряд пробивавшихся сквозь метель, и душу им мотать.

Мои стенания, впрочем, ничуть не тронули Коллет.

— Так ты мне ответишь — кого вы еще приволокли с собой?

— Это трудно объяснить в двух словах...

— А ты объясни в нескольких. — Анна оставила Алле-гу и грозно посмотрела на меня. — Ты хочешь сказать, при столь деликатном разговоре присутствует посторонний человек?!

— Э-э-э... дело в том, что он как бы не совсем человек... Ай! Ваше величество! Что вы делаете?! — Я метнулся под стол, спасаясь от толстого фоллианта, которым в меня весьма метко запустила Анна. — Успокойтесь, прошу вас!

За первым томом последовал второй, потом третий — замечу, все в твердом переплете из телячьей кожи с вставками из красного дерева и бронзы, — попадет такой источник знаний в голову, и можно заказывать панихиду! Но королеве этого показалось мало. За книгами в меня полетела чернильница из цельного куска горного хрусталя, к счастью ударившаяся в пол всего в ладони от моего хвоста, но при этом взорвавшаяся от удара не хуже шрапнели. Спасаясь от каменного дождя, я каким-то чудом проскользнул под диван и затаился.

— Паршивец! Вылезай немедленно! — Разъяренная королева попыталась приподнять диван, но тот, к счастью, оказался для нее тяжелым. — Предатель!

— Я не предатель! Я верен Короне! Да здравствует королева!

Но мои верноподданнические выкрики Анну ни в малой степени не успокоили. Более того, она выхватила у стоявшего возле окна рыцарского доспеха копье и стала шарить им под диваном. Дело начинало оборачиваться совсем нехорошей стороной, особенно потому, что я застрял. То есть под диван я почему-то легко спрятался, но сразу же понял, что не могу и шевельнуться. Между тем острие копья неумолимо приближалось...

— Коллет, прощай! — жалобно вякнул я, закрывая глаза.

— Постой, о гордая владычица копья! Твоей счастливой целью стать мечтал бы я! Лучи твоих прекрасных глаз пронзили сердце мне! Оставь несчастного кота его судьбе!

— Вот блин...

— Это еще что за бред? — Сбитая с толку неожиданным выступлением духа Анна остановила копье буквально в дюйме от моего уха. — Эй, кто здесь? А ну покажись!

— Не смею осквернить божественный твой взгляд своим убогим видом, о царица! Позволь мне лучше в сон твой заявиться — таким, каким при жизни был я наяву!

— Эй, эй! — услышал я угрожающее ворчанье Андрэ. — Хосе! Ты чего это к моей жене подкатываешь?! Это не по-товарищески!

— Андрэ! Не думай, что я про тебя забыла!

— А я че? Я ж ниче! Только пусть этот рифмоплет...

— Я? Рифмоплет? Какое унижение! Лишь кровью смыть...

— Двенадцатый камень Шарибда в паутине серебра... Луна в доме Марса... Сейчас, сейчас я тебя на чистую воду-то выведу!

В общем бардаке молчала лишь Алле-гу. Не тратя лишних слов, тролляша протопала к дивану и приподняла его, освобождая меня из плена.

— Спасибо! — проворчал я, устраиваясь на том же диване и пытаясь привести камзол в порядок.

— Конн-рад, вопрос. — Испуганно глядя на творящееся безобразие, великанша пристроилась на краешке дивана. — Здесь Анн-а один — не шуметь. Анн-а и Коли-т — не шуметь. Анн-дрэ приехать — сразу шуметь! Так всегда?

— Что? А, ты об этом? Ну почти всегда... А вообще — можно подумать, ты

воспитывалась в монастыре урсулинок. Небось сородичи твои еще шумнее!

— Шумный тролль — мертвый тролль! — нравоучительным тоном возразила тролльша. — Тролли шумят на праздник. Когда брюква сажать. Когда убирать. Когда брага поспеть — и все... А! Когда вождь выбирать — много шуметь. Больше никогда не шуметь. Если шуметь — кролик не поймать, кабан не поймать, даже ежик не поймать — голодный умереть.

— Вот как... — протянул я, наблюдая, как первые лица государства вовсю «шуметь», самым непосредственным образом подрывая престиж Короны в глазах подданных. В смысле — меня и Алле-гу. — Ну что поделаешь, такие уж люди...

— Ага, — согласилась Алле-гу и снисходительно пояснила: — Наши мудрецы считать — люди происходить от гоблинов. Гоблин такой же мелкий и шумный есть. Только люди умнее гоблин. Немножко.

— Иезус Мария, — только и смог я из себя выдавить в ответ на такое заявление. И что самое обидное, любые мои попытки обелить род людской сейчас — на фоне королевского семейного скандала — выглядели бы совсем неубедительно. Однако мое молчание не спасло меня от новых потрясений.

— А зачем Анн-дрэ дубинку не брать и жена говорить молчать? — любопытствовала Алле-гу через мгновение. — Он ведь сильный есть.

— Не зачем, а почему... Дьявол! — Я чуть не прикусил язык. К счастью, Анна с Коллет были слишком увлечены. Одна морально добивала Андрэ, вторая пыталась наложить связующее заклятие на призрака. Сеньор Фигейро да Бухоралес ловко уклонялся от магических пут и ругался пятистопным ямбом. — Ты только при Анне такого не ляпни.

— Почему?

Я понял, что выиграл шанс спасти Андрэ от матримониальных планов юной тролльши. Надо, чтобы Алле-гу в нем разочаровалась.

— Видишь ли, Андрэ физически очень сильный. Но здесь... — Я многозначительно постучал себя когтем по лбу. — Если говорить прямо, наш король не очень умен. Потому во всем полагается на Анну. Ну и подкаблучник он, конечно, еще тот.

— Под... под каблук? — Тролльша недоверчиво смерила Андрэ взглядом. — Как возможно? Он не уместится!

— Еще как уместится, — довольно усмехнулся я. Ты мой должник, Андрэ! — У нас так называют мужчин, которые полностью подчиняются своим женам. Понимаешь? Как бы находятся у них под каблуком — образно, понимаешь? Ну вот. Андрэ как раз из таких — женщины могут из него веревки вить.

— Веревки?!

— А... это опять образно, извини. Я имел в виду — могут добиться от него всего, чего захотят...

— Вот как, — задумчиво произнесла Алле-гу, глядя на Андрэ, и от ее тона у меня зародилось сомнение, что я действительно помог своему королю.

Но что-либо исправить я уже не успел. Коллет произнесла какую-то длинную фразу на неизвестном мне языке и сделала резкое хватательное движение правой рукой. Рука при этом до самого локтя стала почти прозрачной, но призрачная кисть мертвой хваткой держала нечто невидимое.

— Спасите...

— Попался! — довольным голосом произнесла ведьма.

— А?

— Ты его поймала? — Анна немедленно позабыла про окончательно затюканного супруга и с интересом уставилась на мутное мерцающее облако, что сжимала в кулаке Коллет. — И кто... что это вообще такое?

— Как горько слышать это «что»!.. кхе-кхе... — закашлялся дух. — Но, право, вот зачем же сразу так — за горло?!.. кхе-кхе...

— А что, у призраков есть горло? — искренне удивилась Коллет.

— Правильно! Придуши мерзавца! — сердито пропыхтел Андрэ, явно радуясь, что внимание дам переключилось на другой объект. — Ишь чё надумал — являться во сне моей жене!

— Да перестань ты, — попытался я успокоить ревнивца. — Он же поэт, у них принято женщинам комплименты говорить. Да и сам подумай, ну какой ему толк являться, если он — призрак? Глупо ревновать невидимую и неосязаемую субстанцию... Что?! Что он там несет?!

— О та, чьи локоны и солнце затмевают, — между тем ворковал Хосе Альфонсо, на этот раз обращаясь уже к Коллет! — Чьи руки негой сердце разрывают... кхе-кхе... смени на милость гнев свой, отпусти слугу, тогда пред тобой я на колени пасть смогу...

— Я ему всю ауру щас расцарапаю! — не помня себя от злости, прошипел я, выпуская когти.

— Так он же призрак!

— Что?!

— Ну этот, как его — незримый суп с танцами, — с самым невинным видом сообщил Андрэ. — Вы же сами его так называли, хотя и не пойму — при чем тут суп и танцы...

— Вы, оба, помолчите! — рявкнула Анна, сверкнув в нашу сторону глазами. — С вами разговор еще не закончен!

Так! Теперь с тобой... Прежде всего — как тебя называть?

— Хосе Альфонсо Фигейро да Бухоралес, — послушно ответил дух, оставив попытки высвободиться.

— Это одна из неприкаянных душ, которые бродят по свету, — пояснила Коллет. — Правда, обычно они привязаны к одному месту — чем-то важному для них, чаще всего это место их гибели. А этот явился вместе с его величеством и Конрадом.

— Итак, возвращаемся к вопросу — где вы его раздобыли? И зачем приволокли с собой?

— Да мы его и не волокли, — возразил я. — Он сам с чего-то решил следовать за нами. Знали бы вы, чего нам это стоило!

— Слова твои несправедливы и жгут меня сильнее крапивы, — захныкал дух. — Спасти тебя от гибели хотел, лишь потому за вами я летел!

— А почему он все время отвечает в рифму? Это у всех призраков так принято?

— Он поэт, — осмелился я вставить слово. — Вернее, был поэтом при жизни.

— Типичное невежество сужденья! Поэт — он навсегда поэт, за гранью смерти и рожденья!

— Ну, в общем, сами видите, — развел я лапами. — Я-то в поэзии особо не разбираюсь, но он все время так разговаривает — может, это у него проклятие такое? Ну вроде как в наказание за те стихи, что он при жизни писал?

Призрак сдавленно зарычал, но Коллет держала его крепко.

— И откуда он взялся? — переключилась на меня Анна, которой, видимо, пространственные ответы Хосе Альфонсо тоже надоели. — Не на улице же вы его подобрали?

— Э-э-э... В некотором смысле... — Я попытался придумать какое-нибудь правдоподобное вранье, но под пристальными взглядами Анны и Коллет ничего в голову не приходило.

— Только не ври! — предупредила меня Анна. Коллет промолчала, но по выражению ее лица и так все было понятно.

— В общем, мы гостили у моих друзей в Либерхоффе... Да вы, ваше величество, должны помнить — та ведьма, Мэрион, у которой вы некоторое время, так сказать... наблюдались. Она-то духа и призвала. По моей просьбе — я хотел узнать кое-что. Но из-за досадной случайности он получил свободу, отвечать отказался и исчез. А на пути к Бублингу внезапно объявился и стал нам с Андрэ портить жизнь... Не понимаю, чего ради он за нами увязался?

— Что скажешь? — Анна требовательно посмотрела на Хосе Альфонсо. — Зачем ты

последовал за ними?

— О том твержу уж битый час! — возмущенно воскликнул призрак. — Грозит коту посланец преисподней ужасной гибелью на дне ущелья! Как мог бы я покинуть вас?

— Что? — Коллет нахмурилась и требовательно посмотрела на меня. — А ну-ка, дорогой мой, объяснись!

Я укоризненно посмотрел на Хосе Альфонсо, точнее, на то место, где предположительно должна была находиться его голова.

— Ну и кто тебя просил вмешиваться? Трепло!

— Не уходи от разговора, — поддержала Анна ведьму. — Что еще за посланец преисподней?

— Да не знаю я! — Я задумался, прикидывая, что можно рассказать, не опасаясь вызвать «уплотнение Ткани Мироздания». — В общем, мне с недавних пор начал сниться непонятный сон. Словно ко мне приближается какая-то неизвестная опасность. Ничего конкретного, но во сне я пугался этой опасности очень сильно. И снился он постоянно, а это уже значит — не просто дурной сон, а вещий. Мэрион тоже так посчитала и предложила вызвать духа, чтобы у него узнать, что такое мне грозит. Во время вызова произошло одно непредвиденное событие, о котором я не могу рассказать.

Анна нахмурилась и хотела было вмешаться в мой рассказ, но Коллет удержала ее:

— Ваше величество, похоже, у Конрада есть причины не говорить нам всего. Не настаивайте...

Я благодарно кивнул девушке.

— И эти причины должны быть достаточно серьезны, раз уж такой болтун, как Конрад, держит язык за зубами.

— Спасибо, Коллет, — кисло улыбнулся я ведьме. — Ну как бы то ни было, причины есть, и они действительно серьезные. В результате того, что случилось, мне было предсказано, что примерно через год я погибну, сорвавшись в пропасть. Причем... гм... как бы сформулировать? Это было не обычное предсказание. Ну вы понимаете — никаких туманных намеков, которые при случае можно толковать как угодно. Никакой кофейной гущи и хрустальных шаров — предсказание получено из совершенно надежных рук. Я потому и вернулся так срочно назад, в Бублинг.

— Понятно, — задумчиво покивала Коллет. — Кажется, я понимаю, почему ты не можешь рассказать подробности. Чем больше людей будет знать подробности, тем труднее будет избежать предсказанного.

— Ты тоже считаешь это возможным? — обрадовался я. Все-таки Коллет — самая талантливая и сильная ведьма из всех, что я знаю. Не так давно в Бублинге проходил конвент магов, и Коллет не только переспорила всех на словах (что неудивительно — все остальные маги были мужчинами), но и надрала самым наглым из них задницы. Если уж она считает, что судьбу можно изменить...

— Извини, — опустила меня на грешную землю ведьма. — Я совсем в этом не уверена. Просто это так на тебя похоже — ввязываться даже в самую безнадежную драку.

— Спасибо! От твоих слов меня просто переполняет уверенность в собственных силах!

— Всегда лучше знать правду, какой бы горькой она ни была, — возразила Коллет. — Может, это и неприятно, но позволяет трезво оценить свои возможности. Ты уже решил, что будешь делать?

— Да. Отправляюсь в Скандинавию.

— В Скандинавию? — удивилась Коллет. — А! Я вспомнила! Фру Бокомьялле рассказала мне про найденный тобою гобелен и про легенду о золотых скрижалях. Как я понимаю, это те самые таблички с магическими формулами, что викинги украли у американских шаманов?

— Угу, — кивнул я. — Уверен. Рецепт тинктуры, возвращающей человеческий облик, там тоже есть!

— Но ты же этим и так собирался заняться, я права? При чем тут посланец

преисподней и... твоя гибель? — На последних словах Коллет запнулась, и я заметил навернувшиеся на глаза ведьмы слезы.

— При чем тут посланец преисподней, я и сам хотел бы узнать! — Я кивнул в сторону призрака. — Вот этот сеньор заявил, что снится мне не кто иной, как этот самый посланец. И что именно он угрожает мне.

— И кто этот посланец?

— А вот этого мне так и не удалось выяснить, — развел я лапами. — Сколько я ни пытался получить от Хосе внятный ответ, он либо несет свою рифмованную ахинею, либо просто сбегает.

— А мне ответишь? — вкрадчиво спросила Коллет призрака. — Ведь ответишь, правда?

— Умерь свой гнев, владычица моей души! — В голосе Хосе Альфонсо прозвучало отчаяние. — Принять жестокое решение не спеши! Клянусь — я не могу сказать ответ, ведь это знание принесет немало бед!

Коллет, уже начавшая произносить какое-то заклинание, призванное, видимо, развязать несговорчивому духу язык, остановилась на полуслове.

— Коллет, ты что? Неужели поверила ему? Добейся от него правды!

— А если он прав? — покачала головой ведьма. — Мы не можем так рисковать.

Я хотел уже возразить, что правда не может причинить вреда, но снова вспомнил мэтра Бахуса с его предупреждением о Ткани Мироздания и промолчал. А вообще, если беспристрастно вспомнить свою жизнь — от правды мне никакой пользы, кроме вреда, сроду не было. Каждый раз, когда побеждала моя любовь к истине, это приводило к печальным последствиям разной степени тяжести. Зато ложь всегда приносила выгоду! Все-таки мы живем в странном мире!

Не успел я подумать об этом, как мир поспешил лишний раз подтвердить свою странность.

С улицы раздался непонятный свист и пыхтение, сопровождающееся испуганными криками. Мы все, не сговариваясь, бросились к окнам. Кабинет Анны располагался на втором этаже дворца, и из окон открывался прекрасный вид на главную площадь Бублинга. Вернее, прекрасным этот вид был, когда празднично наряженные горожане прогуливались среди уличных музыкантов и художников или когда гремзольдская армия устраивала парад. В данный же момент на площади творился настоящий бардак. Через одну из пяти арок, ведущих на площадь, вливался поток бегущих людей. Лица их выражали тот тупой ужас, который охватывает животных во время лесного пожара. Паника мгновенно распространилась по всей площади, люди начинали вопить и разбегаться, даже не зная, в чем, собственно, источник опасности. Впрочем, источник не заставил себя ждать. Свист стал совершенно оглушительным, и арка вдруг словно взорвалась, разлетевшись осколками каменных блоков. В клубах каменной пыли и штукатурки на площадь вылетело... нечто... По широкой дуге выкатившись на середину опустевшей площади, оно, постепенно замедляя свой бег, остановилось. Вслед за этим одновременно обвалились стены двух домов, поддерживавших уничтоженную арку. Свист стих, только пыхтение и равномерный стук нарушали повисшую над площадью тишину.

— Иезус Мария... — прошептал я, вглядываясь сквозь оседающую пыль в контуры... корабля. Да, пожалуй, это был именно корабль. Точнее, пароход. И, соответственно, нетрудно было догадаться, кто виновник этого бардака.

— Поганцы! — Видимо, Анна пришла к тем же умозаключениям. — Архимед! Николас!

— Но как оно здесь оказалось? — Я в недоумении разглядывал необычное судно. — До реки ведь несколько кварталов, да и лед уже встал... И вообще — что это, черт возьми?!

— Я же их предупреждала! — продолжала бушевать Анна. — Только не в городе! Мерзавцы! В тюрьму! На хлеб и воду! До конца дней!

— Подождите, ваше величество! — попытался я успокоить королеву. — Наверняка

случилось что-то из ряда вон выходящее. Ни Архимед, ни Николас не владеют волшебством, способным добросить сюда корабль из верфи...

Я запнулся. Перед нашим поспешным отъездом из столицы Архимед что-то такое говорил... Я тогда еще посмеялся над его идеей. Неужели?! Летающий корабль?!

— Архимед владеет такой магией, — развеяла мои сомнения Коллет. — Я не понимаю ее природы, но ты сам мог убедиться — он заставил свою «Медную бочку» плыть без парусов. И начал строить в Бублинге несколько таких же, как он их называет, пароходов. А месяц назад он пришел во дворец и заявил, что почти закончил строительство летающего парохода. Он великий маг... хотя и странный.

— Да плевать мне, какой он маг! — стукнула кулаком по подоконнику Анна. — Я же запретила им проводить испытания в городе! Как знала, что добром это не кончится! Ну они у меня попляшут!

Подобрав подол, Анна бросилась прочь из кабинета столь стремительно, что мы ее догнали только у самых ворот и все вместе выбежали из дворца на площадь. Тут наконец я смог разглядеть удивительный пароход. Чудо инженерной мысли оказалось сравнительно небольшим, едва ли больше обычной фелуки, но в отличие от излюбленного судна средиземноморских пиратов с почти круглым корпусом. По периметру бортов, примерно на высоте ватерлинии, зачем-то было прибито что-то вроде «юбки» из дубленых бычьих шкур, плотно сшитых между собой. Руля не было видно, как и мачт, — видимо, Архимед благополучно забыл урок, что преподнес нам Тихий океан. Посреди палубы торчала непропорционально большая надстройка аж с пятью трубами, причем одна в центре была обычной, похожей на печную, а четыре у бортов — короткими и широкими — человек вполне пролезет. В общем и целом, это был...

— Самый уродливый корабль, который мне доводилось видеть, — словно прочтя мои мысли, произнесла Коллет. — Не верится, что такое корыто может летать. Или хотя бы плавать.

— Это говорит ваш консерватизм! Все необычное поначалу вызывает в обывателях неприязнь и кажется уродливым...

— Архимед?!

— Ты кого обывателем назвал?!

— Стоп! — Анна заслонила изобретателя от начинающей вскипать Коллет. — Он мой!

— Я ни при чем! — поспешно заверил королеву Архимед. — Меня даже на борту не было!

— А кто же им управлял?

— Николас. Он же как-никак капитан...

— Хочешь сказать, он без твоего ведома взял корабль?

— Ну-у-у... э-э-э... не совсем...

— Так какого же!..

— Подождите! Значит, Николас еще на корабле? — Получив утвердительный кивок Архимеда, я бросился к криво торчащему посреди площади «корыту», крикнув на бегу: — Он не выходит! Возможно, он ранен!

— Ничего с ним не случилось, — фыркнула Коллет, но тем не менее пошла следом. — Такие крепколобые балбесы всегда остаются целыми и невредимыми.

Не обращая внимания на недовольное ворчание Коллет, я вскарабкался на палубу и окликнул Николаса. Ответа не последовало.

— Скорее всего, он в рубке! — Над бортом показалась голова Архимеда. — Штурвал и все управление механизмами я поместил в палубной надстройке.

Коллет попыталась войти в рубку, но во время крушения весь корабль так перекосило, что дверь заклинило. Недолго думая ведьма прошептала короткое заклинание и выбросила вперед руку...

— Стой! — в ужасе завопил Архимед.

— Спокойно! Я не буду молнию использовать...

С ладони Коллет сорвался ветер, мгновенно набрал силу и ударил в дверь уже мощным порывом смерча. Дверь даже не выбило, а разнесло в щепки. Да что там — весь корабль зашатался и закрипел.

— Видишь? — Коллет самодовольно подмигнула бледному как полотно изобретателю. — Не надо считать меня дурочкой! Я же понимаю, что дерево от молнии может загореться.

— Но Николас... — промямлил Архимед, потом схватился за голову и завопил: — Ты чем думала?! Он же там, внутри!

— О! — Коллет обвела нас растерянным взглядом. — Я не подумала... Да. Нехорошо получилось.

— Нехорошо?! — Изобретатель побагровел от возмущения. — И только?!

— Ну... Мне очень жаль. Этого достаточно?

Не обращая больше внимания на Архимеда, ведьма шагнула в пролом.

— Хм... И где же он? Никола-а-ас!

— Что? Его нет? — Архимед тоже заглянул в пролом и издал горестный вопль: — Его нет! Ты разнесла беднягу на атомы!

— Господи, что за ересь, — проворчала Коллет, вновь появляясь на палубе. — Даже самым сильным ураганом человека невозможно развеять без следа. А еще ученым себя называешь... Возможно, его сожрали твои демоны?

— А?!

— Ну ты же заключаешь в эти свои механизмы каких-то демонов, чтобы они работали? Так, наверное, они вышли из подчинения — потому и корабль разбился. А Николаса они съели!

Архимед обессиленно прислонился к стенке надстройки и слабо простонал:

— Демоны!.. Демоны...

— Ага, дошло?! Надо было заранее продумать меры защиты! Пентаграммы нарисовать, амулет Николасу дать.

— Уберите от меня эту женщину!

Коллет снова вспыхнула, но тут нас отвлек шум, поднявшийся в глубине той самой улицы, по которой «приплыл» корабль. Вновь одновременно кричало множество людей, только если в первый раз крики были испуганными, то теперь в них явно слышался гнев.

— Кажется, Николас нашелся.

Коллет недоуменно посмотрела на меня:

— Что?

— А... извини, все время забываю, насколько несовершенно человеческое зрение. Видишь, там толпа гонится за человеком? Ну так этот человек — Николас... О, кажется, его догнали.

Николас и впрямь нуждался в помощи как никогда. Видимо, он не счел возможным стрелять по горожанам из своих любимых пистолетов и попытался убежать, но метко брошенная в ноги ярла палка сшибла его. Прежде чем Николас успел подняться, на него набросились сразу несколько дюжих мужиков — судя по одежде, ремесленников — и принялись охаживать беднягу кулаками.

— Иезус Мария! А они серьезно настроены...

— Мужики! Вечно приходится за вами приглядывать! — досадливо буркнула Коллет, но все же спрыгнула на землю и побежала к дерущимся, на ходу делая какие-то пассы. Мы с Архимедом переглянулись и бросились следом — не дай бог, сейчас Коллет начнет направо и налево швыряться молниями! Правда, «бросились» — это громко сказано. Мне в человеческой одежде и ходить-то затруднительно, да и Архимед явно не привык бегать, так что ведьму мы догнали, когда все уже было кончено.

— Ну чего такие лица? — Коллет сердито посмотрела на нас с изобретателем. — Мне, знаете ли, неприятно, что мои друзья считают меня способной на жестокие и тем более бессмысленно жестокие поступки! Ладно, Архимед меня мало знает, но от тебя, Конрад, я

этого не ожидала! Эй, добрые граждане! Я ведь вам никакого вреда не нанесла?!

— Нет-нет! Что ты! Я и не думал ни о чем таком! — поторопился я заверить Коллет. Насквозь промокшие горожане согласно закивали, мелодично звеня уже схватившимися сосульками волос. Бить Николаса им явно расхотелось. Слегка намять бока ярлу они уже успели, утолив самый острый приступ жажды мести, а морозный февральский ветер побуждал как можно быстрее оказаться дома, у очага.

— Вы, госпожа магичка, ведь из королевских? — осторожно поинтересовался у Коллет один из «народных мстителей». — Да и господин карлик ведь из Тайной Канцелярии? Тогда отдаем вам в руки этого преступника и нарушителя порядка. Это он, злыдень, тут все порушил! Мы в том свидетели — он на дьявольской лодке ехал, а потом с нее спрыгнул на землю и убежать пытался! И многих честных граждан при том покалечил!

— Да-да, мне чуть руку не сломал! — немедленно выкрикнул кто-то из толпы.

— А меня сапогом в живот пнул!

— А мне...

— Тихо! — скомандовала Коллет. — Преступника мы забираем. Теперь о нем позаботится королевское правосудие. Всем пострадавшим следует обратиться в магистрат, там составят список и передадут его королеве. Ее величество никогда не откажет в помощи своим подданным.

После этого она развернулась и зашагала к дворцовым воротам. Мы с Архимедом помогли Николасу подняться на ноги. Изобретатель немедленно вцепился в ярла:

— Что ты с кораблем сделал?! Кто тебе позволил его брать?! Чурбан ты невежественный!

— Ишь как разоряется, — с опасливым уважением пронеслось в толпе. — Такой спуску не даст!

— Точно! Ледащий, а зверь зверем!

— Я слышал, в Тайной Канцелярии они все такие: с виду кажется — тощий да слабый, а на самом деле весь из жил и мускулов!

— Ага, мне брат рассказывал, что у его друга знакомый там служит писцом. Их специально учат головой камни раскалывать и под землей ходы прорывать. Зубами!

— Да ты че? Зубами-то зачем?!

— А чтоб злее были! Сидят вот зломышленники дома, ничего не боятся, а тут вдруг из-под земли такой секретный агент выскочит и давай всех кусать!

— Страшное дело, кум! Хорошо, что мы не зломышленники!

— Да уж... Гля, маленький-то как на нас зыркнул! Он у них, говорят, самый секретный! Первый помощник господина Ле Мортэ!

— Пойдем-ка, кум, от греха подальше.

Я задумчиво почесал затылок. Однако... Фантазии наших добрых граждан иногда поражают своей замысловатостью. Надо будет рассказать Ле Мортэ, какими монстрами представляют его служащих в народе.

— Я-то, может, и невежественный, — отбивался между тем Николас от распалившегося изобретателя, — но я знаю, что судно надо испытывать всерьез. Потому как пусть лучше оно развалится в прибрежной водичке, чем посреди моря. А ты над ним трясешься, как наседка над яйцами! Нам нужно точно знать, на что способен корабль.

— Теперь узнал, что им можно прошибать стены домов, да? — ехидно зашипел Архимед. — Пошли расскажешь все это королеве. Ее величество будет рада узнать, что весь этот бедлам всего лишь испытания корабля!

Сказать, что Анна разозлилась, будет неправильно — она и до этого момента пребывала, мягко говоря, не в самом радужном расположении духа. Точнее будет сказать, что появление Архимеда и Николаса ничуть не улучшило ее настроения, да и путанные объяснения обоих мало этому способствовали. Я уже приготовился к тому, что нарушителей спокойствия отправят прямиком в темницу (а возможно, за компанию и нас с Андрэ), но жалкий вид побитого и вымокшего насквозь Николаса смягчил гнев королевы. По дороге в

кабинет она сдала ярла на руки кому-то из слуг с поручением выдать ему полотенце и сухую одежду.

— И что мне с вами теперь делать? — мрачно поинтересовалась Анна, когда Николас присоединился к нам в кабинете. — Я ведь предупреждала — проводите испытания за городом!

— Я там и проводил, — не менее мрачно буркнул Николас. — Ваше величество, это был самый натуральный несчастный случай! От аварии ни один механизм не застрахован.

— Если ты проводил испытания за городом, то... — глаза у Анны стали совсем как в те времена, когда Мордаун превратил ее в лягушку, — это значит...

— Ну да, — покаянно развел руками Николас. — Они потому так и взбеленились, что я почти все лавки от городских ворот до площади с землей сровнял. Ну и балконы, крылечки и прочее... и стены кое-где попортил...

— И при этом корабль остался цел?! — радостно воскликнул Архимед. — Вот что значит — качественная работа! Я был уверен в своей малютке!

— Да уж! — оживился и Николас. — Я думал, после первого же удара корабль развалится, а ведь выдержал все!

Анна пошарила рукой по столу, но все тяжелые «снаряды» были израсходованы на меня. Осознав себя безоружной, королева уткнулась лицом в руки и всхлипнула:

— Идиоты! Чему вы радуетесь?! Если бы ваша проклятая посуда развалилась еще за городской стеной, весь ущерб был бы в деньгах, ушедших на ее постройку! А теперь мне придется выплачивать компенсацию всем жителям этой улицы! Мы столько трудились в эти два года, ночами не спали, старались придумать, как залатать дыры в бюджете, и вот — опять! Уйдите с глаз моих! А то я за себя не ручаюсь!

Дважды приказывать не пришлось — и ярл, и изобретатель только и мечтали оказаться подальше от разгневанной королевы. У меня между тем появление странного корабля пробудило некоторые мысли — без сомнения авантюрные... да что там — просто самоубийственные, но очень заманчивые.

— А что, их лодка и на самом деле летает?

Анна бросила на меня сердитый взгляд, без слов сообщивший, что она думает о летающих лодках, их изобретателях и моем неожиданном интересе к этой теме. Но Коллет, видимо, догадалась, что мною движет не праздное любопытство, и ответила:

— Я бы не назвала это настоящим полетом — в небо их лодка не поднимается. Каким-то образом Архимед создает несколько маленьких ураганов, которые и держат лодку примерно в двух-трех ярдах над землей. Видимо, он заключил в днище лодки демонов, которые непрерывно дуют вниз со всей силы. Я же говорю — он сильный колдун, хотя почему-то бесится каждый раз, когда я его так называю.

— В двух ярдах над землей, значит... А над водой?

— Над водой пока лодку не испытывали — лед ведь еще не сошел. Но Архимед утверждает, что и над водой тоже.

— Если подумать, то это и неважно. В воде лодка все равно не утонет — она же деревянная. Надо только убедить Архимеда установить мачты...

В ответ на недоуменные взгляды Коллет и Анны я торжественно произнес:

— Ваше величество, у меня есть план, который одновременно поможет мне в скорейшем времени вернуть человеческий облик и решит часть финансовых проблем королевства!

— Ты имеешь в виду пресловутые золотые таблички?

Не обращая внимания на скептический тон Коллет, я кивнул и продолжил:

— Как я понимаю, в общих чертах фру Бокомялле поведала вам о семейном предании. И вы отнеслись к нему именно как к семейному преданию — с интересом, но интересом отнюдь не практичным. Возможно, потому, что знаете историю не полностью.

— Полностью или нет — какая разница? — пожала плечами Анна. — Эти таблички утеряны несколько сотен лет назад. И даже если нам удастся их разыскать, пара пластинок

золота — капля в бюджете.

— Разница большая! — возразил я. — Все началось с гобелена, сотканного неизвестной женщиной несколько столетий назад в одном из крохотных городков на берегу Норвежского моря. Соткала она его, дабы увековечить знаменательное событие — возвращение из похода трех драккаров с лучшими мужчинами города. Я сразу подумал: что же тут знаменательного? Ведь викинги регулярно выходили в море и пусть не всегда, но достаточно часто возвращались. Возможно, вы не знаете, а я вот совершенно случайно выяснил — в тех краях и особенно в те времена искусство гобелена было распространено очень слабо. С чего бы этой достопочтенной фру затевать канитель?

Я обвел взглядом слушателей и, довольный эффектом, заговорил снова:

— Начнем с того, что эти драккары уже никто не ждал! Отправившиеся по вполне обыденным делам — в очередной набег — викинги пропали почти на три года, и их не только успели оплакать, но и, если честно, порядком подзабыли. Во всяком случае, некоторые из суровых мореходов обнаружили, что их жены успели побыть вдовами и давно уже не их жены. Впрочем, по традиции тех мест вдову погибшего брал в жены его младший брат, так что, в конце концов, особых конфликтов не возникло — все равно ведь женщины остались в семье. Опять же, по всякому выходило, что пропадать невесть где три года и даже весточки домой не послать — это форменное свинство. И много скалок было сломано о рогатые шлемы со словами «Где ты шлялся, козел?!». Не помогали и рассказы о дивной стране, куда корабли занесло ураганом, и о странных людях с красной кожей, что населяют те места. Тем более что вернулись горе-путешественники без добычи. Правда, не все...

— Об этом тоже говорится в предании? — хмыкнула Коллет. — О скалках?

— Ну не прямо вот такими словами, но о том, что викингов поначалу встретили не особо приветливо, упоминается... Так вот! Два викинга все-таки вернулись с добычей. Жрецы краснокожих людей научили их превращаться в волка и медведя. Умение воистину бесценное в те беспокойные времена. Но мало того! Один из берсеркеров умудрился прихватить с собой золотые таблички с записями на неизвестном языке. Городские старейшины сразу поняли, что за непонятными закорючками скрывается великая мудрость, благодаря которой их народ неизбежно придет к процветанию. Логика их была проста и прямолинейна, как удар секиры: если заморские жрецы взяли и двух оболтусов вот так запросто обучили нужному умению, можно представить, что за рецепты всеобщего счастья записаны на золоте!

Анна недоверчиво покачала головой:

— И ты считаешь, что они были правы? Что волшебные рецепты с этих табличек могут привести страну к процветанию? Я не отрицаю, магия полезна во многих вопросах, Коллет много делает для государства, но магия — не панацея. Тем более что-то я не слышала о могучем и процветающем государстве в тех краях.

— Никто и не говорит о панацее! — возразил я. — Но узнать эти рецепты все же было бы не вредно. Тем более что никто не знает, что на тех табличках! Грандиозные мечты остались мечтами — никто так и не сумел прочесть таинственные записи. Шаманы-то тоже не дураки были и рецепты свои зашифровали, а каков уровень криптографии был в маленьком северном городке — можете догадаться сами. А потом выяснилось, что от берсеркеров не только польза, но и немалые хлопоты, а то и прямые убытки. Потому как берсеркеры легко впадают в боевое безумие, и тут уж мало не покажется не только врагу, но и соратникам, а иногда и ни в чем не повинным соседям. Так что — решили вожди — оно и к лучшему, что не удалось прочесть неведомые знаки. Не буди лихо, как говорится... Впрочем, переплавлять золото в слитки на всякий случай не стали. Слиток — он слиток и есть. Цена ему — ровно в его вес. А вот таблички с записями, которые наверняка хранят великие тайны, можно при случае выгодно пристроить восторженному туристу. Так и оставили таблички храниться у того берсеркера, что привез их, — Волка. К тому времени он, благодаря новоприобретенной силе, выдвинулся в вожди и вскоре единолично стал принимать все решения. Единолично — поскольку второй берсеркер, Медведь, удалился в

лес и стал шаманом-отшельником. Под мудрым руководством Волка город жил весело, но недолго. До сих пор викинги ходили грабить поселения за много морских миль, в соседние государства. Новый вождь объявил смену политического и экономического курса и призвал объединить под его властью все окрестные племена, дабы принести им новый порядок и привести к величию и процветанию. Вопреки ожиданиям окрестные племена такой перспективе вовсе не обрадовались, возможно, из-за того, что в комплекте с новым порядком шли и новые подати. Сговорившись за спиной у новоявленного собирателя земель, обиженные соседи выставили огромную по тем временам армию. Тут уж не помогла даже волшебная сила берсеркера — Волка просто задавили числом, столицу его государства разграбили и сожгли. А о золотых табличках больше никто не слышал.

— Тогда тем более — о чем речь? Видимо, этот самый Волк их припрятал и тайну унес с собой в Вальхаллу.

— Тогда уж скорее в Нифльхелль, — усмехнулся я. — Судя по всему, человек это был довольно неприятный даже по тогдашним суровым нравам.

— Да неважно, — отмахнулась от моей попытки пошутить Анна. — Или таблички так и лежат где-нибудь зарытыми в лесу, или вообще достались кому-то из грабивших городок викингов, а тот не понял, что попало ему в руки, и обратил знания в звонкую монету. Не вижу, на что тут можно надеяться.

— И кстати, — вмешалась Коллет, — если город разграбили и сожгли, откуда взялся этот гобелен?

— А вот это — ключевой вопрос. Гобелен откуда-то попал к Медведю. Шаман, узнав о нападении на родной город, нарушил свое отшельничество и поспешил на помощь сородичам, да только опоздал — к его приходу вражеское войско уже отправилось восвояси, унося добычу и увозя пленных. Медведь якобы потом долго искал след золотых табличек, но нашел только этот гобелен. Он его выкупил и хранил до самой смерти как напоминание о своем великом приключении. А потом гобелен переходил в его роду из рук в руки, пока не достался отцу Николаса.

— Вот видишь! Даже по горячим следам этот твой Медведь ничего не смог найти, а ты надеешься на удачу сейчас — через столько лет!

— Надеюсь, — кивнул я. — Дело в том, что я не верю преданию! То есть я не верю в эту часть предания — что Медведь нашел только гобелен. Если не считать Волка, он единственный полностью понимал всю силу знания, которое содержалось в этих записях, — ведь он испытал его на своей шкуре. А он нашел какую-то тряпку и проплакал над ней остаток жизни — он вообще-то кем был? Сентиментальной барышней или викингом-оборотнем?

— Значит, ты думаешь, что Медведь нашел таблички? — задумчиво протянула Коллет. — Но почему он это скрыл?

— Тут можно только предполагать, — развел я руками. — Я думаю, после того, что произошло с Волком, он боялся, что письма индейцев кто-нибудь расшифрует и натворит зла. Вот и спрятал опасные знания — до лучших времен.

— А не проще было бы их уничтожить? Если они такие опасные — переплавил бы, и дело с концом.

— А не мог он этого сделать! — усмехнулся я на вопрос Анны. — Вот спроси Коллет. Если ей попадет в руки книга, содержащая знание, которое может весь мир уничтожить, — сможет она эту книгу сжечь?

— Тоже мне знаток человеческих душ! — возмутилась Коллет. — Конечно, я ее... не сожгу. Да ну, это просто глупо! А вдруг у кого-то окажется второй экземпляр? Так я хоть смогу понять, как этой силе противодействовать... И не надо на меня так смотреть!

— *Quod erat demonstrandum*, как любил говаривать наш полковой капеллан. Что и требовалось доказать! Все маги мыслят одинаково.

— Допустим, ты прав, — после некоторого раздумья согласилась Анна. — Но я не вижу особой разницы — спрятал ли таблички Волк, который погиб несколько сотен лет

назад, или Медведь, который умер чуть позже. Все равно это было так давно, что и следов не осталось. Впрочем, я ведь не запрещаю тебе искать их, Конрад. И Архимеда с Николасом можешь забрать с собой — пожалуй, я даже попрошу тебя это сделать. Пусть горожане позабудут про сегодняшний инцидент.

— Вот и отлично! Спасибо, ваше величество. — Я отвесил дамам галантный поклон. — Теперь же, с вашего позволения, я удалюсь. Надо поговорить с Архимедом и Николасом и начинать готовиться к путешествию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, повествующая о том, как благородный Конрад фон Котт благодаря своему удивительному дару убеждения и личному обаянию заручился поддержкой Николаса Бокомьялле и Архимеда Анунакиса

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 12 февраля
16... года от Р. Х.*

Удивительным проявлением человеческой природы считаю я то, что даже умными и сильными людьми легко управлять всего лишь при помощи правильно подобранных слов. И силачи, способные голыми руками крошить камень, и мудрецы, ведающие порядок движения звезд на небосклоне, и даже правители, вершащие судьбы народов, — все они бессильны против слова и того, кто владеет им...

Примечание на полях. Конечно, если слово подкрепляют увесистые кулаки, оно действует куда эффективнее!

Оказалось, пока мы разговаривали, Архимед где-то раздобыл четыре телеги, соединил их дощатым настилом, и команда босяков при помощи блоков и отборной ругани уже грузила на это сооружение нелетучий корабль. Вокруг вились уличные мальчишки, осыпая работающих снежками и отнюдь не лестными замечаниями относительно их физических и умственных статей. На безопасном расстоянии толпились зеваки постарше, однако отпускаемые ими замечания не сильно отличались от выкриков беспризорников.

— Сильно поврежден? — первым делом поинтересовался я у господина Анунакиса, руководившего погрузкой. — Что вообще случилось-то? Демоны вырвались на свободу?

— Если я еще раз услышу про демонов, я... я... не знаю, что сделаю!

— Иезус Мария! — Я даже отпрыгнул от внезапно вскипевшего изобретателя. — Архимед, потише! Я вовсе не хотел тебя оскорбить! Просто Коллет сказала мне, что ты используешь для подъема корабля в воздух силу плененных демонов. Право слово, не стоит беспокоиться — в Гремзольде у инквизиции очень шаткое положение и тебе ничего не грозит... ну, кроме горожан, — вы с Николасом их здорово взбесили.

— Это правда, — вздохнул Архимед, опасливо поглядывая на зевак. — Прискорбно осознавать, что нелепая случайность, похоже, настроила против нас весь город. Знаешь, у меня ведь уже был неприятный опыт конфликта с обывателями — еще когда я учился в Пражском университете. Тоже ведь роковая случайность, что созданный мною механизм вышел из-под контроля... Ах, ну да неважно! Как-нибудь, надеюсь, все устроится.

— Разумеется. Королева обещала всем пострадавшим компенсацию, и, насколько я знаю наших добрых, но расчетливых горожан, они выжмут из казны за каждую потерянную во время бегства пуговицу как за целый кафтан. Так что им надо бы благодарить вас с Николасом...

Как я и рассчитывал, такое «утешение» вовсе не вызвало у бедняги энтузиазма. Тяжело вздохнув, изобретатель мрачно уставился на свое творение — корабль все-таки взгромоздили на телеги и теперь тщательно закрепляли канатами.

— Мне кажется, тебя что-то гложет.

— Конрад, ты же понимаешь — я королеве обязан как никому. Она ведь единственная поверила в мой проект, вложила деньги в постройку моих паровых кораблей. Для нищего изобретателя вроде меня найти покровительство у столь высокой особы — счастливый шанс, выпадающий раз в жизни! И вот вместо благодарности она получает из-за меня такие проблемы! Лучше бы мне эта идея с летающей лодкой и в голову не приходила!

— Ну-ну, Архимед, это ты зря. Идея-то великолепная, честное слово! Как опытный путешественник, намучившийся в свое время с нашим повсеместным бездорожьем, я тебе скажу: ты придумал гениальную штуку! Конечно, надо еще поработать над демонами, чтобы они не выходили из-под контроля...

— Да, тут ты прав — идея гениальная! — Немедленно надувшийся от похвалы изобретатель даже не отреагировал на упоминание демонов. — Я ведь тоже в юности много путешествовал и столкнулся с тем, что если за дорогами, соединяющими большие города, хоть как-то следят, то более мелкие в распутицу становятся недосыгаемы. Что уж говорить о селах! Как только я построю хотя бы две-три таких лодки...

— Гм... это, конечно, здорово, — поспешил я вернуть Архимеда на землю. — Ты уже говорил с Анной о деньгах, которые необходимы на строительство?

— Деньги? Я... как бы... нет...

Как я и ожидал, Архимед мгновенно скис. Все-таки у творческих людей настроение скачет как необъезженный рысак. Изобретатель издал вздох, способный разорвать даже сердце ростовщика.

— Теперь это немыслимо! Я не представляю, как буду смотреть ей в глаза! Конечно, три парохода уже практически достроены, и я уверен, что компания начнет приносить прибыль... Но ведь сначала придется ждать, пока сойдет лед! Да и тогда придется некоторое время работать в убыток себе. О-о-ох...

Я выдержал паузу, достаточную, чтобы несчастный изобретатель успел осознать всю безнадежность своего положения и погрузиться на достаточную глубину уныния. Когда нужное состояние было достигнуто, я сказал с напускным равнодушием:

— Вообще, по-хорошему, вы с Николасом должны бы разделить ответственность — все-таки за штурвалом был он.

— А толку? Николас не богаче меня. Да, у него есть дом, но он купил его для своей матери, работал, не разгибая спины, много лет. У меня просто язык не повернется просить его заложить этот дом.

— Я не о том! — отмахнулся я. — Ты помнишь, фру Бокомьялле рассказывала семейное предание о золотых табличках индейских шаманов?

— А... Ты об этом? — Архимед снисходительно улыбнулся. — Но это всего лишь легенда. Неужели ты рассчитываешь их найти? Конрад, извини, ты казался мне... ну более серьезным, что ли...

— Я не рассчитываю, я уверен, что найду их! — отрезал я. — А что до серьезности... Скажи, кто из твоих знакомых верил, что летучий корабль возможно построить? Просто даже из тех, с кем ты об этом говорил? Хоть один человек, кроме тебя самого, в это верил?

— Хм... Ну, допустим, таблички существуют. Точнее, существовали. И Николас имеет моральное право на них. Но мы ведь все равно не знаем, где их искать.

— Вы — не знаете. Но есть кое-кто, знающий это, — сказал я.

— И кто же он такой?

— Я!

— Ты?!

— М-да... Я ожидал какой-то более внятной реакции, — кисло протянул я. — Что-нибудь вроде «Ты наш спаситель, Конрад!» или хотя бы «Какой ты молодец, Конрад!».

— Извини, скажу прямо: мне надо работать, Конрад! Не пойди ли тебе заняться чем-нибудь более полезным, Конрад!

Изобретатель отвернулся и стал с демонстративно деловым видом проверять, хорошо ли закреплен на телегах корабль.

— Архимед, я совершенно точно знаю, где искать эти чертовы таблички!

— Ну так пойди и заberi их. Зачем тебе я?

— Затем, что мне надо попасть на северное побережье Норвегии как можно быстрее. Мне некогда ждать, пока сойдет снег и высохнут дороги...

— Поверь коту, друг Архимед: он правду говорит! Ему лишь одному известно, где золото лежит!

— Иезус Мария! — Я едва не выскочил из своих сапог. — Опять ты?!

— Вернулся, верный долгу я, хоть и отвергнут был, — с пафосом продекламировал Хосе Альфонсо. — Предать друзей не смог бы я, мне стал бы свет немил!

— Это еще что такое? — недоуменно уставился на меня Архимед. — Ты чревоуещанием, что ли, увлекаешься?

— Даже мое чрево отказалось бы произносить такие стихи, — не удержался я от шпильки в адрес призрака. — И с каких это пор мы стали друзьями?

— Как больно ранят иногда слова, что скажешь сгоряча! Подумай — стоит ли вот так рубить сплеча!

— Это, конечно, мило, — хмыкнул Архимед, — но мне и впрямь некогда. Нужно доставить корабль на верфь и узнать, что случилось с двигателями...

— Я сейчас отойду на десяток шагов, чтобы исключить подозрения. Хосе, если ты и правда мне друг — докажи. Уговори этого упрямого осла поверить мне.

Архимед и Хосе попытались что-то возразить, но я демонстративно закрыл уши лапами и пошел прочь. В конце концов, обойдусь и без Архимеда. Хотя, конечно, его изобретение могло сильно сэкономить время. А с другой стороны, если вспомнить наше совместное плавание на «Медной бочке» — с равными шансами угробить нас всех. В худшем случае отправлюсь в путь не сейчас, а в конце марта...

— Конрад...

Я обернулся. Архимед помялся и, испуганно косясь по сторонам, произнес:

— Как сторонник позитивизма и научно-технического прогресса я, конечно, отрицаю такое явление, как призраки. Но... будем считать, что я тебе верю. Доказательства... э... мм... скажем, мне привели достаточно убедительные доказательства. Но ты точно знаешь, где золото? Ты уверен?

— Абсолютно! — уверенно соврал я. — Так ты согласен отправиться со мной?

— А у меня есть выбор?

— Ты о чем...

— А... Э-э... мм... неважно!

— Эй, Хосе Альфонсо! Что ты такого наговорил господину Анунакису?

Но дух опять куда-то исчез либо предпочел обойти мой вопрос молчанием. Надо попросить у Коллет какое-нибудь средство, чтобы хоть знать точно, рядом призрачный рифмоплет или нет. А то ведь как-то даже неловко бывает.

— Хорошо, тогда надо как можно быстрее отремонтировать корабль. Поехали!

— Э-э... мм... — все так же заторможено промямлил Архимед. — Дело в том, что нам нужно найти новых биндюжников.

— А прежние... — Я почувствовал, как потусторонний холодок пробежал у меня по спине. Так вот почему изобретатель так испуган! — Только не говори мне... Он что, их всех?!..

— Да... Он их очень напугал. Они все разбежались, и мне не удалось ни одного остановить. Да я и сам бы убежал, но не могу же я бросить корабль! Эх, пропал задаток!

— Иезус Мария! А я уж было подумал... Ладно, до верфи мы и сами как-нибудь доедем, а там найти бродяг за пару талеров не составит труда.

Как я и предполагал, корабль в старую верфь, которую арендовала под строительство пароходов компания «Анунакис и К°», мы доставили без проблем и так же без проблем — при помощи нескольких дюжих бездельников, — разумеется, выгрузили его и поместили на стапель. На соседних стапелях выселись три новеньких парохода — с моей точки зрения,

совершенно готовых к плаванию. Тем не менее вокруг них продолжали суетиться плотники. Архимед немедленно исчез в трюме летучего корабля и вскоре до меня донесся лязг железа и невнятное бормотание. Я почувствовал себя сугубо посторонним в этом мирке, ярко пахнущем свежеструганым деревом и краской. К тому же мне совсем не хотелось присутствовать рядом, когда Архимед начнет выяснять, почему его демоны капризничают.

Не то чтобы я боялся, просто хватит с меня и призрачного поэта. Если какой-нибудь демон вырвется и тоже решит включить себя в число моих друзей — для меня это, право слово, будет уже перебор!

Из верфи я направился напрямик к дому фру Бокомьялле в надежде застать там Николаса. По правде говоря, я ожидал увидеть его на верфи, но, когда добрая женщина впустила меня в дом и провела в комнату сына, я понял, почему его там не оказалось. Холодный душ, устроенный Коллет, не прошел для ярла даром. Николас лежал на постели, скрытый до самого острого подбородка тремя пуховыми одеялами. На стуле рядом исходила паром кружка с горячим молоком.

— Только недолго, херр Котт. Ники так сильно простудился — просто ужас. Ведь говорила же я ему — надевай шапку! Но разве этот несносный мальчишка слушает свою старую больную мать?

— Мама! — страдальчески вякнул из-под перины доблестный ярл Синебрюх. — Я уже давно не мальчишка!

— Проследите, прошу вас, чтобы мальчик выпил молоко с медом, пока оно горячее! Я на вас надеюсь! — игнорируя возмущение сына, проворковала фру Бокомьялле. — Ах, если бы Ники был хоть вполовину таким ответственным, как вы...

— Как же мне хреново... — пожаловался Николас, когда шаги матери стихли в другом конце коридора. — Ты не представляешь!

— Да уж, — сочувственно покивал я. — Ты уж извини Коллет. Она не со зла это делает, просто сила у нее огромная, а о последствиях никак не научится думать.

— Да при чем тут Коллет?! Что я, в первый раз, что ли, вымок? Я ж моряк, если ты не забыл. Подумаешь — чихнул пару раз! Но мама... Знаешь, я ведь последние лет десять жил на «Перепелке», добрая ей память! А тут... В общем, даже не предполагал, что так тяжело придется!

— Все равно, со здоровьем шутки плохи! Так ведь бывает, что вроде человек слегка покашлял-почихал, а потом враз слег с чахоткой. Когда-то мне довелось участвовать в зимней кампании под... как же тот город-то назывался? А, неважно! В общем, где-то в Германии было дело. Неожиданно ударила оттепель, да такая мерзкая — с холодным ветром и дождем. Так кампания та через пару дней и закончилась — половина нашего войска сразу слегла, а второй половине наш костоправ профилактики ради отворил кровь, и мы были не боеспособнее осенних мух.

— Дьявол! Конрад, не морочь мне голову своими байками! У меня даже жара нет! Я прекрасно себя чувствую. К тому же я ненавижу молоко с медом! Но мама...

— Фру Бокомьялле совершенно права, — чувствуя себя последним лицемером, вздохнул я. — Жаль, что ты расхворался. Я-то рассчитывал, что ты сможешь принять участие в одном путешествии...

— Что? Ты куда-то отправляешься? Сейчас?

— Да, откладывать мне не хотелось бы — время дорого. Эх! Я очень на тебя рассчитывал. Если честно, то поездка касается тебя даже в большей степени, чем меня. Но если ты болен...

— Конрад, я сейчас тебя придушу — тогда поверишь, что я здоров?

— Ну-ну! Тебе вредно волновать... Эй-эй! Я же шучу! — Мне едва удалось увернуться от длинных рук Николаса. Я уж и забыл, как стремительно он достает при необходимости пистолеты. — Ну слушай. Вы с Архимедом сегодня здорово покуролесили. Ущерб теперь придется оплачивать Анне, а казна не то чтобы пуста, но всем деньгам было предначертано куда более разумное применение. В том числе часть денег должна была пойти на

финансирование «Анунакис и К°»... Кстати, почему такое название? Я понимаю, королеве не по чину использовать свое имя в названии компании, но почему тебя не упомянули?

— Я сам отказался. Сказал, что меня хорошо знают местные моряки и купцы, а это может повредить репутации компании. Да какая разница?! Черт! Неужели денег не будет? Это что же, строительство пароходов придется остановить? Сейчас?! Когда все почти готово?!

— Сам понимаешь, спустить корабли на воду — это половина дела. Когда еще местные купцы привыкнут к ним, решатся доверить товар — может, и не в эту навигацию. Успокойся! — прикрикнул я на начавшего было вставать Николаса. — У нас с Архимедом возник план, как поправить дело. Вернее, у меня свой интерес, но попутно решим и проблему с деньгами.

— Что за план?

— Помнишь, твоя матушка рассказывала предание о золотых табличках, что привезли из путешествия твои далекие предки? Ты тогда согласился со мной, что таких совпадений быть не может — это именно те самые таблички, про которые рассказал старый шаман, что превращался в тушканчика. Значит, есть шанс, что на них есть рецепт тинктуры, которая поможет мне вернуть человеческий облик. Это и есть мой интерес. А ваш с Архимедом интерес в том, что таблички представляют большую ценность. Даже если рецепты, записанные на них, — полная чушь, сами по себе-то они из чистого золота. Помнишь, что говорится в предании? Викинги привезли два раза по дюжине табличек, каждая из которых была шириною в фут и длиною в полтора, а толщиной — в палец взрослого мужчины. Королева меня до конца не выслушала, она думает, что речь идет о нескольких листочках из золота, но таблички-то больше похожи на настоящие слитки! Двадцать четыре слитка! С лихвой хватит возместить ущерб горожанам и на строительство кораблей останется.

— Это, конечно, производит впечатление, но ведь никто не знает, где теперь эти таблички.

— Я знаю. Теперь — знаю. Я отправляюсь за ними на летучем корабле. Архимед уже дал согласие, а тебя я хочу пригласить в качестве капитана корабля, ну и как законного наследника золота викингов. Дело абсолютно верное. Согласен?

— Спрашиваешь! Да пусть бы дело было даже абсолютно безнадежным — мне лишь бы куда-нибудь выбраться отсюда! Я понимаю, что матушка мне добра желает, но мне не пять лет!

— Отлично. — Я удовлетворенно потер лапы. — А теперь пей молоко.

— Что?!

— Фру Бокомьялле оставила нас наедине под мою ответственность. Я к таким вещам отношусь очень серьезно. Не заставляй меня прибегать к шантажу! Ты ведь хочешь отправиться с нами?

— Ты же не хотел прибегать к шантажу!

— А это еще не шантаж. Это дружеское предупреждение.

Оставив отчаянно (но шепотом) ругающегося Николаса наедине с кружкой молока, я отправился во дворец. Нужно было подготовиться к походу — возможно, последнему в моей нелепой жизни. Странные ощущения.

Заглянув на конюшню и наказав слугам ближайшие несколько дней уделять особое внимание Иголке, я отправился в башню, на свой чердак. Собственно, на самом деле как-то особо готовиться мне не было необходимости. Как у любого человека, жизнь которого почти вся состоит из походов и путешествий, все потребное для жизни имущество у меня умещалось в паре седельных сумок и небольшом вьюке. Даже сравнительно спокойная жизнь при дворе не изменила этой привычки, видимо теперь уже ввевшейся в мою кровь, — никаким лишним скарбом я так и не оброс. Да и что может понадобиться коту?

Прихватив по дороге одного из дворцовых слуг, я поручил ему распаковать, вычистить и проветрить седельную сумку, которую брал с собой в Либерхоффе. В поездке эту обязанность на себя добровольно взвалил Андрэ, когда обратил внимание на мои

ежедневные мучения: даже просто развязать узел, имея вместо рук кошачьи лапы, — это, скажу я вам, задача не из простых. К сожалению, доброе сердце не заменит ловких рук, а с этим у великана было туговато. Так что к моменту нашего возвращения в Бублинг содержимое сумки окончательно перемешалось и сбилось в невнятный ком. Пока слуга разбирал и развешивал вещи, я вытащил из сундука пергамент с перерисованной с гобелена панорамой Бурдафедльстадюра. Ошибки быть не могло — таблички с рецептом моего спасения находились где-то там.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, повествующая о необычайном корабле, придуманном Архимедом Анунакисом, и не менее удивительных событиях, сопровождавших отбытие благородного Конрада фон Котта в путешествие

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 25 февраля
16... года от Р. Х.*

Расставание всегда навевает грусть. Даже когда расстаешься ненадолго, но с дорогим сердцу человеком. А уж когда покидаешь человека, которого — как странно мне это писать! — любишь всей душой... За суетой отплытия чувства мои были приглушены и неярки, но, когда провожающие скрылись из виду, тоска, коей мне до сих пор не доводилось испытывать, овладела мною. Увижу ли я еще когда-нибудь этот милый профиль с острым носиком и упрямо сжатыми губами, эти зеленые глаза, способные наполнить тебя спокойствием морской лагуны или метнуть снап молний...

Примечание на полях. Но вообще-то немного отдохнуть от непредсказуемого характера Коллет не помешает...

— А демонов на этот раз ты хорошо зачаровал? — строго посмотрела на изобретателя Коллет. — Смотри! Если они вырвутся на свободу где-нибудь в дороге, спасти вас будет некому!

Архимед обреченно кивнул, даже не трудясь уточнить, к чему именно относится этот кивок. Вопрос в том или ином виде задавался ведьмой уже раз в десятый, и в конце концов у изобретателя просто не осталось сил заново объяснять, что никаких демонов он не зачаровывал и корабль его движется механическими средствами. Меня, если честно, поражала неспособность Коллет понять достаточно простое устройство машины, поднимавшей корабль в воздух. А оно было действительно гениально простым — четыре трубы, установленные по периметру корабля, пронизывали корпус насквозь. Внутри труб было установлено по два маленьких ветряка, вроде тех, что можно увидеть на ветряных мельницах, только железных. И здесь они не улавливали ветер, а, наоборот, создавали его. Довольно простой механизм из нескольких блоков и ремней заставлял эти «ветряки» вращаться с огромной скоростью и гнать воздух сверху вниз, под днище корабля. Кто хоть раз оказывался в естественных скальных «коридорах» или в узких переулках, знает, с какой силой дует ветер, зажатый меж стен. Чувствуешь, словно на тебя давит огромная мощная ладонь. Вот четыре такие «ладони» и приподнимали летучий корабль над землей. Свисающая с борта плотная «юбка» из толстых, сшитых между собой шкур волочилась по земле, не давая четырех рукотворным ураганам вырваться на свободу. Приводилось все это в движение паровым котлом вроде того, что был установлен на «Медной бочке». По-моему, проще некуда! Даже я понял после четвертого объяснения, но Коллет продолжала упорно считать, что корабль на весу держат зачарованные Архимедом демоны. У меня даже появилось подозрение, что она придерживается этой версии из чистого упрямства — лишь бы не признать, что ошиблась.

— Да не волнуйся ты так, — попытался я успокоить ведьму. — Нет здесь никаких

демонов, неужели ты не понимаешь?

— Господи, даже кот уже понял! — пробормотал Архимед. — Давай, Конрад! Может, у тебя лучше получится объяснить?

— Ай! Просто не надо вдаваться в технические подробности, — отмахнулся я. — Зачем Коллет знать, что там и куда возвращается? Она же не часовщик, а ведьма — так ведь, дорогая? Просто поверь — ветер вызывается обычным механизмом, никаких демонов на корабле нет. Ну единственно, конечно, в паровой машине сидят такие же водные элементарии, как были и на «Медной бочке», но ты ведь их не считаешь опасными.

Мое объяснение наконец успокоило Коллет, и она перестала метаться по палубе, словно зверь в клетке. Вот что значит доходчиво все объяснить! Правда, Архимед почему-то заскрипел зубами и поспешно скрылся в трюме. Наверняка забыл что-то сделать — эти изобретатели такие рассеянные!

— Не хочется отпускать вас одних, — призналась Коллет. — Архимед, конечно, гений, но слишком уж оторван от реальности. Сам помнишь, как мы чуть не погибли из-за его «точных» расчетов. Тревожно мне как-то... сама не пойму отчего.

— А уж как я был бы рад! Но ты же действительно не можешь... — грустно констатировал я. Кроме того очевидного факта, что мне было бы приятно путешествовать бок о бок с Коллет, навевало печаль и то, что под рукой не будет мага смертоубийственной силы. Пусть даже и с вздорным характером. Увы, дела в Гремзольде неожиданно пошли вразнос, словно недавнее происшествие с летучим кораблем стало тем камнем, что столкнул лавину. И выплаты компенсаций пострадавшим — хотя, по скромному моему разумению, за такие суммы можно было бы заново отстроить целый квартал, а не одну улицу — оказались сущей мелочью по сравнению с остальными проблемами. С западных окраин пришли тревожные вести о скопившихся на границе с Регендом войсках. Пока регендцы на территорию Гремзольда не совались, но не просто же так они встали лагерем? Одновременно в восточных лесах заявила о себе сильная банда разбойников, гонявшая муниципальную стражу, словно пугливых оленей. Но хуже всего было то, что в Бублинг из Рима появился некий кардинал Скорцо. Повод для его приезда был настолько смехотворным, что сразу стало ясно — прислали его с какой-то тайной миссией. Впрочем, тайной миссия оставалась недолго — сразу после личной беседы с гостем кардинал Пузорини явился к королеве, попросил вызвать Коллет и рассказал, зачем на самом деле явился Скорцо. А явился тот — ни много ни мало — за головой Коллет. История с превращением городского совета Кадиса в свиней хоть и была замята, но получила продолжение. Инквизиция потребовала признать придворного мага Гремзольда — то есть Коллет — виновной в колдовстве и арестовать. К счастью, с доказательствами вины у инквизиции было туго. Заклинание рассеялось, кто на самом деле колдовал, из-за паники никто не заметил, и даже доказать, что это именно наш отряд устроил бардак в Кадисе, было довольно трудно. Потому кардинал Скорцо должен был поселиться во дворце и получить доказательства, что Коллет действительно колдунья. Покинуть Бублинг в такой ситуации Коллет не могла.

— А мне вот не рад! — обиженно пробубнил Андрэ. — Нечестно!

Узнав, что мы с Архимедом и Николасом вновь отправляемся в путешествие, его величество воспылил страстным желанием составить нам компанию. Он даже довольно складно наплел что-то про долг короля по отношению к своим подданным и стремление совершить великий подвиг, но настоящая причина была очевидна всем. Бедолага просто не знал, куда деться из нелепой, ситуации, в которой оказался из-за приезда Алле-гу. Юная тролляша, судя по всему, твердо вознамерилась стать «любимой женой Анн-дрэ» и добивалась этого со всей непосредственностью дикарки. Анну ситуация одновременно и забавляла, и сердила, потому она оказывала Алле-гу покровительство и всячески третировала Андрэ. Вот бедный король и хотел сбежать от семейных проблем.

И хотя присутствие на корабле верного друга (особенно столь могучего, как Андрэ) также было бы весьма желательно, я с Анной ссориться не рискнул и твердо заявил Андрэ, что на этот раз он остается в Бублинге.

Была и еще одна причина, по которой я не хотел брать с собой Андрэ. В разговоре с Анной и мэтром Бахусом из будущего проскользнула фраза, что это Андрэ сообщил о моей смерти. Оставляя гиганта в Бублинге, я делал первый шаг в изменении своего будущего. Действительно, если в том будущем, где я упаду в пропасть, со мной будет путешествовать Андрэ, а в этот раз он со мной рядом не будет, история неизбежно сильно поменяется. Не может не поменаться!

Таким образом, в путешествие отправлялись я, Архимед и Николас. И Иголка, против присутствия которой поначалу категорически высказался Архимед, мотивируя это тем, что корабль слишком маленький. Впрочем, изобретатель быстро сообразил, что идти наравне с человеком я в нынешнем своем положении не могу, а значит, в случае чего, тащить меня на плечах предстоит именно ему. Это его озарение сразу сняло все возражения относительно лошади на корабле.

К тому же больше в команду заманить никого не удалось. Бывалые моряки, не боявшиеся ни штормов — пусть даже и речных, — ни полиции, ни даже адского первача, что до сих пор оставался основным пойлом в тавернах Нижнего Города, бледнели и отказывались ступить ногой хотя бы и на трап странного судна. Так что пытаться уговорить их отправиться в скандинавскую Тмутаракань мы единодушно признали занятием безнадежным. Впрочем, по уверениям Архимеда, корабль был даже проще в управлении, чем незабвенная «Медная бочка», так что наших сил должно было вполне хватить.

— Ну что же, пришла пора отправляться, — торжественно произнес вернувшийся из трюма Архимед. — Давление пара в норме, самое время отчалить.

— Долгие проводы — лишние слезы, — согласилась Коллет, наклоняясь, чтобы обнять меня. — Возвращайтесь с победой.

— Или хотя бы просто возвращайтесь, — хмыкнула Анна. — Вы мне нужны в любом виде. Так что не вздумайте геройски сложить головы! Я вам запрещаю! Андрэ, ты... Андрэ?

Но Андрэ то ли окончательно разобиделся на нас, то ли побоялся расчувствоваться... а скорее всего, — заметил в толпе торговца пирожками. В общем, монарха нигде не было видно, и пришлось отправляться в путь, не попрощавшись с ним.

— Отдать концы! — браво скомандовал из рубки Николас. Архимед отвязал канат, корабль заметно вздрогнул и заскользил вправо. Собравшаяся поглазеть на такое диво толпа ахнула и прынула в стороны. Но Николас быстро закрутил штурвал, передвинул какой-то рычаг, и корабль, качнувшись в другую сторону, замер в равновесии, мелко подрагивая. Я бросил последний взгляд на стоящую в окружении рыцарей и придворных дам Коллет, стащил с головы шляпу, помахал...

— Полный вперед! — скомандовал сам себе Николас и потянул за свисающую с потолка цепь. Раздался оглушительный свист, вокруг корабля вздыбилось облако снега, и мы поплыли! Без всякой воды! Прямо через заснеженное поле!

За те несколько дней, что мы готовились к путешествию, я успел уже побывать на борту летучего корабля. Но ни разу еще не видел его в действии. Ощущение было без всякого преувеличения потрясающее! Хотя и дико было видеть, как деревья и кусты проплывают мимо, а самые мелкие просто исчезают под «юбкой», совершенно не влияя на ход корабля. Позади нас оставался след из голой земли — вихри напроць сдували толстый слой снега.

— Здорово! — крикнул я Архимеду. Тот не услышал меня сквозь свист, издаваемый его изобретением, но, видимо, понял и согласно закивал.

Налюбовавшись на стремительный полет (а корабль все-таки именно летел) своего детища, изобретатель сменил за штурвалом Николаса. Теперь настала очередь ярла любоваться необычной для моряка картиной...

К вечеру картина уже не радовала ни Николаса, ни меня, ни даже Архимеда. Бедная моя голова раскалывалась от не умолкающего свиста рукотворных вихрей. Размяв две половинки свечи, я заткнул воском уши, но свист проникал даже через эти затычки — Одиссеевым сиренам было до него далеко. Люди страдали меньше, но, когда стало темнеть и

корабль пришлось остановить, мы все дружно вздохнули с облегчением.

— Да, этот вопрос я как-то упустил, — признался Архимед, наблюдая, как я с болезненным шипением вытаскиваю из ушей восковые пробки. — Надо что-то придумать.

— Да уж придумай, пожалуйста! — проворчал Николас. — А то мы этак скоро оглохнем.

Изобретатель согласно кивнул и задумался.

— Свист, который мы слышим, в основном от верхней части труб, которые выходят на палубу. Внизу шум должен быть столь же громким, но там его заглушают шкуры. Выходом было бы и на палубе чем-то заглушить его, но здесь трубы шкурами не замотать — надо, чтобы воздух засасывало беспрепятственно. Однако, как учит нас опыт, звуки можно направлять. Если мы не можем заглушить свист, надо его направить в сторону от нас.

— И ты знаешь, как это сделать? — Во мне проснулась надежда сохранить слух и здравый рассудок до конца путешествия.

— Думаю, это будет несложно — можно удлинить трубы, в которых установлены ветряки, тогда основной шум будет направлен вверх, над нашими головами.

— Тогда с утра надо этим заняться...

— Чудесна эта весть! Так, значит, завтра на корабле наступит тишина! И я смогу порадовать вас новыми стихами!

Николас мгновенно оказался на ногах, целясь по углам кают-компания невесть откуда взявшимися пистолетами.

— Кто это сказал?! Покажись!

— Иезус Мария! А я-то надеялся, ты останешься в Бублинге!

— Прекрасен город Бублинг! В нем погостить подольше счастлив был бы я! Но мне пришлось смирить свои желанья. Примчался на корабль без опоздания, ведь для меня всего дороже вы — мои друзья!

— Конрад...

— Успокойся, Николас. Это действительно в некотором роде... гм... друг. Тем более что пристрелить его, к сожалению, невозможно. Он уже мертвый.

— Черт... — Николас спрятал оружие, хотя и продолжал недоверчиво шарить взглядом по кают-компания. — Как такое может быть?

— Позволь представить тебе Хосе Альфонсо Фигейро да Бухоралеса, призрака поэта. Или, точнее, поэта-призрака. Как я понимаю, дальше он поплывет с нами.

— После говорящего кота и говорящей крысы меня вообще-то ничего не должно уже удивлять, — проворчал Николас. — Но тебе опять удалось это сделать.

Я широко зевнул и растянулся на своей койке.

— Давайте-ка спать, друзья. Завтра предстоит встать пораньше, чтобы эту штуку с трубами, которую придумал наш уважаемый изобретатель, успеть закончить до рассвета. Мы не должны терять ни часа из светлого времени суток...

Я и не предполагал, насколько пораньше нам придется встать! Посреди ночи нас подняло истошное петушиное «кукареку!». Не проснувшись еще толком, я привычно рывкнул:

— Гай, я тебя когда-нибудь придушу! Гай?!

— Ты что, опять взял этого чертова петуха с собой?

— Ты с ума сошел? — жалобно простонал Николас. — Он меня еще в прошлое путешествие чуть в могилу не свел!

— Спокойно, спокойно! — поспешил я успокоить спутников. — Я совершенно точно оставил Гая Транквилла во дворце. Просто мы вчера, наверное, остановились возле какой-нибудь деревни...

— Что-то мне не верится, — возразил Архимед. — Крик вроде из трюма шел.

Я вынужденно согласился — если даже для несовершенного человеческого слуха это было очевидно, то мне сомневаться не приходилось. Оставалась слабая надежда, что в трюм забрался какой-то другой петух, с которым меня не связывает дружба, и его можно будет с

чистой совестью зажарить... ну или хотя бы просто прогнать.

Нет, это наверняка не Транквилл. Откуда бы ему взяться? И как бы он смог добраться из дворца на верфь? Просто какой-то другой петух... Чем больше я себя успокаивал, тем отчетливее понимал — это Транквилл. Еще одного такого петуха просто не может быть. Я считаю Бога слишком хорошим шутником, чтобы он стал повторять одну и ту же шутку дважды. Но все-таки — вдруг мне повезет?

Глупо было надеяться...

Когда ругающийся и зевающий Николас открыл люк, из трюма немедленно высунулась знакомая встрепанная голова со свисающим набок гребнем. Транквилл внимательно посмотрел на меня правым глазом и спросил:

— Говорить, что я случайно здесь оказался, глупо, да?

— Транквилл, какого черта?!

— Это я хочу тебя спросить, какого черта?! Почему ты хотел улизнуть без меня? Разве так поступают с друзьями?

Я с трудом подавил тяжкий вздох. Что-то у меня в последнее время развелось слишком много друзей, от которых не знаешь куда деться. Теперь для полного счастья не хватало только...

— Николас, Архимед... вы тоже это слышите? Пожалуйста, скажите, что мне просто чудится...

— Знаешь, я думал, мне послышалось, пока ты не сказал, — ответил Архимед. — Но двоим одно и то же послышаться не может. В трюме еще кто-то есть!

— Я даже догадываюсь кто, — мрачно ответил я и начал спускаться по трапу.

— А я даже боюсь догадываться, — не менее мрачно ответил Николас, спускаясь следом. — Королева чудесная женщина, но даже у нее терпение должно когда-нибудь иссякнуть. В лучшем случае нас посадят в дворцовую темницу.

— Я бы не надеялся на такой исход, — возразил я, спустившись с трапа и придиричиво оглядывая тюки с грузом. — Я, конечно, как потомственный дворянин, могу рассчитывать на это, но, как главному виновнику, мне, скорее всего, отрубят голову. А вас с Архимедом, как простолюдинов, отправят на каторгу.

— Это вопиющая социальная несправедливость! — возмутился Николас. — Вечно вам, благородным, все самое лучшее!

— На каторге тоже неплохо, — пожал плечами Архимед. — У меня давно разработаны чертежи нескольких механизмов, облегчающих добычу руды...

— А! Вот он! — Я наконец разглядел между сложенными у борта мешками один, отличающийся необычной для мешка добротностью ткани, и вонзил в него когти.

— Ы-ы-ы-ы! — басом взвыл «мешок», выкатился на середину трюма и резво вскочил на ноги. — Кто здесь?! Бицца давай!

Все-таки от старых привычек избавиться тяжело.

— Я так и думал. Андрэ, ну а ты-то почему здесь?

— А? Господин капитан? Это вы? — Король задумчиво почесал в затылке. — А где это «здесь»?

— В трюме летучего корабля!

— А! Ну дык это... Посмотреть хотел на демонов, которые его в воздухе держать будут! — простодушно объяснил Андрэ. — Страсть как интересно же! Тока не нашел никого. Все облазил — ан нету. А потом, видать, сморило...

— Дело плохо, — подытожил Николас. — Если бы его величество сам пробрался на корабль, чтобы сбежать, Анна, может быть, нас и простила бы. Но раз он случайно здесь оказался, нам ничто не поможет.

— Скажем правду... Хотя да, глупо — в такой бред никто не поверит...

— Ну королева-то его не первый день знает, так что вполне поверит. — Я попытался вложить в свои слова максимум уверенности. Которой, если честно, совсем не испытывал.

— А? Вы отправляетесь уже?

— Видишь ли, Андрэ, пока ты спал, прошли уже почти сутки...

— Да правда, что ли? То-то я такой голодный! А-а-а... а тогда почему вы не отправляетесь? Неужто из-за меня?

— Собственно, мы еще вчера покинули Бублинг, Андрэ, — вздохнул я. — И сейчас мы на расстоянии дневного перелета от него... Эх! Ладно, к вечеру мы тебя доставим назад...

— Господин капитан! Если вы ради меня собираетесь возвращаться — я не приму такую жертву! Я ведь понимаю, как важен для вас каждый день. Я сам виноват, что так вышло, и готов нести всю толщину ответственности!

— Это ты, насмотревшись на придворных, возмнил себя таким же хитрецом? — ухмыльнулся я. — Так ты ошибаешься. Прежде всего, запомни — ложь нельзя произносить так напыщенно, тем более подслушанными где-то чужими словами. Чтобы тебе поверили, врать надо легко и просто, между делом...

— Чему ты его учишь?! — возмутился Архимед. — Не умеет врать, и слава богу! Радоваться надо встрече со столь чистым душой человеком!

— Я тебя умоляю! Он не человек, он — король! Король, не умеющий врать, — это ж курам на смех! Как он править будет? Впрочем, вернемся к нашим баранам... Андрэ!

— А? Дык это... Я же говорю! Не хочу, значит, чтобы вы жертвовали собой! Вот! Готов нести полную полноту! То есть полную толщину! Толстую полноту!

— Андрэ...

— Ну а че? Я не могу, что ли, благородных чувств чувствовать? — обиделся король. — У меня их, может быть, и побольше, чем у всяких благородных. Просто я их выразить не умею! Но очень даже чувствую!

— Можешь, можешь, — успокоил я его. — Но я не могу принять такую жертву. Да и Анне сейчас нужна твоя поддержка. Так что поворачиваем...

— Не надо! — убежденно возразил Андрэ. — Или я сбегу! Вот честное слово — один сбегу!

— Ага...

— Правда ваша, господин капитан! Не умею я врать-то. И завсегда из-за того страдаю. Не хочу я во дворец возвращаться! Совсем они меня заклевали! Возьмите меня с собой, а? Я вам пригожусь!

— Интересно — чем это?

— Ну а я почем знаю? Мое дело — предложить, а вы уж думайте, где я могу быть надобен. А только че вы там ни надумаете, во дворец я однозначно не вернусь!

— Ладно, ладно! — вздохнул я. — Убедил. Никто тебя силой в Бублинг не повезет.

— Вот спасибо-то! — расплылся в довольной улыбке гигант. — Я ведь все понимаю! Я потом Анне все объясню. А сейчас мне бы хоть чуть-чуть отдохнуть от всего этого...

— Угу. Сейчас отдохнешь.

Я обернулся к Архимеду и Николасу:

— Вот вам и помощник нашелся. Начинайте трубы наращивать, а то уже рассвет скоро.

К тому моменту, когда солнце показалось из-за горизонта, все четыре воздушные трубы прибавили в высоте вдвое. Правда, внешне корабль стал еще более странным, но с этим пришлось смириться.

— Выглядит как приют сумасшедшего алхимика, — хмыкнул Николас, разглядывая итог наших трудов. — Кстати, хорошее название для корабля — «Сумасшедший алхимик»!

— Ты на кого это намекаешь? — обиделся Архимед. — Я вовсе не алхимик! Я — механик! И не сумасшедший!

— А чего ты тогда взъерепенился? — пожал плечами ярл. — Значит, никакого намека и не было. Ну что? Отправляемся?

— Пойдите, пойдите, друзья! Ведь плыть без названия нельзя!

— Тебя не спросили, — проворчал Николас. — Я же предложил «Сумасшедшего алхимика» — никто вроде не возражал...

— Как это — никто?! Я возражал!

— Твои возражения мы отмечаем как нелогичные. Ты же сам сказал, что не алхимик и не сумасшедший, значит, никакого намека на тебя в названии нет. А само по себе — отличное название, по-моему!

— Совершенно не имеющее отношения ни к мореплаванию, ни к чему-либо вообще!

— Предложи свое!

— Да легко! Надо какое-нибудь грозное имя, чтобы отражало его суть... Ну, например, «Отважный»!

— Банально.

— «Беспоощадный»!

— Иезус Мария, к кому?!

— О! «Гремящий»!

— Угу. Вот это полностью отражает суть! Гремящий и смердящий!

— «Поцелуй муз, запечатленный на косточке граната в садах Парнаса».

— Хосе, лучше молчи!

— «Гремящий медведь»!

— С чего бы медведю гремять? Он что, гороховое поле объел?

— Тогда просто — «Медведь»!

— «Орел»!

— «Попугай»!

— Очень грозное имя!

— Зато попугаи умные! Я во дворце с одним разговаривал — он такие слова знает, что я их даже сразу забыл.

— Андрэ, ты тоже лучше молчи.

— Да вы посмотрите на корабль со стороны — куда ему грозное имя? У него что, очень грозный вид? Это не орел... скорее пингвин.

— А пингвин как выглядит?

— Ну-у-у... примерно как наш корабль. А ты что, пингвинов не видел?

— Нет, откуда?

— Я тоже, — признался я. — Слышал, что есть такая птица, от путешественников, но сам никогда не видел. Говорят, она обитает во льдах... О!

— А ведь верно! — оживился Архимед. — Я тоже про пингвинов только слышал, но если они живут на севере... Ах, черт! Они на севере как раз не живут! Наоборот, на юге.

— Ерунда! — отмахнулся Николас. — Главное, что они во льдах живут! И мы плывем к ледяным берегам. Мне нравится!

— Да, неплохо... Но как-то слишком просто. Надо второе слово, отражающее суть корабля.

— Как его создатель, требую, чтобы оно было грозным! Это вопрос уважения к кораблю и к самим себе!

— Ладно, пусть будет «Грозный пингвин»!

— Отлично! Сим нарекаю тебя...

Николас отцепил от пояса фляжку и плеснул немного рома на палубу. Потом окинул нашу разношерстную команду взглядом и скомандовал:

— Ладно, а теперь — по местам!

На самом деле «мест» на корабле было только два — у штурвала и у топки. У штурвала, соответственно, встал сам Николас, а к топке поставили Андрэ. Король попытался было от этой «чести» отбояриться, но Архимед легко подавил бунт, пообещав лишить его величество кексов к завтраку. Сам изобретатель, впрочем, тоже остался возле паровой машины, поскольку уже знаком был с нестандартным образом мышления Андрэ и побаивался оставлять его наедине с тонким механизмом. Да и к зиме грек оказался совершенно не приспособлен, а в машинном отделении было теплее всего. Я бы и сам предпочел сидеть возле пышущего жаром котла, но там же устроился и Гай, немедленно затеявший спор с Хосе Альфонсо. Как неожиданно выяснилось, призрак тоже понимал язык

зверей и птиц, чем петух немедленно и воспользовался. Учитывая, что на его схоластические тирады поэт отвечал в своем привычном стиле — корявыми пафосными стихами, — я вскоре не выдержал и убрался в рубку.

— Ничего не скажешь, замечательно начинается путешествие! — проворчал я, устраиваясь в углу.

— Хочешь сказать, в прошлый раз было иначе? — хмыкнул Николас, не оборачиваясь. — Когда ко мне в таверне подкатили громила, ведьма и говорящий кот с говорящей крысой в придачу, это, я тебе скажу, выглядело не менее дико.

Я тоже усмехнулся, вспомнив события прошлой весны.

— Да, с этим не поспоришь. Но сейчас и ставки выше. В прошлый раз у нас в команде была сильная ведьма, да и противники были пожиже. Ты же слышал про посланца преисподней? Не думаю, что его послали только ради меня — за что такая честь? Нет, я об этом думал, и вот что мне приходит в голову: его послали с какой-то серьезной миссией, а я просто оказался на пути. Ну вроде как господа отправились медведя затравить, а слуги по пути зайцев настреляли.

— Не стоит себя так принижать...

— Это просто реальный взгляд на вещи. Я ведь не император, повелевающий народами, не герой, совершающий грандиозные подвиги, не священник, слова которого улавливают сердца тысяч людей. В общем, от меня не зависит ничего в масштабах мира.

— Коллет?

— Именно этого я и боюсь. Ее могущество велико и продолжает расти. Но она добрая девочка и все усилия тратит на благо людей. Как такого человека повернуть ко Злу? Да очень просто — уничтожь ее мир, ее друзей. Покажи, что служение Добру ничего не дает, ни от чего не спасает... Ты же ее знаешь — она вспыльчивая, как ее алхимические порошки. Если Коллет начнет мстить — мало никому не покажется.

— Инквизитор этот еще притащился.

— Вот-вот. Понимаешь, что начнется, если Коллет разозлить? Конечно, она пустит в ход всю свою мощь. И тут вылезет этот сморчок и завопит: «Ведьма! Вяжи ведьму!» Конечно, она его раскатает в лепешку. Естественно, Рим этого не стерпит и ударит по Гремзольду всеми силами. Возможно даже отлучение всей страны. А это уже не шутки — это война со всем миром. Не то чтобы я думал, будто Коллет это не по силам — с нее станет и со всем миром воевать. Но это как раз и отличный способ привести ее в конце концов на сторону Тьмы.

— Тебе надо было поговорить с Коллет. Если она будет знать...

— Ничего не изменится, — закончил я за Николаса. — Она будет делать то, что считает должным. Даже если это приведет ее прямоком в ад.

— А ты не думаешь, что она вполне могла бы защитить тебя от этого посланца?

— Кто знает? — развел я лапами. — А вдруг он окажется сильнее? В любом случае семь поколений благородных предков в гробах перевернулись бы, стань я прятаться от опасности за спиной слабой женщины!

— Гм... Конрад, твои логические построения дырявы, как рыбацкая сеть.

— При чем тут логика? Я же не ученый схоласт. Просто я так это чувствую.

— Оно и видно.

— Ты, чем поучать старших, лучше вперед смотри внимательнее. Здесь тебе не море и не река: врежемся в дерево — костей не соберем.

— Чем указывать капитану корабля, что делать, иди-ка ты лучше на бушприт!

— А иди-ка ты сам туда!

— Я серьезно. Отсюда плохой обзор — и вправду можно на что-нибудь налететь. Конечно, я на нашем корабле даже стены прошибал, но раз на раз не приходится. Так что иди на бушприт, будешь оттуда мне сигналить, если по курсу окажется что-то.

Я высунул нос за дверь, и меня аж передернуло от холода.

— Николас, я тебе этого не забуду!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
повествующая о непредвиденных трудностях, что поджидали
команду «Грозного пингвина» в путешествии по северным
морям, и о храбрости и стойкости, благодаря которым
благородный Конрад фон Котт и его товарищи преодолели их

*Запись в дневнике Конрада фон Котта
от 18 марта 16... года от Р. Х.*

Жизнь неоднократно убеждала меня — во всем происходящем есть свой смысл, даже если мы иногда не в силах понять его. Но в это плавание довелось мне столкнуться с двумя явлениями, которым я не в состоянии подобрать объяснение. Первое из них — известное в среде путешественников, моряков и некоторых географов явление под названием Гольфстрим. Каким образом часть воды, окруженная со всех сторон ледяной водой, остается теплой, понять я так и не смог.

Второе же, что понять я не в силах, — зачем вообще Богу пришло в голову создавать такие холодные места?!

Примечание на полях. Архимед попытался ответить на мой вопрос, опрометчиво заявив, что наука давно нашла на него ответ. Не знаю, не знаю, но из того, что он нес, я понял только отдельные слова. Если наука все так путано объясняет, то зачем она вообще нужна?

— Бр-р-р, ну и холод! — В клубах морозного пара в кают-компанию ввалился Андрэ. — Кошмар!

Я злобно посмотрел на него, но ничего не сказал — не мог, трясло меня так, что опасался откусить язык. В соседнем углу что-то неразборчиво-агрессивное прохрипел кулек из одежды, пледов, мешковины и, кажется, даже полотенец. Внутри кулька находился Архимед. Последние четыре часа изобретатель занимался тем, что скалывал лед с бортов и снастей корабля. Но он хотя бы двигался! Я же провел все это время на носу корабля, выкрикивая в сторону рубки «Право руля!» или «Лево руля!». Николасу я уже не завидовал: стекло на окне рубки покрылось толстым слоем ледяных узоров, и, чтобы слышать мои команды, приходилось держать либо окно, либо дверь рубки открытыми. Так что внутри было, по-моему, даже холоднее, чем на палубе.

— Ух! Пока от кочегарки досюда дошел, чуть себе все не отморозил! — жизнерадостно продолжил Андрэ. — А вы чего такие кислые?

Мне захотелось покусать короля. И расцарапать ему его королевский зад, чтобы месяц спал стоя! Я с трудом подавил это желание, несколько раз повторив про себя: Андрэ не виноват, что в этих местах так холодно. И что он слишком глуп, чтобы доверить ему какую-либо работу, кроме как кидать уголь в топку. Ну не за штурвал же его ставить, в самом деле! Когда началось обледенение надводной части корабля и появилась опасность перекиля, Архимед поставил гиганта скалывать лед. Однако первыми же ударами тот сколол не только лед, но и изрядную часть фальшборта. Дальнейшие попытки научить короля этому тонкому ремеслу обошлись сравнительно дешево — разнесенным в щепу трапом, обрубленным такелажем и небольшой пробоиной в надводной части борта. Пробоина-то Архимеда и подкосила. Махнув на бестолкового монарха рукой, изобретатель взялся за топор сам, а Андрэ вернулся в кочегарку. Вид его довольной физиономии навел меня на нехорошие мысли, но, подумав, я выбросил из головы подозрения: король слишком простодушен для столь коварной игры. Тем не менее получалось, что единственным, кто путешествовал в более-менее сносных условиях, был дурачок Андрэ. Что наводило на мысль, а того ли человека считают дурачком?

Вообще, путешествие наше поначалу протекало без особых трудностей, из-за чего мы

расслабились и обленились. Действительно, управление летучим кораблем не требовало каких-то особых усилий. «Грозный пингвин» спокойно скользил над землей в ту сторону, в которую направлял его рулевой, игнорируя холмы, снежные сугробы, русла рек и мелкий кустарник. Паруса за ненадобностью так ни разу и не поставили, двигались исключительно за счет паровой тяги, проблем с дровами на этот раз не предвиделось — ведь двигались по-над сушей. Единственное неудобство доставляли леса: их приходилось облетать стороной. Ну и остановки возле городов неизбежно превращались в бесплатный цирк для обывателей. Сначала Архимеду приходилось долго убеждать всех, что мы не колдуны и корабль движется исключительно естественным образом. Откровенно говоря, получалось это у него плохо. Да чего уж там говорить о горожанах, если даже меня его объяснения не особо убеждали. Когда же ему удавалось более-менее объяснить, что опасности от нашего судна никакой нет, толпы любопытных бездельников разбредались по кораблю, норовя залезть в самые неподходящие места, а то и стащить что-нибудь. Один раз нам даже пришлось возвращаться назад из-за двух сорванцов, спрятавшихся в трюме и обнаруженных исключительно благодаря беспокойному духу Хосе Альфонсо. Дрожащих от пережитого ужаса мальчишек сдали на руки родителям, но ушел на это почти целый день. В другом городке, уже в Германии, местный священник предал нас анафеме и объявил слугами дьявола, после чего несколько миль за «Грозным пингвином» гналась вооруженная толпа прихожан, желавших нас непременно «спасти» через сожжение на костре.

Вскоре мы достигли Гронингена. Я планировал и дальше двигаться по суше, сколько возможно, но Николас объяснил, что, перебравшись в Скандинавию, мы окажемся по другую сторону Скандинавских гор, то есть еще дальше от нашей цели. Хотя сами горы и нельзя назвать особо высокими, но для летучего корабля они представляли непреодолимую преграду, тем более что, даже миновав их, нам пришлось бы долго искать спуск к Норвежскому морю из-за обрывистых фьордов. Доводы показались нам вполне разумными, потому решили добраться до Гронингена, а дальше плыть морем.

Как вскоре выяснилось, все наше путешествие до этого момента можно было смело назвать увеселительной прогулкой. Никто из нас, включая и самого Николаса, раньше не плавал в столь северных широтах. Никто не мог предположить, что здесь так холодно!

— Ничего страшного, — глядя на плавающие в воде льдинки, оптимистично заявил Архимед на четвертый день плавания. — Это лишь повод продемонстрировать вам, какое значение имеет наука для счастья человечества!

— Продемонстрируй, — мрачно согласился Николас, шмыгая покрасневшим носом. — Сделай счастливыми часть человечества в лице меня. Твоя наука может согреть воздух?

— Зачем, если природа уже сделала это за нас! — с пафосом воскликнул Архимед, поднимая к небесам указующий перст. — А наука дает нам знание об этом.

— Ты о чем вообще? По мне, так природа в этих местах сделала все, чтобы человек бежал отсюда без оглядки.

— Совершенно точно установлено, что в этих водах имеется теплое течение, именуемое Гольфстримом. Про него впервые написал Понс де Леон — испанский мореплаватель — в начале прошлого века. Позже его рассказ неоднократно подтверждался другими моряками, и они помогли составить примерную карту, на которой отмечено это благословенное теплое течение.

— Слава богу! — облегченно выдохнул облако морозного пара Андрэ. — Куда плыть-то? У тебя небось и карта есть?

— Э-э-э... — замялся изобретатель, сраженный вопросом сильно поумневшего на морозе гиганта. — Вообще-то я надеялся, что у Николаса есть. В конце концов, он же моряк!

Николас печально вздохнул:

— У меня-то карта есть. Но это список с карты одного купца, которая, в свою очередь, срисована была для него с какой-то карты, которой лет двести минимум пользовались в его роду. Так что никакого Гольфстрима на ней нет. Впрочем, как и других течений. Вот — сам смотри...

Мы по очереди полюбовались на карту. Карта была красивая, но совершенно ни о чем мне не говорила, поскольку выше капитана мне сделать карьеру не довелось, планированием сражений я не занимался и карты видел лишь издали.

— Видимо... где-то здесь, — проямлил Архимед, обводя пальцем некую местность на карте.

— Ой, а давайте мы туда не поплывем! — неожиданно встрял Андрэ, внимательно разглядывавший карту.

— Иезус Мария! Ты умеешь читать карты?!

— А че тут уметь-то? Гляньте сами — вона тут прямо нарисовано чудище, глотающее корабль. Зачем же нам в такое место плыть?

На карте действительно была старательно изображена некая тварь, похожая на помесь кита и кальмара. Порождение нездоровой фантазии картографа с некоторой даже чувственностью опутывало щупальцами кораблик.

— Ты меня в могилу когда-нибудь сведешь! — отмахнулся я от доморощенного навигатора и выжидающе посмотрел на Архимеда.

— Ну... насколько я помню, течение проходит вдоль всего побережья Скандинавии, так что мы в любом случае его должны будем пересечь.

— Замечательно! — протянул Николас. — То есть если мы поплывем в сторону Исландии, то рано или поздно все равно наткнемся на этот твой Гольфстрим. Ключевое слово, как ты понимаешь, «поздно»...

— Но плыть-то все равно уже решили, — возразил Архимед. — Или ты передумал, Конрад?

Я почесал за ухом.

— Ну лично я принимал решение, ничего не зная ни о каком теплом течении. Насколько я понимаю, Николас — тоже. Что такого особенного произошло? Ну да, холодно. Но ведь не холоднее, чем было этой зимой в Бублинге. Это всего лишь холод...

Еще через три дня Архимед, отчаянно стуча зубами, поинтересовался:

— Значит, всего лишь холод, да?

— А где там твой Гольфстрим, а? — парировал я давно подготовленным вопросом.

Архимед обиженно умолк, но эта маленькая победа не принесла мне особого удовлетворения. Трудно радоваться повергнутому в смятение противнику, когда клык на клык не попадает. Впрочем, поделом ему — никакого теплого течения мы так и не обнаружили. Разве что оно уже успело остыть? Я бы не удивился — за сто лет да при таком-то холоде!

И тем не менее мы продолжали двигаться вперед.

Пока в одну из ночей нас не разбудил сильнейший удар. Я вылетел со своей койки, словно ядро из пушки, и шмякнулся о противоположную стену. Стена притом на моих глазах стала крениться все сильнее, пока не заняла место пола. Мимо меня, к счастью, пронеслась туша Андрэ, ломая попутно мебель. Где-то в темноте истошно вопил Транквилл, стонал придавленный королем Архимед, в трюме испуганно ржала Иголка. Весь корабль исходил протяжным, жутким скрипом и треском. Казалось, он сейчас рассыплется на обломки, я уже было начал ждать, когда окажусь в ледяной воде и все наконец закончится, но момент этот все не приходил, и продолжалась изматывающая неопределенность в рушащемся аду... Потом все стихло.

— Что это было? — испуганно спросил меня Андрэ, пытаясь встать на ноги. Ноги короля не держали: стена, теперь ставшая полом, имела довольно сильный наклон. Тогда Андрэ встал на карачки и пополз в мою сторону. Изобретатель, на спине которого гигант проделывал эти манипуляции, очнулся и выразил свое недовольство подобным обращением длинной фразой на родном языке. Не знаю, так ли звучал греческий во времена Гомера, но вот по части энергичности и образности Архимед переплюнул знаменитого слепца. Священник, мучивший меня в детстве греческим и латынью, удавился бы от зависти к тому, как легко и непринужденно склоняет глаголы изобретатель.

Гневную тираду прервал скрип, и в «потолке» открылась дверь. В проеме маячило лицо Николаса, еще более унылое, чем обычно, к тому же разбитое в кровь. Похоже, ярл пострадал больше всех нас.

— Все живы?

— Я же говорил — не надо сюда было плыть! — горестно вздохнул Андрэ. — Не послушали меня — вот оно нас и захавало!

— Кто?

— Дык понятно кто — Ктулха морская, чудище, что на карте было нарисовано.

— Гм... — Несмотря на безумие этого объяснения, я вопросительно посмотрел на Николаса.

— Что? А! Да бред, конечно, — вздохнул Николас. — Никаких чудищ. Все гораздо проще и печальнее. Сейчас я вам трап спущу, вылезайте и сами посмотрите.

По сброшенной вниз веревочной лестнице мы вскарабкались на перекошенную палубу. Король вдруг замер и сдавленно охнул. Я высунул голову из сумки, в которую пришлось залезть, чтобы Андрэ мог вытащить меня.

— Иезус Мария!

— Святые угодники! — поддержал меня Архимед, за которым раньше я особой набожности не замечал. Впрочем, открывшееся нам зрелище могло обратить в христианство даже самого упрямого безбожника. Потому что если и может представить себе человек материальное воплощение Гнева Божьего, не считая огненного дождя, спалившего Содом и Гоморру, то это воплощение высилось сейчас над нами. Оно нависало над нашими головами сотнями футов и тысячами баррелей тускло поблескивающей замерзшей воды.

— Как... но... как же ты...

Видимо, Архимед хотел укорить Николаса, что тот проглядел такую громаду, но сам же понял, как это случилось. Под затянутым плотными тучами небом, в ночной темноте айсберг был практически невидим. Даже сейчас, когда корабль приткнулся к самому его основанию, он ощущался скорее своей невообразимой массой.

— Проклятье!

Архимед, свесившись через борт, посветил себе факелом. Когда изобретатель повернулся к нам, в глазах его стояли слезы.

— Мой корабль... мое... мое дитя! Он безнадежно искалечен!

Я вскарабкался по стоящей дыбом палубе до борта и выглянул в шпигат. Да, похоже, Архимед не преувеличивал. Даже мне было очевидно, что корабль серьезно, а пожалуй что, и смертельно ранен. От удара полностью сорвало «юбку» из шкур — ее даже не было видно, скорее всего, унесло течением, — а острые зубцы льда пробили днище сразу в нескольких местах, так что «Грозный пингвин» больше напоминал теперь рыбу, насаженную на трезубец. Услышав над головой протяжный вздох, я посмотрел вверх. Над фальшбортом маячила вытянутая физиономия Николаса. Полубовавшись на пробоины, ярл перешел на корму, где долго вглядывался в воду, потом достал лот и померил скорость. Сходил в рубку за картой и компасом, что-то померил, высчитал... после чего лицо его вытянулось еще сильнее.

— Ну говори, — поторопил я его. — Положение настолько хреновое, что в общем-то уже неважно, какие еще неприятности ты нам посулишь.

— Гм. Не скажи, — опять вздохнул Николас. — На самом деле новостей три...

— Одна из них хорошая, другая — так себе, а третья — скверная?

— Не угадал, — не поддержал моей попытки пошутить Николас. — Одна из них была бы хорошей, если бы мы не столкнулись с айсбергом. Похоже, мы нашли этот ваш пресловутый Гольфстрим. Я сразу заметил, что корабль продолжает двигаться вместе с этим проклятым куском льда, и движется довольно быстро. А ветра-то нет. Если это и не Гольфстрим, то какое-то похожее течение.

— Как-то незаметно, чтобы стало теплее, — поежился я. — Ну да ладно, неважно. А что другие новости?

— Вторая новость — мы плывем на север. Это была бы тоже хорошая новость, кабы не айсберг. Потому что нам, в общем, и надо на север, но вряд ли айсберг любезно подбросит нас до нужного места. Мы проплывем мимо.

— Ну а третья новость?

— Поскольку айсберг плывет на север, то он вполне способен дотащить «Грозного пингвина» до Северного полюса, где мы и замерзнем насмерть или умрем от голода.

— Замечательная перспектива!

— Это необязательно так и будет, — пожал плечами Николас. — Даже более вероятно, что этого не случится. И Норвежское, и Баренцево моря довольно бурные, и волны рано или поздно снимут корабль с этого плавучего рифа...

— Что не сулит нам ничего хорошего. — Даже не будучи моряком, я отчетливо представлял, что случится с кораблем, оказавшимся на глубокой воде с такими пробоинами, как у «Грозного пингвина». — Просто великолепно!

— Таково наше положение. Не вижу смысла приукрашивать его.

— Ну? — после паузы осторожно спросил Архимед.

— Что?

— Говори уже, не тяни!

— Э-э-э... что говорить?

— Ну что там обычно в таких случаях произносят? Что-нибудь вроде «но я знаю, как нам спастись!».

— Да-да, точно! — обрадованно закивал Андрэ. — А то я уже испугался!

— Мне жаль вас разочаровывать, — развел руками Николас. — Но я понятия не имею, что нам делать. И вообще, эту фразу должен неожиданно подать комический персонаж, которого до этого все считали дурачком...

Все в надежде усталились на Андрэ.

— Не, я не знаю, — развел ручищами гигант. — Вот если бы на нас Ктулха напала, я бы ей вломил промеж глаз — и все дела. А тута надо крепко подумать... Думаю, самое время перекусить!

— Мы в смертельной опасности, а он, как всегда, о еде! — с отвращением проворчал Архимед. — Что у вас за король такой?

— А че? — благодушно удивился король. — Известное же дело — голодное брюхо и думает плохо!

— Это только у тебя брюхо думает! Все нормальные люди думают головой!

— Ну и зря, — все так же благодушно парировал Андрэ. — Ты ж сам посмотри, насколько брюхо больше башки! Если бы все думали брюхами, а не башками, все были бы такими умными, как я! На сем предлагаю теоретический диспут завершить и получить эмпирическое подтверждение высказанному мною тезису!

Я чуть не выпал за борт.

— Андрэ, ты что — опять где-то кактус раздобыл?

— Не, — признался гигант. — Это мэтр Бахус так всегда говорит, когда Коллет его ругает за пьянство. Он говорит, что умеренное потребление раскрепощает ум и пробуждает творческое начало, после чего и произносит эти слова — про эмпирическое подтверждение.

— Точно! — воскликнул я, чувствуя, как возвращается надежда. — Бахус! Коллет ведь обещала регулярно связываться с нами при помощи старого пьяницы! Вот в следующий раз он нас и перенесет в Бублинг! Мы спасены!

Николас задумчиво подергал себя за кончик носа, словно желая вытянуть его еще сильнее.

— Ты упускаешь одну деталь, Конрад. С тех пор как мы покинули столицу, Коллет ни разу с нами не связывалась. Я, конечно, понимаю, что регулярность может быть разной, но когда, в таком случае, нам ждать спасительного визита?

— Иезус Мария... — Я нервно прошелся по палубе. — А ведь верно!

Коллет действительно так ни разу и не вышла с нами на связь. За всеми хлопотами, с

которыми было связано путешествие, ее обещание как-то вылетело у меня из головы. Теперь же я сообразил, что прошел уже почти месяц, как мы покинули Бублинг. Если вспомнить, что мы оставили Коллет разбираться с инквизитором, это вызывало тревогу. Правда, я был уверен, что Анна будет защищать своего придворного мага всеми доступными средствами. И не только потому, что Коллет была ее ближайшей подругой и первым советником. Кроме всего прочего, Анна не потерпит, чтобы кто-то ограничивал ее власть в Гремзольде, пусть даже это попытается сделать Инквизиция. У нее вполне хватит духу пойти на открытый конфликт с Римом. А у Коллет вполне хватит сил сделать это противостояние небезнадежным. Но по пути мы никаких тревожных новостей не слышали. Конечно, зимой сообщение между городами ослабевает, но остаются правительственные курьеры, голубиная почта, наконец. Если бы в центре Европы началась серьезная заварушка — об этом мы бы точно узнали.

Не-э-эт, похоже, объяснение было куда банальнее. При всей своей гениальности — а возможно, как раз из-за нее — мэтр Бахус являлся человеком крайне слабовольным в плане выпивки. С тех пор как Коллет обнаружила убежище Бофрэ в Бублинге, она пыталась излечить его от пьянства. Как я и предсказывал, безрезультатно. В конце концов мэтр стал просто сбегать при помощи своего искусства в буквальном смысле на край света, в какой-нибудь отдаленный уголок земли. Правда, потом он почему-то всегда возвращался в Бублинг, но это «потом» могло произойти и через неделю, и через месяц. Если маг снова ушел в запой и сбежал из столицы — один Бог ведает, когда он вернется.

— Допустим, Бахус сорвался в день нашего отъезда, — задумчиво глядя в небо, произнес Николас. Видимо, наши мысли совпадали. — Я, кстати, вспомнил сейчас, что перед самым нашим отплытием... тьфу!., перед самым нашим улетом Коллет зачем-то искала мэтра и не смогла найти.

— Вполне логично. Было холодно, в свите королевы слуги разносили кружки с горячим глинтвейном — для Бахуса, конечно, все равно что компот, но с него он мог только начать.

— Раньше он исчезал самое долгое на две-три недели, — мрачно подытожил ярл. — Но кто знает, на сколько его прогулка затянется в этот раз? И вернется ли он вообще?

— Вернуться-то он точно вернется. В этом я уверен... — Я запнулся, обдумывая неожиданно пришедшую в голову мысль. Если исходить из того, что в будущем Бахус и Коллет будут искать меня вместе, то мэтр совершенно точно вернулся в Бублинг. Но это означает и кое-что еще: я никак не мог погибнуть сейчас, ведь Андрэ вернулся в Бублинг и рассказал, что я упал в пропасть. А кому суждено упасть в пропасть, тот не утонет! Я даже рассмеялся от облегчения: иногда знать обстоятельства своей будущей смерти полезно. Конечно, вся эта экспедиция имеет целью как раз поспорить с судьбой, но пока — если учесть, что Андрэ все-таки путешествует со мной, изменить что-то глобальное мне не удалось.

— Вот что, друзья... не спрашивайте почему, но я уверен, что мы выкрутимся. Я знаю это совершенно точно. Потому предлагаю не впадать в уныние и действительно последовать совету его величества — отправиться на камбуз и позавтракать, раз уж мы все равно проснулись.

Я не раз замечал, что оказавшимся в безнадёжной ситуации людям нужно не так много, чтобы поверить в чудо (справедливости ради замечу, что и в отчаяние приходят в такой ситуации так же легко). Иногда достаточно просто кому-то уверенно заявить, что он знает путь к спасению, как остальные проникаются его уверенностью, идут за ним и — действительно спасаются!

Так и команда «Грозного пингвина» поверила в меня и пошла за мной на камбуз. Вернее, за Андрэ, поскольку король пропустил всю патетику момента и первым бросился к люку. Иезус Мария, и правда — ну что у нас за король такой?!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, **повествующая о том, чем закончился дрейф «Грозного**

пингвина» и с какими опасными испытаниями пришлось столкнуться благородному Конраду фон Коту на ледяном острове

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 27 марта
16... года от Р. Х.*

Мудрецы любят твердить что-то вроде: «Все, что ни делается, делается к лучшему». В целом я даже согласен с этим утверждением. Пока не случается какая-нибудь гадость, про которую ну никак не удастся заставить себя думать, что она случилась «к лучшему».

Примечание на полях. Хотя иногда ситуация поворачивается так резко, что перестаешь вообще понимать, к лучшему происходящее или к худшему.

— Ты все еще продолжаешь утверждать, что мы обязательно спасемся? — с инквизиторскими интонациями в голосе спросил Гай Транквилл, обозревая бесконечное белое пространство перед нами.

— Конечно! — отрезал я самым безапелляционным тоном, на который был способен. — И хватит меня допрашивать! В конце концов, я сюда забрался именно потому, что мне уже надоело по сто раз одно и то же повторять.

Если по правде, то уверенность давалась мне с большим трудом. То есть я хочу сказать — трудно быть уверенным в спасении, когда твой корабль неизвестно куда несет айсберг. Но еще труднее, когда корабль намертво вмерз в ледяное поле, которому ни конца ни края не видно. Так что спутников моих я прекрасно понимал. С одной стороны, вроде бы суждено мне погибнуть совсем в другом месте и при других обстоятельствах. А с другой стороны, вдруг мне все-таки удалось изменить свою судьбу? Это будет весьма ироничным исходом моего предприятия: вместо того чтобы через пару месяцев сорваться в пропасть, взять и замерзнуть насмерть прямо сейчас. Вполне в духе Провидения!

Когда айсберг с «Грозным пингином» только прибило к краю ледяного поля, наша команда ликовала — ну как же! Раз есть лед, значит, где-то рядом земля, а значит, люди. Ну или хотя бы возможность снять корабль с ледяных клыков и заделать пробоины. Однако после долгих вычислений Николас сообщил неутешительную весть: нас все-таки занесло хоть и не на сам Северный полюс, но на остров, расположенный гораздо севернее берегов Скандинавии. Живет ли в этих местах хоть кто-нибудь, никто из нас не знал, искать аборигенов мы не рискнули, поскольку отходить далеко от корабля было смерти подобно: вокруг простиралась сплошь покрытая снегом равнина. По здравом размышлении поиски эти представлялись откровенной глупостью: жить здесь кому-то было явно невозможно и незачем. Надежды починить корабль и плыть дальше также быстро развеялись: за время плавания днище и борта корабля так основательно покрылись льдом, что теперь он составлял с айсбергом единое целое. Припасы и уголь пока еще оставались, а вот надежда таяла. Говорить с прежней уверенностью, что спасение неминуемо, получалось все хуже, и я в конце концов сбежал от всех в «воронье гнездо». Из-за наклона мачты и тонкого слоя льда это место стало для людей недоступно, даже я добрался сюда только благодаря когтям.

Впрочем, побыть в одиночестве мне не удалось: следом за мной в «воронье гнездо» приковылял Транквилл. Пока петух ругался и отогревал обмороженные лапы, каким-то образом засунув их под крылья, объявился и Хосе Альфонсо Фигейро да Бухоралес. Надо заметить — призрак единственный из команды пребывал в приподнятом настроении.

— О, милые друзья! Ликуйте — вот и я!

— Ликуем...

— Но в тоне слов твоих не слышу ликования, — прозорливо заметил Хосе Альфонсо. — Забот тяжелый груз мрачит твоё чело.

— Иезус Мария! — возмущенно прошипел я. — Конечно, мрачит! Если ты не заметил, то у нас очень серьезная проблема. Мог бы подсказать — надо ли нам куда-то двигаться или лучше сидеть на месте, ожидая помощи? И когда ее ожидать? Или куда двигаться?

— Доверчив слишком ты, мой друг! Не зная истинных моих намерений, совета просишь ты в таком вопросе! А если цель моя — увидеть вашу гибель?

— Да на кой ляд тебе наша гибель? — отмахнулся я. Внимание мое привлекло какое-то подозрительное движение у самого горизонта. Точнее, намек на движение. В этой снежной пустыне, покрытой белесыми облаками, горизонт на самом деле растворялся, и определить его местоположение можно было только условно. Вот в этой условной точке и происходило нечто, пока едва видимое даже с моим кошачьим зрением.

— Хотя бы для того, — между тем отвечал призрак, — чтоб стали призраками вы и в вечности, веселою толпой, со мною путешествовали купно... Но — чу! Я слышу скрип полозьев по снегу! Неужто...

— Иезус Мария! — Я чуть не вывалился из нашего убежища. — Хосе! Лети к Николасу и сообщи — в нашу сторону едет несколько упряжек! Мы спасены! Я же говорил! Я верил!

Оскальзываясь на каждом шагу и рискуя свернуть шею, я бросился вниз по мачте. Ну вот! Как я мог сомневаться? Если задуматься — трюк с быстрой смертью от холода был бы слишком пошлым для Провидения. Ну как если бы опытный карточный шулер воспользовался крапленой колодой, чтобы обыграть какого-нибудь деревеншину. Можно, конечно, но престиж не позволяет! Нет уж, меня постараются обыграть более тонко!

Как вскоре выяснилось, я переоценил чувство юмора Провидения.

— Дьявол! — Моя шерсть встала дыбом. Сгрудившиеся у борта люди еще не могли разглядеть то, что мне уже сообщил нос. В трюме всполошно заржала Иголка — ее обоняние сообщило ей то же самое. — А вот это уже явный перебор...

— Ты о чем? — Николас вытащил из-за пазухи подзорную трубу, навел ее на приближающийся караван... — Твою мать! Это же...

— Да. Это медведи... кхе... белые... кхе...

Архимед, тоже вооружившийся подзорной трубой, нервно закашлялся.

Было с чего! Я уже без всякой оптики видел, что к кораблю приближается несколько упряжек, влекомых вместо лошадей или ожидаемых в столь диких местах оленей самыми настоящими белыми медведями! Зрелище нереальное и пугающее!

Милые дамы и великодушные господа! Если ваше знакомство с представителями этого вида зверей сводится к облезлым блохастым «медведикам», коих предприимчивые цыгане спаивают сивухой и заставляют плясать на потеху публике, не торопитесь судить наш испуг. Настоящий медведь совсем не похож на этих выроdkов животного мира, а белый медведь — это самое страшное орудие убийства, созданное природой. Огромные мощные тела, способные бежать быстрее лошади, когтистые лапы, что одним ударом могут превратить человека в кровавые ошметки, челюсти, коим позавидуют и акулы, — вот каковы эти цари Арктики. Этим смертельно опасных тварей приближалось к «Грозному пингвину» не менее двух дюжин. И то, что они покорно влекли за собою сани, пугало вдвойне!

— Ч-ч-что б-будем делать?

— Ггг-глупый вопрос, — ответил я Архимеду. — М-молитвы какие-то знаешь?

— 3-3-знаю, — ответил изобретатель и тут же честно признался: — Но сейчас ни одной не вспомню!

— А я даже не знаю! — повинился я. Это печальная истина. Увы, в детстве я с крайним небрежением относился к тому, что пытался вдолбить в мою голову наш падре. А позже, подавшись в ландскнехты, смирился с мыслью, что душа моя так или иначе обречена. Как и большинство честных наемников, проповеди капелланов воспринимал я исключительно как развлечение. В результате сего безобразия ныне, когда обстоятельства складывались столь трагично, я не находил в себе достаточно благочестия, чтобы выговорить хоть что-то более-менее пристойное.

Между тем отряд белых медведей окружил корабль. На штурм они не шли, и вообще во всем поведении чудищ прослеживалась некая организованность и продуманность. Не говоря уж о санях. Естественно, напрашивался вопрос: кто руководит этим отрядом? Однако ни в одной из пяти упряжек не было видно кучера и вообще седоков. Да и трудно было

представить существо, которому стали бы подчиняться столь свирепые и могучие хищники.

Тут я сообразил, что остался сидеть на фальшборте в полном одиночестве. Все остальные члены команды сделали этакий ненавязчивый шаг назад. Даже Транквилл сообразил спрятаться в бухте каната. Похоже, все полагались исключительно на мои дипломатические способности.

Друзья называется! Но делать-то нечего. Некоторый оптимизм внушала только мысль, что вряд ли такую «делегацию» прислали просто убить нас — для этого за глаза хватило бы и одного белого медведя. Значит, неизвестному и явно могущественному... гм... существу нужно было всего лишь напугать нас... И, клянусь всеми святыми, ему это удалось! Я спрыгнул на лед и шагнул к первой упряжке. Притворяться имело бы смысл с людьми, но не со зверями — медведи прекрасно чуют запах моего ужаса, и их, похоже, это забавляло.

— Да не трясись ты так, песец, — довольно добродушно проворчал вожак головной упряжки. — Не съедим. Семья сыта, да и приказа вас убить не было.

— Какой еще песец?

— Ну... ты же песец?

— Я чел... э-э-э... вообще-то я кот...

— Что такое «кот»? — Медведь совершенно по-человечески сел и задумчиво почесал в затылке. Это выглядело бы забавно, кабы не трехдюймовые когти, которыми зверь без всякого вреда для себя скреб шкуру. — По мне, так ты, в натуре, песец. Только какой-то нелепый. Нелепый песец! А? Каково? Нелепый! Песец!

Ближайшие медведи, прислушивавшиеся к нашему разговору, охотно засмеялись. Я подобострастно похихикал, хотя и не понял, в чем соль шуток. Но, право слово, нависающая над тобою гора мышц, когтей и клыков очень способствует обострению чувству юмора!

Отсмеявшись, медведь указал лапой на сани:

— Скажи двуногим, пусть грузят в сани все, что хотят взять с собой. И сами пусть забираются. И пусть поспешат — королева ждать не любит.

— Королева?

— Ну да. Вы же в Ледяном королевстве, а какое королевство без королевы? Ну да хватит болтать, грузитесь побыстрее!

— Эй, вылезайте, нас обещали не есть, — ободрил я своих спутников, вернувшись на корабль. — По крайней мере, пока не представят местной королеве. Собираемся и едем.

— Ты уверен, что нам стоит покидать «Грозного пингвина»? — Николас с сожалением погладил мачту. — Как-то нехорошо это — бросать корабль...

— И что? Будем сидеть здесь, пока не кончится уголь?

— Не доверяю я медведям! — выдавил сквозь отчаянно стучащие зубы Архимед. — Сожрут ведь!

— К сожалению, этим медведям совершенно безразлично, доверяешь ты им или нет, — раздраженно проворчал я. — Вот так прямо это не было сказано, но у меня сложилось отчетливое ощущение, что, если мы начнем упираться, нас просто отдубасят и доставят на место в бессознательном состоянии. И сделают это — прошу заметить — с удовольствием!

— Убедительно, — кивнул Николас. — Пойду в рубку карты собирать.

Через полчаса мы перетасили все свое имущество с корабля на сани. Белые медведи, на время нашей погрузки собравшиеся в круг и, судя по взрывам хохота, обсуждавшие что-то крайне веселое, неохотно разошлись по своим местам. Я заметил, что из снега остался торчать край бочонка, а движения медведей приобрели некую замедленную плавность.

— Заметил — ну и молчи, — все так же дружелюбно, но с ленивой угрозой посоветовал медведь, в санях которого я оказался. На нем, как и на остальных медведях, была своеобразная сбруя с медным кольцом на холке. Медведь привычным движением шагнул под высоко торчащую оглоблю саней, подался вперед, потом назад — кольцо вошло в крюк с защелкой на конце оглобли. — Порядок. Сейчас тронемся... С нашей службой без медовухи никак нельзя.

— Холодно?

— Где? А! Это тебе холодно, песец. Потому как ты нелепый — шерсти на тебе мало. Ты, наверное, из этих... материковых песцов — лиса или волк. Лиса, наверное, волки-то покрупнее будут. А я тут родился. Ну не прям тут — восточнее, но все равно... Так что мне тут в самый раз. А медовуха нужна, чтобы душу тешить — скучно у нас тут.

Я окинул взглядом однообразную белую пустыню и вынужден был согласиться — пейзаж навевал тоску. Ни кустика, ни дерева...

— Погоди, — осенило меня. — А откуда у вас медовуха? И про зверей с материка ты знаешь! Значит, отсюда можно перебраться, например, в Скандинавию?

— Ну можно — чего бы и нет? Только я ваших названий не знаю — может, в Скандинавию, а может, и еще куда. Королева нас посылает По ее делам, она и курс льдинам указывает.

— То есть, чтобы выбраться отсюда, нам нужно уговорить королеву...

— Ну, в целом, верно, — буркнул медведь. — Только вряд ли у вас это получится. Сколько я себя помню, королева никого отсюда не отпускала.

— А почему ты все время говоришь про королеву? А король?

— Короля у нас нет. Только королева.

— Матриархат, значит? — Любопытство наконец пересилило страх, и Транквилл высунул голову из свертка шкур. — Очень частое явление в культурах, оказавшихся в естественной или искусственной изоляции.

— Хм? — Медведь, не останавливаясь, покосился через плечо на петуха и неодобрительно хмыкнул: — Ты тут не умничай, еда.

— Я не еда! — испуганно пискнул Гай Транквилл, прячась назад в шкуры.

— Это точно, какая из тебя еда? — неожиданно согласился медведь. — Только голод раздражить. Но двуногим, наверное, на разок хватит... или вот песцу.

— Он и правда не еда, — поспешил я заверить медведя. — Он наш товарищ.

— Странные у тебя товарищи, — осуждающим тоном произнес медведь. — Не следует дружить с теми, кого можешь съесть. Это может поставить тебя в неловкую ситуацию, когда его все-таки придется съесть. В конце концов, это просто аморально!

— Есть живых существ вообще аморально! — снова высунулся из своего убежища Транквилл. — Ради поддержания своего существования вы, хищники, готовы уничтожить неповторимую личность!

— А чего в тебе неповторимого? — В голосе медведя звучало искреннее удивление.

— Я, между прочим, философ!

— А что это значит?

— Есть наука такая, называется философия. — Тщеславный петух даже выбрался из шкур и гордо выпятил грудь. — Я, к твоему сведению, ученый!

— Уче-о-онный? — с явным сомнением протянул медведь. — Первый раз вижу ученого в перьях. И про философию твою первый раз слышу. Что ты изучаешь?

— Философия имеет предметом умственное исследование начал и оснований, законов и целей, порядка и связи всего видимого и невидимого, чувственного и сверхчувственного, — важно произнес Транквилл. — Исследование и определение законов и целей и всего бытия вообще, и умственной и нравственной жизни и деятельности.

— Ого, мощно загнул! — с некоторой долей уважения произнес медведь. — Ну раз эта твоя философия настолько мудрая наука, может, ты мне растолкуешь, почему сколько бы я за день ни съел, а утром все равно есть хочется?

— Э-э-э... — замялся Транквилл. — Наверняка этому существует объяснение, но философия занимается общими вопросами...

— А это разве не общий вопрос? — обиделся медведь. — Что, это типа я один такой урод? Да вот ничего подобного! У всех, кого ни спрашивал, — у всех так! Вот у тебя как, песец?

— Вообще-то так же, — виновато посмотрел я на Транквилла. — Извини, Гай, но я тоже частенько голову над этим ломал.

— Вот! — вздохнул медведь. — Я же говорил!.. Ну ладно, этого твоя философия не знает. А вот, может, ты мне ответишь, почему вот, например, медовуха холодная, а когда выпьешь ее — обжигает?

— Ты издеваешься, что ли? — взвился Транквилл. — Что ты глупости какие-то спрашиваешь? Да ни один философ не станет размышлять над подобной ерундой!

— А над чем обычно размышляют философы? — озадаченно спросил медведь. — Ну вот ты, например, над чем сейчас размышляешь?

— Я? — Транквилл мгновенно надулся от гордости. — В данный момент я размышляю над смыслом жизни!

— Это что такое? — Медведь даже приостановился. — Не понимаю.

— Смысл жизни — это смысл жизни. Чего непонятного? Зачем ты живешь? Вот ты ешь, спишь — зачем ты ешь? Зачем ты спишь? В чем смысл?

— Вот это-то как раз понятно, — пожал плечами медведь и продолжил бег. — Я голоден — я ем. Я хочу спать — я сплю. Тоже мне, нашел неразрешимый вопрос!

Обескураженный петух хотел было продолжить спор, но тут впереди показался замок. Сначала я не понял, что с ним не так, и лишь через некоторое время сообразил — замок оказался целиком построен из чистейшего льда, придававшего стенам легкость и сияние. Зрелище полупрозрачных синеватых башен и стен, возносящихся к небу, было одновременно и чарующим, и пугающим.

Упряжки подлетели к парадному входу, стекавшему на снег потоком ледяных ступеней, и остановились.

— Ну вот мы и дома! — буркнул медведь, выпрягаясь из саней. — Вылезайте. Королева заждалась.

— О-ох! — простонала Иголка, оглядываясь вокруг ошалелыми глазами. — Помните, капитан, я жаловалась на скуку в дворцовой конюшне? Так вот, если мы отсюда выберемся, клянусь — никогда больше не буду жаловаться на скуку!

— Да ладно тебе! — постарался я приободрить боевую подругу. — Все нормально...

— Капитан! Меня везли на санях! Медведи! Белые! Это ненормально! Это совсем ненормально! Вы видели их клыки?!

— Брось, они ведь обещали нас не есть. Они же тебя не тронули?

— Да, но как они смотрели на меня! Они облизывались!

— Тебе показалось.

— Слушай, песец, — задушевым тоном произнес, подходя, тот медведь, что тащил сани со мной. — А эта олениха без рогов тоже твой товарищ?

— Да, конечно. А что?

— Жаль, — огорчился медведь. — Понимаешь, мы на материке не были уже полгода. Моржи приелись, вот я и подумал... Ну да ладно, значит, не судьба.

— Ага... да... спасибо... — промямлил я в спину удаляющемуся медведю и прошептал уголком пасти: — Иголка, не вздумай в обморок упасть! Если они решат, что ты сдохла, — не отобью!

— Есть, капитан! — проблеяла Иголка, покачиваясь. — Так страшно мне не бывало даже на поле боя!

— Держись! Сколько раз мы попадали в безвыходные ситуации, а все равно выкручивались. И на этот раз выкрутимся!

Я крикнул вдогонку медведю:

— Уважаемый! А куда нам идти-то? И что с вещами делать?

— О вещах не беспокойся, у нас тут вора́м взяться неоткуда, — отмахнулся медведь. — Идите прямо, в тронный зал. Нельзя заставлять королеву ждать.

С последним аргументом спорить не приходилось. Не то чтобы у меня было так уж много коронованных особ среди знакомых (впрочем, в современной Европе, где и самое жалкое княжество объявляет себя королевством, королей и королев можно встретить на каждом углу), зато я знаю женщин — они ждать не любят, независимо от наличия короны на

голове. Тем более не стоило сердить местную королеву, раз мы собирались просить у нее помощи. А если учесть, что королевой была белая медведица, — сердить ее было просто-напросто опасно для жизни.

Остальные мои спутники с энтузиазмом поддержали эти рассуждения, и мы дружным отрядом двинулись в глубь замка.

Если снаружи замок выглядел величественно, то изнутри он просто-напросто лишал самообладания. Коридор, по которому мы шли, рассчитан был не иначе как на неведомых гигантов: потолок его терялся в фиолетовом сумраке, который не могли разогнать факелы в стенах. Именно в стенах — пульсирующие шары белого пламени просвечивали сквозь лед.

— Они здесь и колдовством балуются, — понизив голос, произнес Архимед.

— Балуются? — хмыкнул Николас, разглядывая необыкновенный факел. — Ты удивительно точно подобрал слово. Если у них такое освещение, чего нам дальше-то ждать?

— Боюсь, ничего хорошего, — буркнул я, разглядывая следы на полу. Следы были от трех пар ног и четырех копыт. — Мы здесь уже были. И я совершенно не помню, когда и куда мы свернули.

Еще около часа мы бродили по совершенно одинаковым коридорам, пересекающимся с такими же одинаковыми коридорами, из-за чего внутреннее устройство замка напоминало самый настоящий лабиринт. Не помогало даже мое чутье. Между тем где-то в глубинах этого грандиозного ледяного лабиринта нас ждала королева, и чем дольше мы блуждали, тем меньше надежды оставалось на благосклонный прием.

— Мне кажется, это она специально, — выдохнул Николас, когда мы остановились на очередной развилке, ничем не отличающейся от десятка уже пройденных. — Наверняка специально. Знает ведь про лабиринт — могла бы приказать своим слугам проводить нас.

— Да уж! — устало пропыхтел Архимед. — Она, конечно, королева. Но и с нами, между прочим, король!

— А? Кроль? Где? Ух, я бы счас кролика тушеного навернул бы!

— М-да, — протянул Николас. — Про нашего короля лучше не упоминать. Все равно не поверит. Чертова стерва нас точно специально по коридорам гоняет! Не удивлюсь, если тут и магия примешана.

— Да ладно, зачем бы ей? — попытался я вразумить разозлившегося ярла. — Она же сама нас пригласила.

— А зачем она нас вообще пригласила? Да ей просто скучно. Вот она и развлекается — запустила в лабиринт, а сама наблюдает.

— Вы неправы, незнакомец, — раздался из-за поворота нежный, словно перезвон капли, голос. — Королева просто забыла приказать проводить вас. А медведи сами не догадались — ну они всего лишь медведи, ведь так?

— Э-э-э... Да... медведи, они да...

— Кто вы, милое дитя? — Архимед так и расплылся в улыбке.

Да и трудно было удержаться от улыбки при взгляде на девушку, вышедшую нам навстречу. Строго говоря, красивой она не была. Круглое лицо с пухлыми щеками густо усеивали разнокалиберные веснушки. Вздернутый нос широковат. Слишком большой рот и оттопыренные уши. Светлые прямые волосы. Словом, типичная крестьянская девица из какого-нибудь захолустья в Нидерландах. Ничего вроде бы особенного.

Но при том незнакомка лучилась такой светлой жизнерадостностью и юной чистой энергичностью, что даже меня, старого циничного наемника, пробрало. Что уж говорить об остальных! Кажется, даже вечно кислая физиономия Николаса приобрела...

— Иезус Мария! Николас, что с тобой?

— Со мной? — Продолжая совершенно идиотски улыбаться, ярл на мгновение перевел на меня мутный, как у пьяного, взгляд. — А что со мной?

— Готов, — поставил я диагноз. — Надо же, не думал когда-либо увидеть нашего нытика таким.

— Он выглядит совершенно опьяневшим, — с некоторой ревностью пробормотал

Архимед.

— Ах, любовь, ты небесным нас поишь вином, из земных ни одно не сравнится с которым...

— И-и-и! Кто это говорит?! — взвизгнула девушка, зачем-то подбирая подол простого белого платья, словно подозревала наличие говорящих мышей.

— Хосе Альфонсо! Банник тебе в ухо! — зарычал я. — Когда ты отучишься пугать людей?

— Но я же призрак! В том мое призвание! — обиженно возразил поэт, но в его непробиваемо самодовольном голосе прозвучали нотки раскаяния. Похоже, девица и его очаровала.

— Простите нашего невидимого спутника, — галантно поклонился я, подметая пол пером на берете. — Он, видите ли, поэт и не мог удержаться при виде такой красоты...

— Ой! Говорящий котик! — с детской непосредственностью захлопала в ладоши девушка. — А можно тебя погладить?

— Э-э-э... — Я не мог найти достойного ответа. К счастью, прекрасная незнакомка уже переключила внимание на Хосе Альфонсо. Вернее, на то место, где он мог быть.

— А вы настоящий призрак? Я никогда не видела призраков... — Тут она рассмеялась своим переливчатым смехом, прижимая ладони к щекам. — Похоже, и не увижу!

— Экое чудо! — покачал головой Архимед. — Кто бы мог подумать, что в этой ледяной берлоге мы встретим такой огонек?

— Ой! Я же совсем забыла! — всплеснула руками девушка. — Вы же с дороги, наверное, устали и проголодались. И вам нужно в тронный зал!

— Где бы его еще найти? — вздохнул я. — Мы здесь уже битый час блуждаем. Королева, наверное, в гневе. Мне даже страшно представить, что она с нами сделает!

— Ну-у-у, — рассудительно протянула девушка, состроив задумчивую мину. — Возможно, она вас заморозит. Сделает из вас ледяные скульптуры, чтобы украсить сад.

— Ик! — вырвалось у Архимеда.

— Нет, скульптуры — это банально. Думаю, она привяжет вас за ноги к медвежьим упряжкам и прикажет тем бегать вокруг замка... Хотя нет — это тоже скучно. А!

Я знаю! Она заставит вас собирать мозаику из кусочков льда!

— Гм. Какое странное наказание! — удивился я.

— О! Вы еще не знаете! У королевы несколько сотен тысяч разноцветных кусочков льда самой разной формы. Вы будете день изо дня складывать из них картину. Пальцы ваши будут мерзнуть и кровоточить, — зловещим голосом произнесла девушка. — И это будет длиться годами.

— Ик! — повторил Архимед. — Откуда у такой прелестной девушки такие кровожадные мысли?

— А ты будешь заходить полюбоваться этими мозаиками? — заикаясь, произнес Николас. Судя по его виду, он был бы счастлив годами складывать мозаики даже из глыб льда, лишь бы быть рядом с незнакомкой.

— Пропал, бедолага, — понимающе проворчал Архимед. — Как кур в ошип.

— Попрошу без подобных шовинистских сравнений! — подал с седла голос Транквила. — Только несовершенные человеческие существа теряют голову при виде самок!

— Ох, заткнись, Гай! — проворчал я, заметив, что девушка слегка покраснела при словах петуха. — В этом месте слишком много колдовства, так что не удивлюсь, если она тебя понимает.

— Ну и что? Настоящий философ не боится смерти! Что есть философия, как не ежедневное упражнение в смерти?

— Отлично, тогда ты-то и будешь вести переговоры с королевой!

— С другой стороны, философ не торопит смерть, — немедленно заявил петух. — А у меня нет дипломатической жилки, Конрад. Лучше тебя с этим никто не справится!

— Спасибо, друг! — прочувствованно сказал я и даже воображаемую слезу смахнул. —

Твоя вера будет согревать меня, когда медведица решит меня прихлопнуть!

— Медведица? — переспросила девушка. — Ах, вы про королеву! Да не волнуйтесь вы так — ничего вам не будет. Я просто пошутила... А! Вот мы, кстати, и пришли!

Действительно, проклятый лабиринт закончился, и коридор уперся в гигантскую лестницу из брусков льда, уходящую ввысь. Перила по бокам ее также были выточены из льда, и каждые десять ступеней отмечали светящиеся шары на вершинах колонн. Эти светящиеся цепочки уходили куда-то высоко вверх, а там разливалось и пульсировало целое море разноцветных огней.

— Лестница ведет прямо в тронный зал — здесь вы уже не заблудитесь.

— А вы покидаете нас? — трагичным голосом воскликнул Николас.

— Мы встретимся обязательно! — Девушка помахала, как мне показалось, именно ярлу и исчезла в боковом коридоре. — Ступайте, королева ждет!

— Ах...

— Николас, хватит! Она же сказала — еще встретимся.

— Да, но когда?!

— Ужасно, — проворчал Транквилл. — Он совершенно размяк. Стоило какой-то деревенской девке подмигнуть, и ярл пошел вразнос.

— Не надо над ним смеяться, Гай, — вздохнул я. — Этому никто не может противостоять.

— Но я же могу!

— Ты — птица.

— А ты — антропологический шовинист!

Я отмахнулся от гневно встопорщившего перья петуха и скомандовал:

— Пошли! Мы и так здесь слишком много времени потеряли. Держимся перед королевой смело, но без наглости. Если сразу не прибьет, есть шанс, что я ее уболтаю!

— О-о-о-х! — простонал Архимед. — А если сразу?!

— Тогда падайте на пол и притворяйтесь мертвыми, — поделился я народной мудростью. — Говорят, медведи мертвых не трогают.

— Кто говорит-то?! Что-то я ни одного выжившего после такого идиотского поступка не видел!

— Все! Отставить бояться! Мы почти пришли. Всем приготовиться... Иезус Мария!

Лестница закончилась, и мы оказались в тронном зале. Ожидания не обманули нас — это было одно из великолепнейших зрелищ, кои доводилось мне видеть. Тот свет, что был виден от подножия лестницы, испускали сотни разноцветных сияющих шаров, висевших, казалось, прямо в воздухе на разной высоте. Свет отражался от ледяных арок и скульптур, окружавших зал, и от абсолютно гладкого ледяного пола, рассеченного широкой ковровой дорожкой цвета индиго.

Но все это великолепие отошло на задний план, стоило нам увидеть королеву. Нет, вовсе не потому, что королева была как-то особенно величественна или наряд ее был каким-то особенно богатым. Просто на троне вместо ожидавшейся белой медведицы сидела та самая девица, с которой мы расстались у подножия лестницы. Я услышал, как за моей спиной сдавленно застонал Николас.

— Чертова стерва, да, Николас? — пробормотал Архимед. — Скучающая чертова стерва. И она это слышала.

— Перестань, Архимед, мне и так хреново...

— Подойдите поближе, не бойтесь, — приказала королева. Королева? Честно говоря, ну никак она не воспринималась в качестве королевы. Так — девчонка села на трон шутки ради, пока настоящая королева отошла по делам. А может, так и есть?

— Нет, я и есть настоящая королева, — улыбнулась девица.

— Черт, ты мысли читаешь? Э-э-э... то есть простите, ваше величество, вы читаете наши мысли?

— Да не нужно этого «величества», — отмахнулась королева. — Весь этот придворный

этикет надоел мне еще... ну надоел, в общем. Мысли я ваши не читаю, хотя могу. Но не хочу — это будет слишком скучно. Но догадаться, о чем вы подумали, не так уж сложно. Вы ведь ждали увидеть здесь белую медведицу, а увидели меня.

— Да уж... прямо скажем, это было неожиданно!

— Замечательно! — захлопала в ладоши королева. — Обожаю неожиданности! Здесь так редко происходит хоть что-то новое, не говоря уж о неожиданном! Но вы ведь наверняка очень устали и проголодались! Сейчас...

Королева сделала неуловимый жест, что-то произнесла на неизвестном мне переливчатом языке, и прямо посреди зала возник стол, уставленный блюдами со всяческими яствами. Я услышал, как живот Андрэ издал отчаянный вопль... впрочем, все услышали. Да и остальные смотрели на подобное чудо в полном восторге — неудивительно после тех недель, которые мы провели на солонине, пшене и бобах. Только Николас смотрел не на стол, а на королеву.

— Прошу, садитесь. Я же говорю — обойдемся без условностей, — щебетала между тем королева, делая вид, что не замечает страдальца. — Ах да! Лошадка!

На этот раз в паре шагов от стола, прямо на льду материализовалась целая лужайка, покрытая густой травой. Иголочка опасливо ступила на магическую землю, сорвала немного травы, пожевала...

— Настоящая! Капитан, это самая настоящая трава!

— А вы очень сильный маг, — сказал я, глядя прямо в глаза королеве. — Я даже не слышал о людях, способных на такие чудеса. Может быть, вы...

— Мне очень жаль, — развела руками королева. — Я разгадала, что за проклятие на тебе лежит, но не смогу его снять. Моя магия совсем иного рода. Наложить на тебя свое заклятие я могу — в глазах других людей ты станешь выглядеть человеком, но ведь тебе не это нужно?

— Нет, — кивнул я. — Такое мне уже и Коллет предлагала. Мне нужно все или ничего.

— Коллет?

— Моя... знакомая ведьма. На самом деле это она меня заколдовала, но снять проклятие не может. Вот я и путешествую в поисках противоядия.

— Как интересно! — Королева подперла щеку пухлой рукой и мечтательно улыбнулась. — В большом мире столько всего происходит. Расскажите же скорее мне эту историю поподробнее.

На просьбу королевы, даже такой милой и демократичной, отвечать отказом как-то не принято, и я стал рассказывать свою историю начиная с моего бегства от разгневанных солдат. Спутники же мои, слышавшие эту историю уже не раз, предавались между тем обжорству. Один Николас вяло ковырялся в тарелке, по-прежнему не сводя глаз с королевы и время от времени душераздирающе вздыхая. Мне пришло в голову, что он выбрал самую неудачную тактику из возможных. Надо будет поговорить с ним позже...

— Значит, вы ищете клад, зарытый несколько веков назад? — покачала прелестной головкой королева. — Не обижайтесь, но ваша затея кажется мне безнадежной. У вас ведь ни карты, ни описания, ни даже уверенности, что клад на самом деле существует.

— Да, тут вы абсолютно правы. Но выбирать не приходится, — развел я лапами. — Прошу вас лишь об одном. Медведи рассказали, что бывают на материке по вашим поручениям. Видимо, вы делаете это при помощи магии. Наш корабль погиб. Прошу — перекиньте нас как-нибудь в Скандинавию!

— Давайте поговорим об этом позже, — улыбнулась королева. — А пока расскажите мне еще что-нибудь. Например, ты, Николас, — ведь у тебя наверняка были разные интересные истории в твоей жизни?

— Я? Да... то есть... конечно, я...

На влюбленного ярла было жалко смотреть. Королева же продолжала поощряюще улыбаться Николасу, ожидая его рассказа. Мне вдруг стало неприятно на это смотреть. Что-то было не так.

— Давайте лучше я расскажу про то, как мой отряд брал штурмом одно поместье на севере Франции! — решил я спасти Николаса. — Главной причиной, разумеется, были великолепные виноградники...

Я еще довольно долго развлекал королеву байками из своего солдатского прошлого — благо у каждого вояки в запасе всегда сотни всяких историй, правдивых и не особо. Потом начало сказываться обильное угощение, а главное — тепло. Несмотря на то что тронный зал, как и весь замок, был выстроен из льда, внутри было тепло. Этому парадоксу после демонстрации магической силы королевы удивляться не приходилось. Я и не удивлялся. И, кстати, не пил. Но после проведенных в ледяном плену недель, когда согреться удавалось лишь в кочегарке, да и то — закутавшись в одеяло, тепло подействовало сильнее вина. К чести своей скажу, держался я до последнего. Последним пал Николас, так почти ничего не съевший и не выпивший (и не произнесший связно более двух фраз). Я еще заметил, как он повесил свой длинный нос и стал тихонько похрапывать, что, впрочем, полностью терялось за могучим храпом Андрэ. Заметил и начал рассказывать очередную историю из своего боевого прошлого. На половине сообразил, что уже рассказывал ее, начал живописать атаку конницы на оборону лагеря ландскнехтов, вдруг увидел прямо перед собой несущихся во весь опор лошадей с безумно вытаращенными глазами, всадников, ошетилившихся пиками, — кажется, это были польские рейтары. Я даже увидел трепещущие позади их спин «крылья» — до сих пор не знаю, зачем они их носят. Впрочем, некоторые отряды еще и не такие украшения на себя цепляют... Помню, во сне меня этот вопрос сильно заинтересовал, и мне даже пришлось в голову подойти к полякам и спросить. А потом все смешалось, и я понял, что сплю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, повествующая о странном визите, имевшем еще более странные последствия для благородного Конрада фон Котта и его отряда

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 28 марта
16... года от Р. Х.*

Не в первый уже раз убеждаюсь, что интуиция моя подводит меня крайне редко. Чаще же бывает так, что поступаю я невзирая на предостережения чуткой души, чем и навлекаю на себя всяческие неприятности. К чести своей скажу, с возрастом я стал реже совершать подобные ошибки и всегда подозреваю в каждой ситуации второе, а то и третье дно. Особенно когда ситуация кажется кристально чистой! Конечно, жить, постоянно подозревая всех и вся, — это не по мне, слишком уж тяжело и безрадостно...

Примечание на полях. Зато — долго!

Заснул я, как выяснилось вскоре, не слишком крепко и, когда королева начала совершать магические пассы, из дремы сразу вынырнул. Как раз в тот момент все мы перенеслись из тронного зала в зал поменьше. Стол по дороге исчез, а вот Иголка перенеслась прямо вместе со своей поляной. Вошедшие молчаливые слуги — к счастью для моего душевного равновесия, люди, а не медведи — перенесли спящую команду на кровати, стоявшие вдоль стен. Я тоже притворился спящим. С одной стороны, это был хороший способ узнать что-нибудь, не предназначенное для ушей гостя. А с другой — мне было просто лень вставать и самому идти до кровати. Но вопреки моим надеждам слуги между собой не переговаривались, королева тоже молча проконтролировала наше размещение и исчезла. Ну и ладно — утро вечера мудренее, вполне можно позволить себе выспаться, а завтра уже начать расследование. А в том, что тут есть что расследовать, я был совершенно уверен. Слишком не вязались серые бесстрастные лица слуг и жизнерадостная королева. Да и сама королева, думая, что мы спим, как бы позволила себе потускнеть.

Как и следовало предвидеть, выспаться мне не дали.

Стоило мне свернуться в уютный клубок, как уши мои уловили чьи-то осторожные шаги. Двери в зале, который я окрестил «гостевым», не было — просто арка, выходящая в коридор — и мне шаги было прекрасно слышно. Кто-то подкрался к входу и замер. Теперь я слышал даже прерывистое дыхание — человек был сильно взволнован. Судя по шагам, дыханию и стуку сердца, это была молодая девушка... Кстати! Подумав об этом, я тут же сообразил, что меня настораживало в королеве — ее сердце постоянно билось ровно. Даже когда она смеялась над моими байками или замирала в ожидании кульминации, стук ее сердца оставался ровным, словно стук идеально отрегулированных часов. Кукла? Да нет, не может быть — она пахла живым человеком... ну, может, не совсем человеком, но чем-то несомненно живым. Ладно, решим этот вопрос позже.

— Да заходите уже, — негромко произнес я в сторону входа. — Здесь почти все спят.

Девушка вздрогнула, издала сдавленный вздох, но не убежала, хоть я и чувствовал, что ей этого хочется. Напротив, она наконец решилась войти в наше пристанище.

— Хм... Ты ее сестра, что ли? — поинтересовался я, разглядывая нежданную гостью. Девушка и впрямь походила на королеву. Впрочем, пожалуй, для кровного родства недостаточно. Всего лишь похожий типаж — светловолосая простоватая девушка из финской глубинки. Выглядела она, пожалуй, старше королевы, возможно, из-за того, что не лучилась такой энергией и жизнерадостностью. И вообще казалась довольно измученной.

— Ты про королеву? — спросила девушка, которую, похоже, говорящий кот ничуть не удивил. — Нет, конечно. Я же человек.

— А она?

— Сейчас я все объясню. — Девушка села рядом со мной на кровать и уставилась в пол. — Я за этим и пришла.

— Эй, тебе плохо? — встревожился я, глядя на сгорбившуюся спину и низко опущенную голову гостьи.

— Не сказала бы, что хорошо, — усмехнулась девушка. — Но это неважно. Просто устала. Я ведь здесь уже несколько месяцев живу. Приходится постоянно прятаться, оглядываться... даже спишь вполглаза. Еду на кухне украсть не всегда удается...

— Вот, значит, как... — протянул я. — Так ты враг королевы?

— А если и так?! — вскинулась девушка, на мгновение став настоящей валькирией. Глаза засияли, лицо исказилось гневом. — Она украла самое дорогое, что было моей жизни! Она... Она...

Вспышка была яростной, но очень короткой. Девушка вновь поникла и заговорила глухим, монотонным голосом:

— Кай мне как брат... нет, вру, конечно. Я люблю его, просто пока он не ушел с этой... этой... королевой, не понимала этого. Мы дружили с детства. Он был такой чудесный — добрый, умный, нежный... А потом пришла эта ведьма и забрала его. Я столько пережила, пока добралась сюда! Но опоздала. Ты же видел слуг? Здесь все вымерзает. Это только кажется, что в замке тепло. На самом деле любой, кто находится внутри замка долго, постепенно становится как рыба — с холодной медленной кровью. Я пришла спасать Кая, но он только посмеялся надо мной. И с тех пор я скрываюсь... сама не знаю для чего. Мне уже тоже многое становится все равно, видимо, тоже постепенно вымерзаю.

— Ты сказала — королева не человек. Кто же?

— Я не знаю. Но разве человек может править этими свирепыми медведями? Разве человек может творить такое колдовство?

— М-да... — Я почесал за ухом. — Значит, мои опасения подтвердились. Ну и что ты от нас хочешь?

— Мне одной не спасти Кая. А вот если бы нам объединиться...

— Предлагаешь украсть твоего любимого и потом бежать до берега, спасаясь от взбешенных медведей? — хмыкнул я. — А потом вплавь перебраться через море?

— А ваш корабль?

— Наш корабль вмерз в лед, про него можно забыть.

Мой ответ окончательно подкосил девушку.

— Это ужасно. Значит, для нас нет надежды.

— А ты сама-то как сюда добралась?

— Я вместе с медведями, — вздохнула девушка. — Королева часто посылает их на материк с разными поручениями. Медведи со своими упряжками и несколькими слугами садятся на льдину, которую королева магической силой направляет к берегам Скандинавии. Вот когда они в очередной раз приплыли за припасами, я и спряталась в одних саних под тюками с тканями.

— М-да, обратно таким путем не выбраться, как я догадываюсь.

— Да, сани-то будут пустыми. И потом, я не брошу Кая!

— Ну-ну, молодец. В наши времена редко встретишь такую самоотверженность. Мне, например, она совершенно несвойственна.

— Ты отказываешься мне помочь?! Вот так — просто?

— Нет, ну разумеется, не «просто»! Я испытываю тяжелые моральные переживания по этому поводу. Но тем не менее не вижу способа спасти этого твоего Кая. Мне хотя бы мою команду как-то вытащить.

— У тебя нет сердца!

— Вот не надо столько пафоса! Сердце у меня есть, но решения я привык принимать головой. Потому она у меня пока на плечах.

Я ожидал, что на меня посыплются новые обвинения в бессердечии или, хуже того, девушка заплачет — не выношу этого. Но она только еще сильнее сторбилась и еле слышно произнесла:

— Что ж, наверное, ты прав. Тогда ищи способ выбраться с острова и беги как можно скорее. Иначе все вы тоже станете вымороженными, как слуги.

— А ты что задумала? Пойдем с нами.

— Нет. Я не могу. Я останусь и попытаюсь спасти Кая.

— Иезус Мария! Вот дура! — прошипел я. — Черт... ладно. Пока все равно непонятно, как отсюда бежать. Объединимся и попробуем что-то сделать вместе. Может быть, и Кая твоего придумаем как вытащить.

Мое условное согласие никак не подействовало на девушку. Похоже, она и впрямь слишком долго пробыла в ледяном замке и ее кровь стала слишком холодной. Впрочем, меня это только подхлестнуло: быть котом не так чтобы очень здорово, но уж отмороженным котом — это совсем как-то глупо! Вызнав у своей новой соратницы все, что она знала о внутреннем устройстве замка, я прикинул, кого стоит взять себе в помощь. Получалось, к моему неудовольствию, что только один мой спутник подходил для шпионажа. В том, что он согласится, я не сомневался, но чего мне это будет стоить!

— Хосе Альфонсо, — произнес я в пространство. — Ты ведь не спишь?

— Да будет всем известно в этом мире, что призраки вообще не спят!

— Значит, все слышал.

— Я слышал все, хоть предпочел бы стать глухим!

— Придется нам с тобой поработать за всех. Сам понимаешь — из нашего неуклюжего ученого шпион хреновый, из Андрэ — вообще никакой, а Николас... его я не могу просить об этом. Остаемся только мы с тобой.

— Ах, что же делать — видно, в том моя судьба!

— Отлично, первым делом нужно разведать путь до черного хода. Если придется срочно уносить ноги, это нам поможет выиграть время. Девочка, ты с нами пойдешь! Если королева вздумает сюда заглянуть и обнаружит тебя, нам можно сразу копать себе могилки. А в таком слежавшемся снегу это будет утомительно. Вставай.

Ох и сильная же магия в этом дворце! За те несколько минут, что девчонка просидела в нашей комнате, она превратилась в натуральную сонную муху. Мне пришлось заставить ее пробежаться по коридору, прежде чем она начала снова что-то соображать. Глядя на едва заметный румянец, появившийся после бега на синевато-бледных щеках девушки, я

вздохнул:

— Э-э-э, девонька, похоже, у нас совсем мало времени. Скоро ты совсем замерзнешь.

— Еще дня два я продержусь, — возразила девушка. — Я сильнее, чем остальные...

— Два дня? Это же совсем ничего. Ненавижу планировать операции в спешке. Вообще-то я их в любом случае ненавижу планировать — все равно всегда все идет не по плану. Но в спешке — ненавижу сильнее в три раза!

— Прости.

— Э, ладно, ты-то тут при чем? — отмахнулся я. — Если бы не ты, мы вообще ни о чем бы не узнали, пока не замерзли. Так что я перед тобой в долгу.

— Тогда помоги мне спасти Кая!

— Гм. А ты, похоже, уже оттаяла!

Девушка, как я понял, хорошо изучила лабиринт коридоров за то время, что провела в замке. Мы быстро добрались до черного хода, которому на самом деле могли бы позавидовать парадные ворота иных дворцов, что мне доводилось видеть. Это было очень хорошо: ускользнуть через такой гигантский проем было гораздо проще. Впрочем, охраны здесь все равно не было.

— Так она и не нужна, — пояснила девушка. — Мы ведь на острове. Здесь больше никого нет. А если кто и проберется в замок, королева будет только рада такому развлечению. Ну а тех, кого она заманивает сюда, мысль о побеге и не посещает: здесь же так замечательно, весело — зачем убегать? А потом становится все равно. Человек даже не замечает, что с ним что-то произошло.

— Понятно. — Я еще раз осмотрел выход, отметил, что рядом с ним находятся склад и кухня. — Теперь у нас более опасное дело — пробраться к покоям королевы и узнать ее планы. Надеюсь, в ближайшее время ей понадобится отправить слуг на материк.

— Но мы ведь уже решили, что это бессмысленно!

— Мы это решили теоретически. А надо проверить на практике! Да и вообще — знать планы противника всегда полезно!

До покоев королевы мы добрались без проблем. Собственно, в этом сонном царстве как-то специально осторожничать необходимости не было. Встреченные нами слуги смотрели прямо перед собой остекленевшими глазами и нас даже не заметили. Сами покои мы нашли на последнем этаже центральной башни. Я заметил, что чем выше мы поднимаемся, тем запущеннее выглядит замок, и засомневался, что королева будет жить в таком месте, но девушка уверенно вела нас вверх. В конце концов мы оказались в довольно узком проходе, ведущем к одной-единственной двери. Вернее, как и во всем дворце, дверей как таковых не было — только дверной проем. Я принял себя, насторожил уши... да, похоже, королева у себя. Тихо прошептал призраку:

— Хосе, теперь вся надежда на тебя. Только не особо высовывайся — вдруг она может разглядеть тебя.

— И что мне делать там прикажешь? — слегка дрожащим голосом спросил призрак. — Ужель ты думаешь, она сама с собою будет говорить?

— Пока просто разведай обстановку. Не трусь, ты же призрак — что она тебе может сделать?

Хосе Альфонсо издал призрачный вздох, но возражать больше не стал. Я приказал девушке спуститься на пролет ниже и бегать или хотя бы ходить, но ни в коем случае не сидеть. После чего стащил с лап сапоги и начал ходить взад-вперед, благо у меня это получалось бесшумно. Пока особой сонливости я в себе не чувствовал... ну, вернее, спать хотелось, но не больше, чем всегда — я же кот, в конце концов. Время, как всегда это бывает, когда чего-то ждешь, тянулось невыносимо медленно. Потом словно холодный ветерок прошелся рядом со мной, и я прошептал:

— Хосе, ты вернулся?

— Я, друг мой кот, кому ж еще, кроме меня?

— Что-нибудь важное узнал?

— Нет, королева спит. Послушай, Конрад, неужто обязательно нам быть с прекрасной дамою врагами?

— Хосе Альфонсо, ты о чем вообще? Только не говори мне, что тоже влюбился в эту ведьму!

Призрак промолчал, и я схватился за голову.

— Да что с вами такое?! Я еще понимаю — Николас, по сути еще мальчишка. Ему в самый раз влюбляться. Но ты! Ты же призрак! Тебе влечение к женщине должно быть чуждо!

— Ну при чем тут это? — вздохнул Хосе. — Мне ее просто стало жалко. И противно оттого, что я слежу за ней.

— Хосе?! — Я поспешно зажал лапами рот. Потом, прислушавшись и удостоверившись, что королева продолжает спать, прошептал: — Ты можешь говорить нормально? Не стихами?

— Могу, — нехотя ответил призрак.

— Так какого же дьявола ты нас мучил все это время? Я-то думал, это на тебе проклятие такое...

— Я же этого не говорил. Ты сам придумал и сам поверил.

И не поспоришь ведь!

— Ладно, мы это потом обсудим. Когда выберемся отсюда. Или ты предпочтешь остаться в замке? Вполне подходящее место для призрака...

— Откуда, смертный, тебе знать, какое место призраку подходит?

— Ты опять за свое?! Думаешь, я буду терпеть это теперь, когда знаю, что ты можешь нормально разговаривать?

— А куда ты денешься? — нагло осадил меня Хосе Альфонсо.

Я не нашел что ответить распоясавшемуся призраку. Да и голова была занята совсем другим.

— Слушай, Хосе Альфонсо, нравится тебе это или нет — королева наш враг! Она может выглядеть милой, несчастной, беспомощной, но ты видел сам — ее чары лишают людей воли к жизни. Либо мы выберемся отсюда, либо превратимся в таких же снулых рыб, как слуги, которых ты видел на нижних этажах. Мы все — я, Андрэ, Николас, Архимед. Наверное, и Транквилл с Иголкой — тоже. Ты это понимаешь? Тогда изволь помогать мне. Я сейчас отправлюсь с девчонкой искать ее Кая, а ты останешься здесь и будешь запоминать каждое слово королевы. Возможно, это все бессмысленно, а возможно, спасет нам жизнь. Ну как, ты справишься?

— Д-да...

Я, конечно, предпочел бы более внятный ответ, но пришлось довольствоваться и этим вялым «Да». Ох, люди, как же много для вас значат ваши эмоции... Я вздрогнул, осознав эту мысль. Что-то со мной не то творится... Ладно, не сейчас!

Я спустился на пролет ниже, где обнаружил нашу неожиданную союзницу, послушно расхаживающую по коридору. Похоже, эта терапия сказалась на девушке, и она уже более-менее напоминала живого человека. Увидев меня, девушка даже оживилась.

— Узнали что-нибудь?

— Пока нет, да и удивительно было бы вот так сразу вытянуть козырной туз. Ничего, этот надоедливый призрак остался и рано или поздно узнает что-нибудь полезное. А мы пока найдем твоего возлюбленного.

Я вздохнул. Ну что ж, пообещал — изволь выполнять.

По словам девушки, Кай, пробывший в ледяном замке дольше нее, уже стал таким же отмороженным, как и слуги, которых мы видели. Но парень всегда отличался острым рациональным умом и жадой познания, которые из-за потери эмоций только обострились. Благодаря этой особенности он не потерял интереса к жизни, и, когда надоел королеве, она определила Кая в библиотекари. Это мне совсем не понравилось.

— Как я понимаю, он вполне доволен своей участью. Как мы его заставим бежать? Был

бы он безвольной куклой вроде слуг, Андрэ просто взвалил бы его на плечи и утащил. Но ведь он наверняка будет сопротивляться?

— Наверное. Я понимаю, это проблема...

— Ну вообще-то для Андрэ большой разницы нет. А вот для меня — есть. Красть человека против его воли мне кажется неправильным.

— Но это для его же блага!

— Знаешь, девочка, хоть я и не стар — совсем не стар! — но успел многое повидать в этой жизни. Самые ужасные преступления и жестокости в этом мире творятся именно с этими словами на устах. Человек, который считает себя вправе решать за другого, что для того благо, а что — нет... это страшный человек.

— Но... но... это же на самом деле для его блага! Он же превратился в раба этой ведьмы! Ты же сам видел — она превращает людей в безмозглых рабов!

— Как я понял, положение Кая в корне отличается от положения остальных слуг. Он прекрасно осознает, что с ним произошло, и вполне доволен своим положением. Он ведь даже отказался бежать с тобой, так?

— Да, но... как же я? — всхлипнула девушка. — Я не могу-у-у без него!

— Вот! С этого и надо было начинать. Признайся себе, что делаешь это не для блага Кая, а в собственных интересах.

Девушка метнула в меня яростный взгляд и упрямо замотала головой.

— Ну, ну... Я смотрю, наш короткий разговор гораздо сильнее разогрел твою кровь, чем бег по коридору.

— Ты что же, меня специально злил?!

— Отчасти. Мне нужна будет настоящая активная сообщница, а не еле переставляющий ноги полу труп. Но вообще-то я сказал тебе то, что думаю на самом деле. Просто я не знаю, как поступить в такой ситуации правильно. И вообще — есть ли в такой ситуации правильное решение. Так что я все равно помогу тебе.

— Но почему?!

— Да просто мне не нравится, когда из меня делают дурака! — отрезал я. — Мне будет приятно натянуть нос этой хитрой ведьме. Представляю, как она взбесится, когда узнает, что мы ее провели, да еще и библиотекаря украли!

— И все? Это все причины помочь мне? И ты мне еще говорил про мораль?

— А ты больше слушай, что тебе кто-то говорит! — фыркнул я. — Я бывший наемник. Ландскнехт. А теперь еще и кот. Откуда у меня мораль?

Тут мы как раз добрались до входа в библиотеку, и я, оставив девушку размышлять над этой сентенцией, вошел внутрь. Да-а-а... Надо признать, библиотека ледяного замка впечатляла! Даже мне, человеку к книгам вполне равнодушному, было совершенно ясно, что я попал в настоящий рай для книгочея. Огромный зал был плотно заставлен узкими высокими шкафами. Я даже приблизительно не взялся бы сказать, сколько тут книг. На некоторых полках я заметил ветхие свитки из папируса, на других лежали стопки глиняных пластинок — похоже, здесь собраны были письменные источники всех времен и народов. Неужели королева так любит читать? Впрочем, она ведь колдунья, а значит, ей просто необходимо много знать. Вот же и Коллет тоже целыми днями пропадает в дворцовой библиотеке... Эх... Лишь бы у нее там все было в порядке!

Задумавшись о своей рыжей ведьме, я едва не налетел на человека, стоявшего на небольшой стремянке, прислоненной к книжному шкафу. И неудивительно — человек стоял настолько неподвижно, что сам казался каким-то причудливым предметом мебели. К тому же коричневый камзол, такого же цвета штаны и чулки, вообще вся одежда — все сливалось с деревом полок и кожаными корешками фолиантов. Волосы у человека тоже были древесного цвета. Выделялось только лицо — бледное с синевой, как у всех встреченных мною в замке людей. Но смотрел на меня он вполне живым взглядом. Я бы даже сказал — пронзительным, казалось, вместо глаз у него стеклянные линзы, как в подозрной трубе.

— Ты не кот.

Я чуть не на метр подскочил от неожиданности. Меньше удивило бы меня, заговори статуя. А человек подумал и выдал второе умозаключение:

— И не человек. Оборотень?

— Сам ты оборотень! — разозлился я из-за того, что позволил себя так напугать. Иезус Мария! Так искусно прикинуться мебелью — это талант!

— Я не прикидывался мебелью, я читал книгу, — бесстрастно произнес человек. — Пугать тебя я тоже не хотел.

— А я и не испугался! С чего ты взял?... Ладно, неважно!.. Ты ведь Кай?

Человек некоторое время молча разглядывал меня, потом неожиданно резюмировал:

— Я не пойду с вами. Передайте Герде, что это глупо. И вам не советую уходить. Это прекрасное место. Впрочем, все равно вам не удастся уйти.

— Как ты... а! Ну конечно! Я назвал тебя по имени, и ты догадался, что его мне сказала твоя подружка — Герда, да? Красивое имя. И остальное ты тоже вывел путем логических построений?

— Да. Наблюдать и делать логические умозаключения просто. Странно, что далеко не все люди это умеют.

— И не говори... Слушай, я здесь не для того, чтобы тебя уговаривать бежать с нами. Но, похоже, ты больше всех тут разбираешься в ситуации и можешь мне объяснить, что происходит. Может быть, я и вправду не стану убегать. И Герду уговорю остаться.

Скулы Кая слегка порозовели от моей нехитрой лести. Похоже, парень не так уж вымерз, как кажется. И, пожалуй, не так уж умен. Тщеславие, видать, настолько сильное чувство, что его даже местное колдовство не берет!

— Ты прав, в этом замке только королева знает больше меня. Но она любит играть в загадки и редко что-то говорит прямо. Пожалуй, я потрачу на тебя некоторое время. Спрашивай.

— Хм... Прежде всего, кто такая королева? Откуда у нее такая сила? И зачем она делает это с людьми.

— Это? А! Я понимаю, о чем ты говоришь. Но ты ошибаешься. И Герда ошибается. Я пытался ей объяснить, но ее душили гнев и ревность, потому она не смогла меня понять.

— Это меня-то душила ревность?! Ах ты чурбан ледяной!

В следующее мгновение, отбросив меня с дороги, к стремянке подлетела Герда и точным ударом вышибла ее из-под Кая. Библиотекарь попытался уцепиться за полку с книгами, но это привело лишь к тому, что шкаф качнуло вперед и с полок обрушилась настоящая лавина книг, погребя под собой и парня, и девушку.

— Очень мило, — вздохнул я. — А главное — как своевременно! Не нужно было тебя отогревать. С замороженной было меньше проблем.

— Предатель! — между тем доносилось из-под книжного кургана. — Как ты мог променять меня на эту ледяную статую?!

— Герда, ты говоришь ерунду. — Даже в такой ситуации голос Кая оставался ровным, рассудочным. — С королевой меня не связывают никакие романтические отношения. Она просто предоставила мне возможность заниматься любимым делом. Я не хочу возвращаться потому, что во всей Дании не найти столько книг, сколько собрано в этом зале. Вот и все.

— И это меня должно успокоить?! Ты променял меня на книги — это еще более унижительно!

— Ужасно унижительно! — поспешил я согласиться. — Самовлюбленный эгоист.

— Бесчувственный болван!

— Бессердечный! — подлил я масла в огонь.

— Тебе книжки дороже меня?!

— Он явно недостойн твоей любви, — поспешил я воспользоваться моментом. — Предлагаю бросить его здесь.

— Не-э-эт... — захныкала девица. — Я его люблю-у-у-у!

— Черт, сорвалось! — вздохнул я. — Ну ладно, выкапывайтесь, что ли. Или вы решили

там гнездо свить?

Кое-как странной парочке удалось выбраться из кучи книг. Зареванная Герда уселась на пол, обхватив колени, и застыла с выражением крайнего отчаяния на лице. Даже Кай выглядел несколько смущенным, впрочем, возможно, так просто казалось из-за здоровенной шишки на лбу. Оглядев разгром, он бросил осуждающий взгляд на девушку и принялся расставлять книги по полкам. Я устроился рядом, делая вид, что ничего особенного не произошло.

— Так о чем ты говорил до того, как... мм... ну, в общем, что ты имел в виду?

— Вы видите в королеве злобную колдунью, а это не так. Скажи, кот, у тебя на родине ведь держат в клетках канареек и прочих певчих птиц?

— Э... ну да. Я понимаю, к чему ты клонишь. Но ведь то — просто птицы. И в клетках им лучше, чем на воле... гм... да, понимаю — глупо звучит.

— Вот именно. Понятия «лучше» и «хуже» слишком неопределенны, чтобы так легко ими оперировать. Королева искренне считает, что людям в ее замке лучше живется, чем на воле. И во многом она права — ее слуги обеспечены кровом, прекрасной едой, не слишком обременены работой. Все, чем им пришлось пожертвовать, — их эмоции. Небольшая плата, я считаю.

— Я видел этих людей, — возразил я. — Они вовсе не кажутся счастливыми. Потеряв способность испытывать сильные чувства, они вообще перестали что-либо желать.

— Разве это плохо? Адам и Ева до грехопадения не знали желания и были счастливы. Именно желания причиняют нам страдания: когда нам не удается их исполнить, мы страдаем от этого. Но даже если наши желания исполняются, мы страдаем от разочарования, потому что ожидания никогда не оправдываются. Желания толкают людей на безрассудные поступки, мучают годами и десятилетиями, затмевая разум. Не думаешь ли ты, кот, что избавить людей от желаний — это и значит сделать их счастливыми. Да, они не прыгают от радости, но это не значит, что они несчастны, просто их счастье в постоянном спокойствии.

— Брр... — содрогнулся я. — Послушать тебя, так самые счастливчики на кладбище лежат.

— Ты высказал очень мудрую мысль...

— Иезус Мария! Ну уж нет, такое счастье не для меня. Послушай, книжник, ты просто никогда не мчался на коне в атаку, не зная, пролетит ли следующая пуля мимо или нет. Когда бой закончился и ты понимаешь, что жив, вот это счастье! Когда откидываешь полог кровати и встречаешь горячий взгляд любимой женщины — вот это счастье! Да, черт возьми, когда опустошил в кабаке последний кувшин вина и вдруг обнаруживаешь в кармане еще несколько монет — это тоже настоящее счастье! А ты мне подсовываешь какую-то пресную кашу. Тебе с монахами о таком счастье лучше поговорить! И даже они, скорее всего, над тобой посмеются!

— Ты такой же глупец, как и все люди, — с едва заметным сожалением произнес Кай. — Ничего, несколько дней здесь, и ты станешь лучше понимать меня.

— Да не останусь я тут ни дня лишнего! — отмахнулся я. — Тем более после этого разговора!

— Королева тебя не отпустит.

— А! Кстати, зачем мы вообще сдались королеве? Ей слуг не хватает?

— Нет. Просто ей скучно. Невыносимо скучно. Можешь ли ты представить, что такое жить одной в этой ледяной пустыне тысячелетия? А люди, пусть ненадолго, развлекают ее.

— Ничего себе — ради развлечения... Стоп! Ты сказал — тысячелетия?!

— Да. Я не знаю, сколько именно, но много.

— Разве человек может столько прожить? Даже самые могущественные колдуны смертны... А она выглядит совсем девчонкой!

— Потому что она не человек. Она — эльф. Последний эльф этого мира.

— Гм. Я почему-то был уверен, что эльфы выглядят иначе. Ну вроде как это ж такие мелкие рыжие типчики в зеленых кафтанчиках, которые живут в лесах. И с чего это она —

последняя? Этих эльфов в каждом лесу полно!

— Ты так уверенно говоришь, словно каждый день с ними встречаешься, — возразил Кай. — Я же говорю не о вымышленных существах, которыми безграмотные крестьяне населяют леса и холмы. Амаэс — последняя из древнего народа, покинувшего этот мир задолго до того, как в него пришли люди.

— Хватит заливать! Сам я, правда твоя, эльфов не видел, но встречал людей, которые их видели. Ну пусть они что-то и перевирают, но, если эльфы так давно исчезли, откуда про них вообще знают?

— Миры не изолированы, — пожал плечами Кай. — То с той стороны сюда кто-то придет, то отсюда на ту сторону кто-то случайно попадет, а потом вернется и рассказывает небылицы. Иногда люди что-то улавливают во сне или в поэтических видениях. Но только Амаэс живет здесь постоянно. Теперь понимаете, почему люди для нее — как для нас канарейки?

— Я ее понимаю. Но это не значит, что не попытаюсь доказать, что я — не канарейка! Будет знать, как связываться с Конрадом фон Коттом! Тоже мне... столько на свете живет, а ума не набралась!

— Ты сумасшедший? Кто ты против ее силы? Ей подвластна древняя эльфийская магия, а ты — всего лишь говорящий кот.

— Думай так и дальше, — нахально усмехнулся я. — Надеюсь, твоя хозяйка меня тоже всерьез не восприняла. Скажи лучше, а чего ради она здесь осталась-то? Ну то есть если все ее родичи ушли в этот другой мир, то там по-всякому будет веселее, чем посреди ледяного острова.

— Этого я не знаю. Королева не пожелала об этом говорить. Видимо, это какая-то древняя тайна.

— Понятно. — Я почесал за ухом и встал. — Ну что же, спасибо тебе. Думаю, команда моя уже выспалась, пора с ними поговорить. Вставай, Герда, хватит кукситься. Ты же знала, что именно такой результат нас и ждет.

— Променять меня на какие-то книжки, — простонала девушка. — Как он мог?

— Как, как... Вот так! Вставай же. Пойдем. Это всего лишь магия. Не расклеивайся. У парня просто помутился рассудок. Ты же не думаешь, что мужчина в здравом уме предпочтет женщине книги? Нет, такие тоже встречаются, но если твой Кай из этих извращенцев, то и жалеть о нем не стоит! Вот так, утри сопли... э-э-э... слезы, вставай и идем.

— Конра-а-а-ад! Я же лучше, чем книги, д-а-а-а?

— Лучше, лучше, успокойся!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, повествующая о гениальном плане спасения, предложенном Архимедом Анунакисом, и странном разговоре благородного Конрада фон Котта с королевой

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 29 марта
16... года от Р. Х.*

Хороший отряд — а я говорю о действительно хорошем отряде — состоит из опытных мастеров разных талантов. И речь не о воинских умениях, ибо оные подразумеваются само собой, а о талантах вполне мирных. Нужен отряду свой кузнец, чтобы в дальнейшем походе не обезножели лошади, нужен и мастер-оружейник, чтобы починить мушкет или помочь выбрать меч у торговца. Нужен повар, еду которого можно есть неделями без отвращения... да много кто нужен хорошему отряду! Командир же отряда должен обладать талантом сплавивать всех этих людей и заставлять их действовать согласно плану, который он разработал.

Примечание на полях. Или хотя бы активно поучаствовать в разработке плана.

В таком виде мы и вернулись в гостевой зал — хнычущая Герда и ваш покорный слуга, всячески успокаивающий ее. По правде говоря, пока мы шли от библиотеки до нашего пристанища, девчонка успела меня довести до тихого кипения. Я вообще женские слезы плохо переношу. А тут на меня обрушился целый водопад, перемежаемый сентиментальными воспоминаниями о том, как раньше им — то есть Каю и Герде — было здорово вместе. Я сохранил здравый ум и не взорвался, наверное, только потому, что ледяная магия и на меня начала действовать.

Наш отряд не только проснулся, если не считать Андрэ, но и пребывал в состоянии паники. Причиной оной был Архимед, который, проснувшись, не обнаружил меня в комнате и почему-то решил, что меня ночью украли и съели медведи. Видимо, ледяная магия не у всех вызывает улучшение умственных способностей.

— Ну ты хоть подумал бы — с чего им меня красть? Я здесь самый мелкий, если не считать Транквилла.

— Все остальные были на месте, — выдвинул железный аргумент Архимед. — Нет, вы только посмотрите — мы тут переживаем за него, а он появляется весь такой спокойный, да еще и с какой-то девкой!

— Это не «какая-то девка» — это Герда. Будьте с ней помягче, она многое пережила за последнее время.

— Например, встречу с тобой?

— Уймись, Архимед. Дело серьезное. Мне нужно кое-что вам рассказать...

Рассказ мой занял не так уж и много времени, да и то время в основном ушло на то, чтобы успокаивать Николаса, который не верил в коварство королевы и ничего не желал слушать. Из-за него приходилось постоянно прерываться и уговаривать ярла вернуться на место и дослушать. Под конец тот выглядел не лучше Герды — весь в слезах и соплях. Убедить мне его так и не удалось, единственное, чего я добился от него, — обещания не мешать нашим планам. А планы начали рождаться, стоило Архимеду уяснить задачу.

Правда, первую его идею — собрать из подручных средств несколько огромных воздушных змеев и улететь на них — я отверг сразу. Даже безучастный ко всему Николас, услышав этот план, очнулся и красноречиво покрутил у виска пальцем.

— Я прекрасно понимаю твоё стремление летать, — приободрил я поникшего было изобретателя. — Честное слово, понимаю. Ведь свободный полет — мечта любого разумного...

— Говори за себя! — вылез Гай Транквилл. — Я вот не умею летать и не стремлюсь!

— Я хотел сказать «разумного человека». Не мешай, мы тут решаем, как нам всем спастись, так что не до твоих шуточек. Архимед, давай исходить из того, что у нас есть и что реально нас спасет, не переломав при этом кости.

— Всякую проблему надлежит рассматривать как алгебраическую задачу! — наставительно произнес Архимед. — В данном случае мы имеем сложное уравнение, которое следует разбить на составные задачи. Первая задача наиболее простая — как нам выбраться с острова.

— Ничего себе — простая! Да это и есть корень проблемы!

— погоди, Конрад! Что у тебя за привычка вечно лезть всюду, даже если ничего в этом не смыслишь? Если ты такой умный, может быть, сам составишь план?

— Ладно, ладно! — Я примирительно похлопал изобретателя по плечу. — Не кипятись! Я просто удивился.

— Тогда слушай и не перебивай — все станет ясно в свое время. Итак, просто убежать с острова не так уж и трудно. Ты, Конрад, сказал, что видел возле черного хода сани?

— Да, похоже, это те самые, на которых нас привезли сюда. Видимо, медведи их потом убрали от парадных ворот. Но как мы на них поедem-то? Медведи нас вряд ли отвезут к кораблю. Да и корабль-то мы так и не починили...

— Опять ты торопишься!.. Как ни грустно это говорить, но с кораблем нам придется

расстаться. Ничего, главное — он подтвердил мои идеи и теперь будет жить в новых кораблях, которые я построю по его чертежам!

— Но тогда на чем мы поплывем? Не на санях же!

— Именно на санях!

— Архимед... Они, конечно, деревянные и не утонут, но плыть по пояс в ледяной воде — занятие очень нездоровое!

— А вот для этого нам понадобится кое-что, виденное тобой на складе, — я недаром тебя так подробно расспрашивал!

— Да? Я-то думал, ты беспокоишься о своей сумке с инструментами...

— Ну и о ней, разумеется, я тоже беспокоился! Но не только. Ты сказал, что там целая куча тюленьих шкур — ведь так?

— Да... помню, есть такое. Но они не очень-то хороши. Похоже, это шкуры с убитых медведями тюленей — там много с рваными краями и дырками. Торговцы за такой товар много не дадут.

— Конрад! Ты о чем думаешь вообще? Нам эти шкуры нужны, чтобы выбраться отсюда, а не чтобы ими торговать!

— Гм... И как это они нам помогут выбраться?

— Если бы ты меньше болтал... а, ладно, это все равно невозможно! Шкуры нужно будет украсть и сшить вот по такому принципу. — Архимед быстро набросал рисунок на куске пергамента. — Еще нужно будет раздобыть смолу или воск.

— Вроде я среди еды видел пчелиные соты с медом...

— Мед?! Я тоже хочу!

— Иезус Мария! — Я выругался: —...! Андрэ, не делай так больше!

— А? Че? А где мед?

— Нету никакого меда, успокойся.

— Дык это... как же успокоиться-то? Если меда-то нету?

— Архимед, не обращай на его величество внимания, давай дальше свой план.

— Съели уже, да? Не могли меня разбудить?

Архимед ошалело потряс головой, но смог-таки вернуться к разъяснению своего плана:

— Швы необходимо будет просмолить или очень хорошо промазать воском. Потом цепляем ремнями к саням, и получается вот такая штука. Я уверен, что на воде сани будут держаться отлично.

— Хм... ну, допустим, это сработает, — нехотя согласился я, подозрительно разглядывая странную конструкцию на рисунке. — Но как мы доставим сани на берег? И королева — она же попытается нас остановить!

— А вот это как раз — следующие составляющие нашей задачи. Нужно придумать, как доставить сани вместе с нами и припасами на берег — раз. И придумать, как сделать так, чтобы королева не смогла нас остановить, — это два. Более того, раз она может направлять льдины к материку и обратно, возможно, она и нас сможет развернуть. Нужно это предотвратить.

— Предлагаешь ее... — Я опасливо покосился на Николаса и сделал многозначительный жест, — того?..

— Конрад?!

— Нет-нет, я же и хотел сказать — я против такого варианта! Да мы с ней просто не справимся, только разозлим.

— Разозлить нам ее так и так придется, — пожал плечами Архимед. — Я вижу только один способ, как нам избавиться от преследования королевы. Нам нужно временно чем-то ее так занять, что ей будет не до нашего побега.

Я понимающе хмыкнул.

— Первое, что приходит на ум, — поджог. Но лед не горит.

— Зато он тает. Мы не станем поджигать замок, мы его растопим!

— Э-э-э... такую громадину?! Архимед, я тебя уважаю, но это нереально.

— И это мне говорит человек, который собирался поспорить с судьбой?!

— Гм... — Я не нашел что возразить. — Ну ладно, как ты собираешься это сделать?

Архимед начал было говорить, но тут вдруг очнулся от своего сплина Николас, и не только очнулся, но и коршуном набросился на нас:

— Как вы вообще можете обсуждать такое?! Вы с ума сошли! Я вам не позволю вредить ей!

— Николас, это ты с ума сошел! — рявкнул я. — Она нас собирается превратить в каких-то живых мертвяков, а ты о чем думаешь?

— Почему вы верите ей? — Николас обвиняющим жестом указал на Герду. — Почему верите ей, а не королеве? Королева нас приняла как дорогих гостей, а вы...

— Николас, успокойся. Я ей верю, потому что кое-что заметил сам. И Герда только подтвердила мои подозрения. А еще я видел здешних слуг...

— Прекрати это! — оборвал меня Николас. Смотреть на него было одновременно страшно и жалко. Ярла трясло как в лихорадке, глаза запали и светились как у безумца. — Прекрати! Я не позволю причинить вред королеве! Даже если мне придется драться с вами со всеми...

— Подожди, Архимед, — остановил я изобретателя, хотевшего что-то возразить разошедшемуся ярлу. — Сейчас с ним бесполезно спорить. Он все равно ничего из твоих слов не воспримет.

— Не надо говорить обо мне так, словно меня здесь нет!

— Тебя и правда здесь сейчас нет, — ответил я. — Но мы не будем сейчас спорить. Подожди немного, посмотри вокруг... А потом поговорим. Ты можешь даже рассказать о наших планах королеве...

Николас дернулся, как от пощечины. В следующее мгновение в лоб мне смотрели два его пистолета.

— Ты! Ты назвал меня предателем?!

Рассказывая о такой ситуации, принято небрежно говорить: «Но я бестрепетно посмотрел смерти в глаза!» Вполне возможно, я тоже буду так говорить — когда-нибудь потом, когда забуду, как у меня все смерзлось в животе в тот момент. Все-таки обезумевший от любви потомок берсеркеров, целящийся в тебя из пистолетов, — не самый удачный случай для проявления героизма. Правда, лицо мне сохранить удалось, благо у меня не лицо, а кошачья морда, по которой трудно понять, что я чувствую. Так что я выдержал многозначительную паузу (на самом деле собирался с духом, чтобы хоть голос не дрожал) и произнес со всем доступным в такой ситуации безразличием:

— А ты подумал, что, если промолчишь, это будет предательством по отношению к королеве? Куда ни кинь — везде клин получается, Николас. Ты себя загнал в угол.

Николас неожиданно всхлипнул и сел на кровать, безвольно свесив голову.

— Я... это неправильно. Я понимаю — вы думаете, я сошел с ума. Это не так... да, я сошел с ума, но я все понимаю. Но вы неправы... она не такая! Она... она добрая...

Убедившись, что пистолеты теперь смотрят в пол, я перевел дух и чуть слышно шепнул Архимеду:

— Ледяная магия.

Изобретатель понимающе кивнул:

— А если мы тоже?

— Нужно постоянно себя разогревать. Двигаться. Думать о чем-нибудь, вызывающем сильные эмоции. Это даже лучше, чем двигаться физически. Вот, смотри... Герда, а может, все-таки оставим Кая — ему тут, похоже, нравится.

Девушка, довольно безучастно наблюдавшая за нашим спором, мгновенно преобразилась в настоящую фурию.

— Оставить моего Кая этой ледяной стерве?!

— Вот видишь? — спросил я Архимеда. — Такого эффекта не добиться, даже если целый час бегать по коридорам.

— Конрад... Ты иногда сам не понимаешь, насколько бываешь жесток!

— Я тебя умоляю! Ты и доктора, прижигающего рану, назовешь жестоким? А что делать? Доктору надо предотвратить антонов огонь, мне — предотвратить ваше вымерзание. Методы жестокие, но других не придумали.

— Такому доктору, как ты, я не доверил бы и лошадь!

— О! Еще одна жертва неразделенной любви к айсбергу пожаловала, — проворчал я. — Ну, узнал что-нибудь?

— Я многое узнал, но вряд ли то, что нужно, — ответил Хосе Альфонсо. — Тем более что королева следует сюда и все сама вам скажет.

— Так... — Я обернулся к Герде: — Так, девочка, быстро прячься куда-нибудь! Нам пока рано карты открывать.

Герда послушно кивнула и выбежала из комнаты. Я окинул взглядом наш отряд. Архимед выглядел лучше всех — оно и неудивительно, изобретатель по складу характера похож на Кая, и вымерзание на него действует не так сильно. Николас опять впал в прострацию, и на этот раз, похоже, основательно. Андрэ беспокоил меня сильнее всех. Он и так-то флегматичен сверх меры, а что с ним будет под воздействием ледяной магии? Я присмотрелся к королю. Да... Руки безвольно опущены, ничего не выражающее лицо, глаза тусклые — еще немного, и он станет копией местных слуг. Без цели, без желаний...

— Ну как вам спалось, гости дорогие? — Королева так и лучилась приветливостью. — Не желаете ли позавтракать в моем обществе?

— А то! Конечно, желаем! Давно пора — у меня уже брюхо к позвоночнику прилипло!

М-да... Похоже, об Андрэ я напрасно беспокоился. Его основное желание не победит никакая магия.

Королева понимающе усмехнулась, сделала сложное движение руками и произнесла длинную фразу на своем переливчатом языке. Мы вновь оказались в тронном зале. Стол уже стоял накрытым — то ли королева сразу при помощи магии создавала все, так сказать, в комплекте, то ли просто не хотела, чтобы мы видели ее отмороженных слуг. Вести застольную беседу вновь пришлось мне одному: слишком прямодушный Архимед вряд ли смог бы непринужденно шутить с врагом, Николас продолжал молча страдать, а Андрэ я сам запретил вступать в разговор, потому как враг там королева нам или нет, но разговаривать с половиной свиного окорока во рту — это никуда не годится. Вот и приходилось развлекать королеву в одиночку, хотя глаза немилосердно слипались — я же всю ночь потратил на разведку.

Когда опустошенные нами блюда со стола исчезли и, повинувшись жесту королевы, появился десерт, я решил сделать последнюю попытку решить все миром.

— Ваше величество, вы оказали нам честь, о которой только может мечтать человек, и ваше общество, несомненно, прекраснейшее из возможных. Не хочу показаться невеждой, но, увы, обстоятельства, побудившие меня отправиться в это путешествие, слишком серьезны и неотложны. Потому я хотел бы вернуться к моей вчерашней просьбе — отправьте нас как-нибудь на материк. Или вызвольте из льда наш корабль и позвольте его починить, дабы мы могли продолжить свой путь на нем.

Королева очаровательно улыбнулась:

— Зачем вам куда-то плыть? Разве здесь у вас нет всего, что только может пожелать человек? А если чего-то и не хватает — только скажите, и это будет доставлено немедленно.

— Но... я ведь рассказал вам свою историю! Вы сами признались, что не можете меня расколдовать — не коротать же мне весь оставшийся век в кошачьей шкуре?!

— А разве тебе в ней так плохо? — искренне удивилась королева. — По-моему, быть котом не так уж и плохо. Я вот очень жалею, что при всем своем могуществе не могу превратиться в какого-нибудь зверя хоть на время.

— Вам надо с Коллет поговорить, — посоветовал я. — Думаю, она вам свое зелье охотно даст. Только заранее подберите такое ограничивающее условие, чтобы без труда вернуться в человеческий облик — поверьте, вам этого очень быстро захочется.

— Не думаю... Я всегда мечтала... — На минуту лицо королевы стало непривычно грустным, но она тут же спохватилась и беззаботно махнула рукой: — Ах, да неважно! Спасибо за хороший совет, Конрад. Надо будет послать в этот ваш... Бублинг?.. Надо будет послать делегацию.

— Только не медведей!

— А-ха-ха! Ну конечно нет — им же там жарко будет! Не беспокойся, у меня есть доверенные слуги, которым можно поручить такую миссию.

— Однако есть еще один момент, про который вы забыли, — посланец Тьмы. Я бы не хотел, чтобы из-за меня вы и ваш замок подвергались опасности!

— Посланец Тьмы? — Королева рассмеялась своим восхитительным смехом. — Ох, Конрад, не беспокойся об этом! На самом деле мне очень хочется посмотреть на твою встречу с этим посланцем! Я так люблю неожиданности!

— Что ж... Как скажете, моя повелительница! — учтиво поклонился я. — Желаете ли послушать еще какие-нибудь истории или вас ждут государственные дела?

— Какие тут могут быть государственные дела? — хмыкнула королева. — Но кое-что мне нужно будет сделать, так что мы на время расстанемся. Обед вам доставят в вашу комнату, а вечером мы встретимся опять — я собираюсь устроить фейерверк.

— Фейерверк?

— О да! Это одно из моих любимых развлечений. Здесь, среди снега и льда, это особенно волшебное зрелище. Позволю себе маленькое хвастовство — фейерверки мне поставляют лучшие мастера из Чайны! А уж они-то знают свое дело!

Когда мы вновь оказались в гостевом зале, Архимед сразу бросился ко мне и, оттащив в сторону, стал строить такие странные гримасы, что я даже слегка испугался.

— Э-э-э... Устрицы были несвежими? Или в салате слишком много специй?

— Какие устрицы?! — прошептал Архимед, опасливо косясь на Николаса. — Фейерверки!

— Ты хочешь посмотреть на фейерверки? Я тебя понимаю — жалко было бы упустить такое зрелище. Собственно, мы его и не упустим в любом случае.

— Конрад, ты что, не понимаешь? Проснись! Это же решение для второй составляющей задачи. И, возможно, для третьей!

— Что? Ты о чем вообще?

— Тс-с-с-с! — зашипел Архимед не хуже иной змеи. — С ума сошел? Хочешь, чтобы Николас опять взбесился?

— Не хочу! — искренне признался я, вспомнив жуткую черную бездну, заглянувшую в меня из дула пистолета. — Но я все равно ничего не понимаю.

— А... ну ладно. Я все время забываю, что обычные люди мыслят гораздо примитивнее меня, — вздохнул Архимед. — В общем, имей в виду, что проблема с королевой решена — я знаю, как ее отвлечь. А если мои расчеты оправдаются, то и сани к берегу мы доставим без проблем!

— Архимед... Ну что тут сказать? Ты — гений!

— Я это знаю, — важно кивнул изобретатель.

— Тогда продумай пока все детали, а я придумаю, что делать с нашим влюбленным ярлом, пока он глупостей не натворил. Хосе Альфонсо? — спросил я в пространство. — Ты здесь?

— А где ж мне быть еще?

— Я беспокоюсь за Герду. Найди ее, пожалуйста, и попроси прийти сюда. Надеюсь, она не замерзла.

— Несчастной девушке помочь спешу, на крыльях призрачных на поиски лечу!

— Лети, лети... тетерев... — вздохнул я. — Что ж, пора приступать к операции.

Хосе Альфонсо вернулся быстро, ведя, если так можно сказать о призраке, за собой Герду. Выглядела девушка примерно так же, как в нашу первую встречу, что я счел положительным фактом — значит, она еще может сопротивляться ледяной магии. Отдав

нашей союзнице припрятанную во время завтрака еду, я усадил ее на свою кровать, а сам пошел к Андрэ. Оживление, охватившее гиганта на время завтрака, схлынуло, и он валялся на кровати, тупо глядя в потолок. Я запрыгнул к нему на грудь и требовательно уставился в глаза.

— Ох! Господин капитан? Ну вы меня и напугали!

— Я вижу, на тебя магия тоже не очень-то действует?

— Че? Какая еще магия?

Вопреки моим опасениям, видимо, толстокожесть Андрэ служила неплохой защитой против чар королевы. Тем лучше.

— Андрэ, мне нужно, чтобы ты пошел сейчас с Хосе Альфонсо на склад и сделал кое-что.

— А это «кое-что» опасное? — поежился Андрэ. — А то мне опасное делать нельзя. Если со мной что-то случится, королевство останется без короля!

— Андрэ, не морочь мне голову, скажи честно — боюсь!

— Честно говорю — боюсь! — преданно глядя мне в глаза, покаялся Андрэ. — А еще мне лень.

— Придется потерпеть, — безжалостно разрушил я его надежду. — Не думаю, что тебе грозит какая-то опасность. Королева вряд ли сама посещает склад, если ей что-то нужно — посылает слуг. А здешних слуг можно не бояться, они на тебя и внимания не обратят.

— Ага, а медведи?

— Что медведям делать на складе? Да и все равно — они же знают, что ты гость королевы, так что не тронут...

— Да-а...

— Хватит ныть. Если мы здесь застрянем — вот тогда ты точно будешь в опасности. Не знаю, когда Коллет вытащит тебя отсюда, но можешь не надеяться, вытащит она тебя обязательно, и Анна тебя спросит, где ты болтался все это время...

— Все, все, господин капитан, я уже иду!

— Только сначала пусть Архимед объяснит тебе подробно, что надо делать!

Озадачив Андрэ, я неохотно приступил к следующему этапу. Николас так и сидел в позе полного безволия и отчаяния. С одной стороны, мне его было жаль: любовная горячка — болезнь беспощадная, рано или поздно ею суждено переболеть почти каждому. Как многие болезни, в юном возрасте переносится она гораздо легче, Николас же, застигнутый ею уже во вполне зрелые годы, действительно сильно страдал. Но, с другой стороны, как ни цинично это прозвучит, я прекрасно знал, что болезнь эта — опять же рано или поздно — пройдет. И сам же Николас, оглянувшись назад, скажет себе: «Ну и дурак же я был!» Только вот мне некогда ждать, пока он прозреет, а значит, придется прибегнуть к обману. Тут я вдруг понял, что Николас смотрит не просто в точку, а на Герду. Зрелище, надо сказать, и впрямь было... убедительное. Выглядела девушка примерно так же, как и все местные слуги: бледная до синевы кожа, темные круги вокруг глаз, ничего не выражающее лицо, замедленные движения. Герда медленно отщипывала кусочки от пирога, который я ей вручил, медленно клала их в рот, медленно жевала — во всем этом было что-то невыносимо болезненное. Унылая маска на лице Николаса дрогнула... Что же... Возможно, обманывать ярла и не придется. Почти не придется.

Дождавшись, когда девушка закончит есть, я сказал Николасу:

— Нужно, чтобы Герда поговорила еще раз с Каем. Но сам видишь, в каком она состоянии. Боюсь, где-нибудь сядет в коридоре и замерзнет. Так что, пожалуйста, проводи ее до библиотеки и обратно. Сможешь?

Николас вздрогнул и побледнел. Хотя, казалось бы, куда уж сильнее? — но все-таки кивнул и подошел к девушке. Герда послушно встала, и они вместе вышли из зала.

— А ты хитрец, — прокомментировал невесть откуда взявшийся Транквилл. — Ну и правильно — далась ему эта ледышка, когда рядом другая девица страдает!

— Нет, — покачал я головой. — Глупо было бы рассчитывать на это.

— А что? Они с королевой даже похожи!

— Гай, ты, конечно, философ выдающийся, но в людских отношениях ни черта не смыслишь. Ему нужна королева, а ей — ее ненаглядный Кай. Между этими двумя любви быть не может.

— Тогда зачем же ты их свел? Только не говори мне, что тебе действительно нужно было, чтобы девица опять наслушалась оскорблений от своего отмороженного возлюбленного! Я уже давно вылупился, не поверю!

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но именно это мне и нужно. Я хочу, чтобы Николас посмотрел на их разговор.

— Конрад, странно, что ты превратился в кота! Тебе больше подошло бы стать лисом!

— Вопреки установившемуся мнению лисы вовсе не такие уж хитрые животные, — хмыкнул я. — Во всяком случае, кошки явно хитрее.

— С чего бы это?

— Ну кошки ведь догадались так устроиться возле людей, что им и делать ничего не надо, а всегда живут в тепле, накормлены и обласканы.

— С такой точки зрения я никогда об этом не думал. Хочешь сказать, кошка — самый хитрый зверь?

— А ты сам подумай. Человек либо заставляет других зверей работать на себя, либо охотится на них. И только кошки научились заставлять людей работать на себя.

— Конрад, ты меня пугаешь! Ты начал рассуждать, как настоящий кот!

— Хм... Да, ты прав. — Я невольно поежился. — Это на меня бездействие так влияет. Не выношу, когда от меня ничего не зависит!

Тем не менее все возможные ходы я сделал, теперь оставалось ждать результата.

Первым вернулся Андрэ. На плече гигант без особого труда нес несколько свертков с моржовыми и тюленьими шкурами, под мышкой — бочонок смолы. Лицо его лучилось довольством и подозрительно блестело.

— Лучше бы все-таки воска принес, — проворчал Архимед, принохиваясь к бочонку. — Как бы королева не учуяла запах.

— А воску... это... как бы нет, — смущенно пробормотал Андрэ. — Да ниче, мы быстро сейчас все сделаем, и я их обратно уташу!

— Но Конрад сказал, что на складе были пчелиные соты, — въедливо возразил изобретатель. — Сходи лучше их принеси.

— А? — Андрэ сделал вид, что его очень заинтересовала фреска на потолке. — Нету там меда.

— Конечно, «нету там меда» — теперь! — немедленно наябедничал Хосе Альфонсо. — Перед таким «величием» закройте крепче дверь!

— Андрэ, ты что, сожрал весь мед? — Я посмотрел на невинное лицо короля и вздохнул. — Как я понимаю — вместе с сотами? Учти, если у тебя заворот кишок приключится, лечить тебя будет некому, среди нас лекарей нет. А станет ли тебя спасать королева, которую ты ограбил, большой вопрос.

— Да вы не беспокойтесь, господин капитан! Что я, соты никогда не ел, что ли? Потом, правда, по-большому...

— Все, все, избавь меня от подробностей! — замахал я лапами. — Раз ты их уже ел и до сих пор жив — это мне достаточно знать. Так... приступим?

Архимед деловито раскатал на полу несколько шкур и начал их раскраивать и складывать. Довольный тем, что его больше не ругают, Андрэ безропотно взялся ему помогать. Я бы и сам с удовольствием присоединился к работе, но кошачьи лапы не приспособлены держать нож или иголку с ниткой. Я устроился на кровати, некоторое время понаблюдал за процессом и, незаметно для себя, уснул. Впрочем, после предыдущей бессонной ночи это было неудивительно.

Разбудило меня возвращение Николаса и Герды. Девушка выглядела немного лучше, — видать, новая встреча с любимым ее опять взбодрила. А вот Николасу явно стало

гораздо хуже. Проводив девушку до кресла в углу, он без особого интереса полюбовался на портняжные экзерсисы Архимеда и Андрэ, потом очень внимательно посмотрел на меня и грустно покачал головой. Кажется, моя интрига сработала!

К вечеру с шитьем было закончено. Архимед тщательно промазал швы получившихся странных конструкций смолой, и Андрэ отнес их назад, на склад. Как и опасался изобретатель, в гостевом зале остался ядреный запах, и я приготовился много и вдохновенно врать, но, к счастью, королева не явилась за нами сама, а прислала медведя.

— Пошли, нелепый песец. — Судя по приятельскому обращению, это был тот же медведь, что вез меня до замка. — И друзей своих зови. Пойдем на балкон — королева чудить будет.

— В каком смысле чудить? — с некоторой опаской спросил я. — Она же собиралась фейерверк устроить.

— Ну я и говорю — чудить! Пойдем! Вам понравится! Даже мы, медведи, любим на это смотреть!

— Замечательный аргумент, — проворчал я. Впрочем, посмотреть на фейерверк мне хотелось. Развлечение это достаточно опасное и дорогое, а потому — редкое. Те два раза, что мне довелось быть свидетелем этого рукотворного чуда, поразили меня до глубины души. Здесь же речь, как я понял, шла о каких-то особых ракетах, сделанных мастерами из далекой и почти легендарной Чайны. Остальные члены моего отряда также заинтересовались невиданным зрелищем. По дороге я незаметно отстал вместе с Гердой и договорился, что мы встретимся возле склада. Медведь, к счастью, не заметил, как девушка свернула в один из боковых коридоров.

Королева ждала нас на небольшом балкончике прямо над главными воротами замка. Несмотря на холод, она была в тонком белом хитоне, но, похоже, чувствовала себя вполне комфортно.

— О! Ну наконец-то! Смотрите — сама природа нам благоприятствует!

Я уставился на небо. Такого странного неба я еще ни разу не видел. На фоне звезд вниз стекали яркие сполохи, словно сам воздух горел.

— Иезус Мария! Что это?! Апокалипсис?!

— Что? — удивилась королева и тут же рассмеялась. — Ну конечно! Вы никогда не видели северное сияние! Тогда наслаждайтесь — в более южных краях такого зрелища не увидишь...

Пораженные, мы смотрели на это самое «северное сияние» не меньше пяти минут, потом королеве прискучили наши восторги, и она повелительно взмахнула рукой. Я заметил стоявших внизу слуг со связками каких-то уродливых посохов за плечами. По сигналу королевы слуги слаженно воткнули по одному посоху в снег, запалили фитили и отбежали. Через мгновение в небо одна за другой устремились искрящиеся свистящие дуги, а потом... То, что произошло потом, я не смогу описать словами. Может быть, Хосе Антонио смог бы — он какой-никакой, но поэт. Скажу только одно: то, что я до этого момента видел, можно было сравнивать с сегодняшним фейерверком в той же степени, в какой осла можно сравнивать с арабским скакуном. А слуги запускали все новые и новые ракеты, и мы замороженно смотрели на дивные цветы, распускающиеся на фоне занавеса северного сияния.

Сколько длилась эта феерия — не скажу, я совершенно потерял счет времени. Когда ракеты закончились, королева удовлетворенно вздохнула:

— Чудесно получилось. Можно было бы и дольше, но я так боюсь пресытиться и этим зрелищем, что строго ограничиваю его.

— Насытиться? Эт когда это вы успели?! — испуганно воскликнул Андрэ. — Эт вы тут ели, что ли, пока я на небо таращился? И ничего мне не оставили?!

— Иезус Мария! — Не был бы я котом — покраснел бы от стыда.

Но королеву дурацкая выходка Андрэ только позабавила.

— Не волнуйся, сейчас мы все отправимся в тронный зал, и — обещаю — голодным ты

не уйдешь!

— Ну тады ладно, — милостиво кивнул бестолковый монарх. — Только быстрее бы, а то я от этих волшебных огоньков проголодался!

И вновь мы оказались в уже знакомом зале. Вновь нас ждал щедро уставленный блюдами стол. И королева была, как обычно, мила и обаятельна. Но меня не оставляло ощущение какой-то близкой опасности. Просто-таки шерсть на загривке дыбом вставала!

Как вскоре выяснилось — не зря.

Ужин близился к завершению. Я только что закончил рассказывать очередную байку. Королева отсмеялась, утерла выступившие слезы, после чего вдруг спросила:

— А что же ваша новая подруга не пожелала любоваться фейерверками? Она их не любит?

И, хотя сказано это было все тем же дружелюбным тоном, у меня мороз по коже прошел. Потом я осознал, о чем речь, и мне стало совсем жутко. А королева, выдержав паузу, продолжила:

— Но тогда ей стоило присоединиться к нашему пиру. В этом замке никто не должен оставаться голодным!

Пожалуй, в тот момент я выглядел не самым презентабельным образом — вытаращенные глаза и открытая пасть ни одного истинного джентльмена не украсят, даже если он — кот. Королева снисходительно усмехнулась:

— Неужели вы думали, что ваши детские игры пройдут незамеченными в замке, где все пронизано моей магией?

Я понял, что опять краснею — на этот раз от стыда за свою наивную самоуверенность.

— Признаюсь, ты меня разочаровал, Конрад. Мне показалось, ты умнее. Но явиться к единственному моему слуге, не потерявшему способность здраво мыслить, с его бывшей подружкой, уговаривать его совершить побег — и надеяться, что он не доложит мне об этом? Это верх глупости!

— Я просто надеялся, что вы с ним в ближайшие дни не встретитесь, — недовольно буркнул я. — Это был риск, но необходимый риск!

— Да что же в нем необходимого? — удивилась королева. — Девчонка и так вам все рассказала. Вы решили бежать — уже глупо, хотя более-менее понятно. Но зачем ты ходил уговаривать Кая? И зачем потом посылал с тем же поручением своего товарища?

— Вы не понимаете? — собрав остатки самоуверенности, нахально ухмыльнулся я. — Это хорошо. Давайте, пока не поздно, попробуем договориться еще раз. Отправьте нас на материк. Нас и Герду с Каем. Иначе сами пожалеете, да поздно будет!

Королева несколько мгновений смотрела на меня в полном изумлении, а потом разразилась своим чарующим смехом.

— Ох, ну ты и тип, Конрад! — смогла через некоторое время выдать она сквозь смех. — Давно меня никто так не веселил! Не-э-эт, вот уж тебя я точно ни за что не отпущу. Будешь моим придворным шутком... ну пока сможешь, конечно. Если честно, остальные члены твоего отряда мне не особо интересны — разве что вот этот оборотень, сражающийся со своей природой, немного забавен, — но я все равно никого не отпущу. Зачем мне это?

— Ну... из милосердия, например? Погоди... какой еще оборотень?! — Я уставился на Николаса. — Ты же говорил, что отец не успел научить тебя!

— Не успел? — Теперь и королева с любопытством посмотрела на ярла. — Так вот в чем дело! Бедненький! Так ты просто не знаешь, как это делать? Это совсем просто — позволь силе, которая рвется из тебя, выйти. Не бойся — это не безумие, как ты, наверное, считал. Это твой внутренний зверь просится на волю. Выпусти его и присоединись к моим слугам. Я же вижу — в тебе сидит такой же белый медведь, как и они. Ты сможешь служить мне и как зверь, и как человек.

Теперь я смотрел на Николаса со страхом. Королева предложила ему то, о чем мечтал, — быть рядом с предметом своей любви! Николас из просто бледного стал каким-то серым, лицо его исказило такое страдание, что даже мне стало больно. Все безнадежно! Он

не мог отказаться от такого предложения!

— Ладно, вы нашли его слабое место. — Я выпрямился во весь рост и посмотрел королеве в глаза. — Николас, скорее всего, согласится. Я тоже готов остаться и служить вам шутком. Отпустите остальных. Вы же сами сказали — они вам неинтересны.

— Да с какой стати мне их отпускать? — пожал плечами королева. — Ну да, они меня не забавляют. Но вот этому громиле всегда найдется работа. А ваш изобретатель в итоге, возможно, станет таким же особым слугой, как и Кай, — иметь слуг с незамутненным сознанием полезно.

— Тогда я не стану развлекать вас, — пожал я плечами.

— Почему?! — удивилась королева. Причем, похоже, совершенно искренне. — Ты же все равно останешься здесь.

— А вот такая я сволочь!.. Нет, вы притворяетесь или на самом деле не понимаете? С какой стати мне что-то делать для вас, если вы не отпускаете моих друзей?!

— Но я-то королева! Кай ведь рассказал тебе — я последняя из великой расы, по сравнению с которой люди — стая диких обезьян. Как ты смеешь не подчиняться мне?!

— Да легко! — хмыкнул я. — А что вы мне сделаете?

— Лишу еды! Вас всех!

— Голодом все равно не заморите — тогда вы потеряете то, чего добиваетесь. Я готов потерпеть. А вы, ребята?

— Я готов! — гордо вздернув подбородок, произнес Архимед.

Николас промолчал, зато некстати вылез Хосе Альфонсо:

— Готов терпеть любые я лишенья!

— Иезус Мария! Помолчи!.. Андрэ?!

— А че... Я... это... Ну если так надо, — обреченно вздохнул гигант. — Я готов. Мало, что ли, голодать приходилось? Потерплю...

Я чуть не прослезился. Для кого-то, возможно, героизм — броситься грудью на копья врага или первым вскарабкаться на стену замка под потоками горячей смолы. Нет, я не спорю — это тоже героизм. Но для Андрэ принять такое решение было не меньшим героизмом, чем...

— Андрэ?!

— У? — Король поднял на меня безмятежно-младенческий взгляд и спешно проглотил кусок ветчины. — Я решил — раз мы теперь голодать будем, надо про запас наестся! Вы присоединяйтесь, господин капитан, а то я все съем один!

Королева насмешливо пожал плечами:

— Как видишь, единства среди твоих друзей нет. А еще я могу свернуть шею твоему петуху и отдать твою лошадь медведям — они меня просили...

Николас тихо зарычал. Именно зарычал. Я оглянулся — уши ярла заострились, а волосы на голове стали белеть. Похоже, я не зря старался. Да и королева, сама того не желая, помогла. Но пока — рано...

— Давайте не будем бросаться в крайности! — примирительным тоном обратился я сразу ко всем. — Хоть мне этот зануда в перьях и надоел хуже горькой редьки, но мне его все-таки жалко. Да и лошадь — мой боевой товарищ.

— Быстро ты сдался! — В голосе королевы мне послышалось разочарование.

— Я еще не сдался, — возразил я. — Я подчиняюсь силе, но, надеюсь, вы понимаете — при первой же возможности мы сбежим!

— Да пожалуйста! — пренебрежительно усмехнулась королева. — Можете пытаться сколько угодно. Хоть какое-то развлечение! Пожалуй, я даже не стану узнавать заранее ваши планы — так будет интереснее. Вы можете все идти, а ты, Конрад, останься. Раз ты теперь мой шут — будешь меня развлекать.

— Идите, друзья. — Я развел лапами. — В конце концов, для меня эта роль не нова.

— А что? Голодать не будем? — обрадовался Андрэ, умудрившийся за это время подчистить почти все остатки. — Ну и хорошо! Но вот это печенье я все равно возьму с

собой. А то у вас семь пятниц на неделе — вдруг опять поссоритесь.

— Ступай уже, величество твое... — грустно вздохнул Хосе Альфонсо. — Держись, Конрад!

Королева мановением руки отослала мой странный отряд, видимо, сразу в гостевой зал и выжидающе уставилась на меня. Я мрачно уставился в ответ.

— Ну? — первой не выдержала королева. — Ты собираешься меня развлекать?

— Да, только не знаю как, — пожал я плечами. — Чего изволите? Послушать еще одну правдивую историю из моей жизни? Или мне походить колесом? Или спеть неприличную моряцкую песню? Впрочем, нет, хоть вы мне и враг, но даже с врагами нельзя так жестоко поступать!

— Я не хотела бы, чтобы ты видел во мне врага, — мягко произнесла королева. — Попробуй понять — то, что я делаю, лучше и для вас.

— Вот только не надо! Мне Кай уже объяснил все и про спокойную сытую жизнь, и про свободу от эмоций.

Знаете, я предпочитаю сам строить свою жизнь — хорошо или плохо, но сам.

— Ты слишком глуп для этого! — отмахнулась королева. — Как ты можешь строить свою жизнь, когда ты не умеешь ее планировать даже на день вперед! А если что и запланируешь, твоих сил не хватит, чтобы эти планы осуществить. Таковы все люди — коротко и бестолково живущие. Но ты хотя бы забавен, так что место у моего трона для тебя — самое подходящее. Только надо тебя как-нибудь смешно нарядить.

— По-вашему, кот в человеческой одежде — это недостаточно смешно?!

Но было поздно! Мой не особо яркий, но хорошо пошитый и теплый камзол вдруг пошел пятнами — ярко-красными, ярко-зелеными, ярко-синими, — которые превратились в сшитые между собой лоскуты какой-то блестящей материи. Воротник превратился в зубцы красного цвета, а задние лапы затянулись в полосатые штанишки — тоже сине-красно-зеленые. И повсюду на одежде болтались бубенцы! При каждом движении они издавали невыносимое дребезжание.

— Как вульгарно! — констатировал я, оглядев себя с ног до головы. — Это что, должно вызывать смех?! У вас, дорогая моя, полное отсутствие вкуса.

Эти простые слова почему-то вызвали у королевы совершенно неожиданную реакцию — симпатичное личико застыло, а потом из глаз градом хлынули слезы.

— Эй, эй! — растерянно запрыгал я вокруг. — Вы чего? Амаэс, перестаньте! Это нечестно! Вы у меня в мыслях прочитали, что я не выношу женских слез, и теперь издеваетесь?

— Отстань! — Королева закрыла лицо руками. — Уйди! Возвращайся к своим...

Я перестал суетиться и уселся рядом с тронem.

— Да перестаньте вы! Чего я такого сказал? Костюм ведь и впрямь ужасный.

— Я знаю... Тебе не понять. А меня эти слова преследовали с самого детства!

— Чего?! Вы с самого детства наряжали котom в шутовские наряды?! Однако странное у вас хобби, надо признать!

— Ты издеваешься? При чем тут коты? Меня с детства обвиняли в отсутствии вкуса! И что я — уродина! Представляешь, что такое для эльфа быть некрасивым?! Но это еще можно пережить, в конце концов — внешность нам дается природой. А вот иметь плохой вкус — это приговор!

— Ах... вот в чем дело. — Я в замешательстве поглядел на королеву. — Но вы ведь красивая. Вон у нас даже призрак в вас влюбился.

— Люди... Вы просто не видели настоящих эльфов! Высокие, стройные, утонченные... а, да, у вас же в гостевом зале на фресках есть их изображения.

— Ах, так это эльфы?! — Я почесал за ухом. — А мы еще смеялись — кто-то нарисовал целую компанию родных братьев Николаса...

— Что? — Королева бросила на меня сердитый взгляд, но потом задумалась. — Да, в нем что-то такое есть. Видимо, какие-то ничтожные остатки древней крови сыграли злую

шутку.

— Вы серьезно? Ну если все эльфы были такими... не знаю. На меня физиономия нашего ярла навевает тоску.

— Нет, ты неправ. Он красивый... жалко только — человек. Проживет недолго. А я привыкну и буду потом страдать! Лучше пусть с медведями бегает.

— Все-таки, похоже, мне ход эльфийской мысли недоступен, — вынужден был признать я. — Сидите тут одна столько лет, сколько я даже представить себе не могу, в компании медведей да отмороженных слуг. Тоскуете от безделья, фейерверками балуетесь, а как появилась возможность от всего этого спастись хоть на время — отказываетесь ею воспользоваться под нелепым предлогом! Будете потом страдать или нет — неизвестно, а даже если и будете, так это ведь потом. А сейчас — это сейчас. Эх... Видать, бессмертие не всегда во благо.

— Уходи, Конрад, — сдавленно произнесла королева, не глядя на меня. — Плохой из тебя шут. Посмотри, что ты наделал — довел меня до слез. Уходи... Уходите все. Что вы там придумали — лодки из саней? Вот и уплывайте на них. И эту... девчонку эту вместе с Каем забирайте, если хотите. Я не стану мешать. Будем считать, я крепко спала и ничего не видела... Молчи! Уходи, пока я не передумала!

Я хотел возразить, но, когда тебя отсылает могущественная колдунья, на это не остается ни времени, ни возможности.

— Конрад?! — Архимед так и подскочил при моем появлении. — Что за... кошмар на тебе надет?

Мне показалось, что за невидимой стеной прозвучал тяжелый вздох. Пышные одежды начали съеживаться и бледнеть, пока не приобрели вид моего прежнего скромного камзола.

— Собираемся, быстро! Королева утомилась и будет спать — это наш шанс.

— Но я еще не придумал, как нам растопить замок! — воскликнул Архимед. — То есть придумал — надо нанести на его поверхность черную краску. Черный цвет сильно нагревается от лучей солнца, замок сразу начнет таять. Все готово, осталось лишь решить маленькую техническую проблему!

— И что за проблема? — невольно заинтересовался я.

— У нас нет столько черной краски, — признался изобретатель. — И не совсем понятно, как покрасить такую громадную постройку быстро и незаметно. Но я думаю над решением!

— Гениально! — похвалил я Архимеда. — Но, к счастью, нам не нужно будет отвлекать королеву. Она спит очень крепко. Я уверен, что она не проснется и не станет нам мешать. Так что осталось лишь быстро покинуть этот гостеприимный замок.

— Ты хочешь сказать... — Архимед смотрел на меня со смесью ужаса и восхищения. — Ты ее...

— Мерзавец! — Николас смотрел на меня тоже с ужасом, но без всякого восхищения. — Как ты мог?!

— Ну ты даешь, Ко-ко-конрад! — Петух смотрел на меня с восхищением, но без ужаса.

И только Андрэ смотрел на меня без малейших мыслей во взоре.

— Э-э-э... По-моему, между нами возникло какое-то недопонимание, — осторожно произнес я, памятуя о быстрых пистолетах ярла. — Королева именно спит. Я ее не убивал.

— Никто и не думал, что ты ее убил! — успокоил меня Архимед. — Мы все понимаем! Ты поступил как настоящий мужчина!

— Что?! Вы о чем подумали?! Как вы вообще себе это представляете, мерзкие извращенцы?! Иезус Мария! С кем я путешествую?!

— Но... но ты сам так сказал! — запротестовал густо покрасневший Архимед. — С такой многозначительной ухмылкой...

— Вот только не надо выдумывать! Коты не умеют ухмыляться! — отрезал я. — Королева просто спит. Что вы там себе навывдумывали, это я даже обсуждать не хочу. Да и некогда ерундой заниматься. Архимед, бери с собой Николаса и ступай готовить сани к

отправлению. Иголка, Транквилл, тоже идите с ними, когда все будет готово, садитесь в сани и ждите меня.

— Опять в сани? — вздохнула лошадь. — Капитан, я, конечно, не должна критиковать ваши приказы, но такой способ передвижения мне кажется противоестественным!

— Мне тоже, — отмахнулся я. — А также наше местонахождение, цель нашего путешествия и особенно — мой вид! Как ты могла заметить, последние полтора года мы вообще живем противоестественной жизнью. На этом дебаты заканчиваются! Так... Хосе Альфонсо, найди Герду и тоже отведи ее к саням. Хосе? Ты здесь?

— Да здесь я, здесь, неугомонный кот!

— Отлично! Действуй! — Я повернулся к Андрэ: — А нам предстоит совершенно идиотское дело, которым я бы ни за что не стал заниматься, кабы не опрометчивое обещание.

— Как обычно, господин капитан, — ухмыльнулся Андрэ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, повествующая о беспрецедентном побеге из ледяного дворца, совершенном благодаря удивительной изобретательности Архимеда Анунакиса

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 30 марта

16... года от Р. Х.

Лишь недавно вспоминал я одну из сомнительных мудростей про то, что все происходящее со временем неизменно обращается к лучшему. И вот уже приходится вспомнить другую известную сентенцию — про добрые намерения, коими вымощена дорога в ад.

Примечание на полях. А с другой стороны, я ведь совершенно не был уверен, что совершаю доброе дело!

Само бегство из замка Снежной королевы мне запомнилось смутно.

Кому-то из добрых моих читателей может показаться странным — зачем нужны все эти сложности, зачем спешка, зачем вообще бежать, если королева сама нас отпускает? Увы, опыт общения с наделенными властью людьми неоднократно убеждал меня в том, что милостью их пользоваться следует немедленно, после чего быстро исчезать из их поля зрения. Как бы сильны ни были проснувшиеся в Амаэс чувства, никто не мог предугадать, долго ли они продержатся. И не пожалеет ли королева о своей великодушии в ближайшем будущем? К тому же королева желала, чтобы мы именно сбежали, словно она не имеет к нашему освобождению никакого отношения. Почему так? Кто знает. Женская душа для меня всегда была загадкой, а уж душу такой странной женщины я даже не стану пытаться разгадать!

Потому мы бежали.

Раздав поручения, я взял с собой Андрэ и отправился в библиотеку. Да — обещания, даже самые нелепые, нужно выполнять. Это мое самое крепкое убеждение. Даже если у благородного человека остается только слово чести — у него есть все, если у благородного человека есть все, кроме его слова, — у него нет ничего.

Еще неплохо было бы научиться не давать честное слово столь опрометчиво!

Библиотекарь встретил нас ровно в той же позе, что и в прошлый раз. Можно было подумать, он так и не слезал со своей стремянки, разве что книжный шкаф был другой. Кай спокойно посмотрел на нас и спросил:

— Опять пришли уговаривать меня? Мне казалось, в прошлый раз я достаточно убедительно аргументировал свой отказ возвращаться... А... где Герда?

Надо признать, этот заносчивый книгочей будил во мне самые хулиганские позывы. Да будь ты хоть семи пядей во лбу, это не повод смотреть на меня свысока! Но неожиданный

вопрос про Герду — как мне показалось, смутивший и самого библиотекаря, — несколько примирил меня с этим высокомерным типом. Видимо, не такая уж непробиваемая ледяная броня покрывала его. А значит, мы с Андрэ сделаем благое дело. Наверное.

— Бери его, Андрэ, и пошли, — не вступая в пустой спор, сказал я.

— А?

— Что значит — бери его?!

— Андрэ, нам некогда! Хватай его под мышку или на плечо — как тебе удобнее — и побежали. А то королева проснется, схватит нас и посадит в темницу. На хлеб и воду!

Угроза так впечатлила Андрэ, что библиотекарь и глазом моргнуть не успел, как оказался на плече у короля, а сам его величество припустил по коридору с такой скоростью, что я едва поспевал за ним на четырех лапах. У склада мы, таким образом, оказались раньше, чем Кай успел сообразить, что с ним происходит.

— Кай! — Герда шагнула к возлюбленному, протягивая руки для объятия. — Ты все-таки решил бежать?!

— Что?! — Невозмутимость библиотекаря дала еще одну трещину. — Вы с ума сошли?! Что вы себе позволяете?!

— Мы стараемся для твоего же блага! — не без некоторой мстительности ответил я. — Ты нам потом спасибо скажешь.

— Не скажу! Отпустите меня! Вы не имеете права!

— Проследи за ним, Андрэ, — попросил я. — Если попытается убежать, можешь его даже оглушить.

Не обращая более внимания на возмущенные вопли пленника, я поспешил к черному ходу. Там вовсю кипела работа. Трое саней, обтянутых чехлами из шкур и с прикрепленными по бокам лодками, выстроились в ряд. В одних уже лежала Иголка, испуганно поглядывая на медведей, рассеявшихся в некотором отдалении и с любопытством наблюдающих за суетой. Архимед крепил фейерверки на последние сани, Николас стоял рядом — не помогал, но хотя бы и не мешал. По растерянному лицу ярла легко читалось, что он так и не решился принять чью-либо сторону. Архимед закончил возиться с крепежом, подергал ремни, проверил крепление лодок и с довольной ухмылкой подошел ко мне.

— Ну в общем-то можно ехать!

— Ты уверен, что это сработает? — Я с некоторой опаской посмотрел на фейерверки. Судя по размерам, изобретатель отобрал самые большие ракеты, которые только нашел на складе.

— Конечно! Я все рассчитал — вот...

— Ох, убери от меня эти закорючки! — отмахнулся я от листков с формулами. — Просто скажи — ты действительно уверен?

— На восемьдесят процентов! — гордо выпятил подбородок Архимед.

— И что это значит?

— Ну-у-у... восемь шансов из десяти, что мы доедем до южного побережья. Судя по карте, тут не так далеко.

— Хорошо... Подожди! Восемь шансов — что доедем? А два шанса — что? Не доедем?

— Нет, мощности ракет точно должно хватить.

— Тогда что эти два шанса?

— Видишь ли, если бы я сам делал эти ракеты, я мог бы эти двадцать процентов свести к пяти-шести, а так...

— Ну?

— Я отвожу примерно двадцать процентов на то, что ракеты взорвутся.

— Ага. Понятно.

— Да ты не волнуйся. Двадцать процентов — это небольшая вероятность.

— Угу. Два шанса из десяти, — попытался я уговорить себя. — Совсем неплохо. Да. Только больше никому об этом не говори, Архимед. Боюсь, остальные не оценят такой

вероятности. Понятно? Все, готовь сани к старту.

Я вернулся к складу. Здесь ситуация накалилась до предела. Невозмутимость и холодность окончательно покинули Кая. Вместе с остатками достоинства. Андрэ с трудом удерживал красного от возмущения библиотекаря — тот верещал раненым зайцем и отчаянно пытался вырваться. Судя по словам, которые он изрыгал, юноша и впрямь был очень начитанный. Герда, тоже красная — от стыда, зажимала уши руками.

— Ну что же, — бодро потер я лапы. — Я вижу, вы все выглядите вполне энергичными и живыми. Это хорошо — нам понадобятся сила и быстрота реакции. Королева нам не опасна, а вот как поведут себя медведи — трудно сказать. Ну, с богом!

Про медведей я, конечно, зря сказал. Они встревожились, когда увидели, как Андрэ грузит в сани бьющегося в истерике библиотекаря, но без явного приказа королевы вмешиваться не решались. Однако Кай быстро сориентировался в ситуации и завопил:

— Это побег! Королева ничего не знает! Остановите их!

— Поджигай! — выкрикнул Архимед.

Я запрыгнул в сани, в которых лежала Иголка, и только когда рядом рвануло и раздался удаляющийся свист, понял, какую глупость совершил. То есть сначала-то мне решение казалось совершенно правильным — вес нужно было равномерно распределить по трем саням. В одни уселся тяжелый Андрэ с довольно хлипким библиотекарем на руках и сильно исхудавшей Гердой. Во вторые — Архимед и Николас, мужчины вполне весомые, ну а в третьи к самой тяжелой в нашей компании Иголке — я и Транквилл. Вроде бы все правильно. За исключением того, что в наших санях ни у кого не было рук, чтобы запалить фитили!

Я тупо уставился на огниво, предусмотрительно положенное Архимедом возле связанных в пучок фитилей. Потом на бегущих к саням медведей... Зрелище, надо сказать, было одновременно восхитительное и жуткое. Звери неслись со скоростью хорошего скакуна, распластываясь и как бы на миг зависая в воздухе, взрывая фонтаны снега. Наверное, осознание, что нас вот-вот порвут в клочья, и пробудило во мне скрытые таланты. Каким-то образом мне удалось зажать огниво в когтях и с первого же раза подпалить фитили. Медведи были уже буквально в одном прыжке от нас, когда фейерверки сработали. Раздался грохот, меня отбросило назад, прижало к мешкам с припасами у заднего борта саней, и я с ужасом увидел приближающуюся спину Иголки. К счастью, лошадь ухватила зубы за борт и остановила скольжение, иначе из меня получился бы симпатичный меховой коврик.

Ракеты толкали сани с фантастической скоростью. Даже летучий корабль не разгонялся так. Медведи продолжали гнаться за нами, но быстро отстали, превратившись в едва видимые точки. Я наконец смог перевести дух.

— Ну что же, все идет по плану. Вон на горизонте и край ледяного поля виден.

Впереди и в самом деле виднелось море. И двое других саней. То ли Архимед учел вес Иголки и прикрепил к нашим саням больше ракет, то ли по каким-то иным причинам, но мы постепенно догоняли наших спутников. До берега оставалось что-то около мили, когда Архимед вскочил во весь рост и начал делать какие-то странные жесты.

— Интересно, что он хочет, чтобы я сделал? — пробормотал я раздраженно. — Неужели нельзя было заранее все рассказать?!

Архимед наклонился, что-то сделал, и его сани начали замедлять ход. Я заметался, не понимая, как он это сделал. А главное — зачем?

— Архимед! — завопил я во всю глотку, пытаясь перекрычать свист ракет. — Что ты делаешь? За нами медведи гонятся!

— ...тс! — донеслось до меня. — ...рее!

— Что?! Не слышу!

— Конрад, — задумчиво произнес Транквилл, выглядывая из-под скамейки. — Если не ошибаюсь, нас ведь толкают вперед ракеты для фейерверков? Те самые, что демонстрировала вечером королева?

— Ну да, — буркнул я. — Не отвлекай меня, Гай! Я пытаюсь понять, чего хочет Архимед...

— Те самые, что так эффектно разлетаются в конце сияющими цветами?

— Те, те... ТВОЮ МАТЬ!

Я бросился к веревкам, которыми ракеты привязаны были к саням, но Архимед постарался на славу — узлы не поддавались. По задумке их и не нужно было развязывать — в борт рядом был воткнут нож. Черт бы побрал Архимеда с его уверенностью, будто бы все вокруг мыслят так же, как он! С третьей попытки мне удалось вытащить нож из борта. Я зажал рукоять ножа в зубах и начал торопливо пилить веревку. Сани с Архимедом остались позади. Мы шли бок о бок с санями, в которых сидел Андрэ. Гигант восседал с безмятежной миной на лице, словно младенца прижимая к себе продолжающего вырываться Кая. Судя по всему, ни он, ни Герда тоже не поняли, что кричал Архимед.

— Герда, режь веревки! — завопил я. — Фейерверки сейчас взорвутся! Ох! Иезус Мария...

Нож выскользнул и укатился куда-то под мешки с провизией. Я нырнул следом, но проклятая железяка куда-то исчезла.

— Иголка! Отпусти борт! Быстро рви веревку зубами!

— Есть, капитан!

К счастью, уже изрядно надпиленная мною веревка не выдержала, и пучок догорающих ракет отвалился и закувыркался куда-то вперед и в сторону от нас. Сани проехали еще некоторое расстояние и остановились. А вот сани с Андрэ, Каем и Гердой понеслись дальше. В полумиле позади рвануло, и из снега вверх ударил фонтан разноцветных огней. В следующий момент такой же взрыв произошел на месте, куда улетели наши ракеты. Я зажмурился. Третий взрыв!

— Андрэ... — Я обессиленно опустил на дно саней.

— Господин капитан, а че дальше-то делать будем?

— Андрэ?! Ты жив? Все целы?

— Ну, — утвердительно кивнул курящийся слабым дымком гигант, улыбаясь во всю покрытую сажей физиономию. — Все живы! Только вот... это... сани — того. Нету у нас больше саней. Да вы сами посмотрите.

Я посмотрел в том направлении, куда указывал Андрэ. Да... Задний борт саней принял весь удар на себя и теперь представлял собой кучу обломков. Оба каяка взрывом оторвало от саней и разнесло едва ли не в щепки. Как Андрэ и остальные умудрились уцелеть, было совершенно непонятно. Но, честно говоря, думать об этом было совершенно некогда.

— Андрэ, беги назад — к саням Архимеда. Поможешь толкать их к воде. Скоро тут будут белые медведи — надо успеть поставить паруса и поймать ветер, иначе они нас догонят.

— А как же вы, господин капитан?

— Мне помогут Иголка и Герда... да, сначала свяжи Кая.

— С удовольствием! Могу даже стукнуть его разок! Вот уж меня достал своими воплями!

— Бить не надо, а вот связать — свяжи. Иголка, вставай! Пора нам всем потрудиться!

Ну про «нам всем» — это я, конечно, для красного словца и поднятия боевого духа приплел. Тащила сани в основном лошадь. Мы с Гердой честно налегали сзади на борт, но если от девушки, пусть и порядком истощенной, хоть какая-то помощь была, то мой вклад можно смело назвать символическим. Впрочем, до берега на самом деле было рукой подать, мы столкнули неуклюжее сооружение на воду и принялись ставить парус. Тут нас догнали и вторые сани... и, что хуже, медведи. До них еще оставалась пара миль, но уже понятно было, что они нас догоняют. Наконец и вторые сани закачались на воде.

— Быстрее! Ставьте быстрее парус!

— Бесплезно, — мрачно произнес Николас и неожиданно перепрыгнул назад, на лед. — Белые медведи прекрасно плавают. Всем не уйти.

— Николас, вернись! Ты что задумал?! Им твои пули — как горох, ты их не удержишь ни на шаг!

— Я и не собираюсь стрелять.

Ярл скинул шубу, камзол, стянул с ног сапоги, стянул рубашку, потом смущенно оглянулся на Герду и буркнул: — Отвернитесь, сударыня!

— Еще чего! — проворчала девушка, неожиданно выуживая откуда-то два длинных ножа. — Не о том думаешь, длинноносый. Я тоже буду сражаться! Я из гильдии убийц, к твоему сведению!

— Что?! А-а... неважно! Твоими ножиками медведям только в... гм... в ухе ковырять, — прорычал Николас. — Это моя драка! Убирайтесь!

— Николас, ты... — Я замолчал. И так было ясно, что собирается сделать потомок рода оборотней. — Их же не меньше десяти... Это ничем нам не поможет.

— Задержу насколько смогу, — пожал плечами Николас. — Так что не мешкайте и отплывайте.

— Ты же был против побега! — выложил я последний жалкий козырь. — Ты же любишь королеву! Как ты можешь сражаться против нее?!

— Я буду сражаться не против королевы... я буду сражаться за нее, — безмятежно улыбнулся ярл. — Неужели не понимаешь? Эх ты... Ну?! Чего вы ждете?! Уплывайте же! Иначе все будет зря!

Я закусил губу и повернулся к Герде:

— Ставь парус! Архимед, уходи!

— Ко-ко-конрад, — Транквилл удивленно уставился на меня, — ты же сам столько раз говорил, что не бросаешь в беде своих солдат!

— Капеллан, не лезь в то, чего не понимаешь! — фыркнула Иголка.

— Мы уходим! — повторил я. — Если мы не уйдем, это будет худшим оскорблением для Николаса. Поднять паруса!

Неуклюжие наши тримараны медленно отплывали от берега. Я стоял и молча смотрел, как Николас опустился на четвереньки, как-то смешно, по-собачьи встряхнулся всем телом, и в следующее мгновение на его месте оказался огромный белый зверь. Он был, пожалуй, даже больше и массивнее своих противников. И если шерсть настоящих медведей была скорее желтоватой, свалившейся и порядком грязной, то оборотень казался даже белее окружающего снега.

Николас встал на задние лапы, грузно ударил передними в снег и взревел. На мгновение погоня замерла — появление оборотня сбило с толку наших преследователей, — и на какой-то миг у меня даже появилась надежда, что медведи испугаются. Увы, глупо было рассчитывать на это. Хищники — дюжина настоящих и один оборотень — несколько мгновений смотрели друг на друга, потом застывшая картина ожила, и медведи навалились на Николаса все сразу. Еще несколько мгновений мы могли наблюдать за битвой, потом поднявшиеся облака снега скрыли происходящее от наших глаз.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, повествующая о прибытии в Лапландию и неожиданных откровениях Герды

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 4 апреля

16... года от Р. X.

Иногда кажется — знаешь человека даже лучше, чем он сам себя знает. Но вот происходит нечто — некое событие, — и человек раскрывается с совершенно неожиданной стороны.

Мы болтались в море несколько суток. Задумка Архимеда себя оправдала, но не полностью — сани вполне держались на плаву, но управлять ими было практически невозможно. И нас постоянно захлестывало ледяной водой. К счастью, ветер и волны гнали

нас в нужном направлении, и мы, мокрые и промерзшие до костей, но все-таки живые, достигли наконец берегов Лапландии.

Наблюдавшие за нашей высадкой лопари не проявили какого-то особого интереса к приплывшим на льдине чужестранцам. Как сидели на бревнах вдоль причала, так и продолжали сидеть, равнодушно посасывая маленькие трубочки. Простодушный Андрэ даже помахал у одного из них перед лицом рукой, лопарь поднял на него удивленный взгляд, и довольный донельзя король объявил:

— Гля — живой! А я думал, замерз!

Герда попыталась договориться с аборигенами относительно ночлега, но то ли ее финский язык оказался слишком плох, то ли здесь бытовало какое-то другое наречие — попытки ни к чему не привели. Впрочем, когда Архимед достал мешочек с золотом и многозначительно позвенел монетами, языковой барьер был немедленно преодолен и нас устроили в одной из изб со всеми удобствами, о каких только может мечтать человек, только что переплывший ледяное море. Я имею в виду, что в развалюхе был достаточно сухой земляной пол и имелась в наличии кособокая печка, согревавшая воздух ровно настолько, чтобы мы перестали трястись от холода.

Отогревшись немного, я созвал отряд на военный совет.

— Ну что ж... Наше путешествие несколько затянулось, но мы все-таки движемся к цели, а это уже неплохо. Мы в Лапландии, и, насколько я помню, нам нужно просто двигаться теперь на юг вдоль побережья. Этот самый Бруда... Бурда... фелдстарю... Уф-ф-ф!

— Бурдафедльсстадюр.

— Да, спасибо, Герда! Так вот... гм... в общем, искомый город должен встретиться нам по дороге. По-моему, все просто.

— Ты плохо представляешь себе здешние места, — усмехнулась девушка. — Весь западный берег изрезан тысячами фьордов. Если идти по берегу, придется их все время огибать, так что до городка добираться можно не один месяц.

— У тебя опять приступ пессимизма? — буркнул я. — Критиковать легко! Ты предложи что-нибудь лучшее.

— Вам нужен проводник из местных.

— Замечательно, — не без ехидства ответил я. — Только, как мы недавно убедились, местные жители даже тебя не понимают. Как ты собираешься с ними объясняться?

— Ну это как раз не проблема — объясняться можно жестами!

— Если ты сможешь жестами показать Бурдалс... Бурдалс...

— Бурдафедльсстадюр, — терпеливо повторила Герда.

— Вот именно! В общем, если ты на пальцах сможешь показать название этого города, я лично оплачу установку памятника в твою честь. В полный рост и с пальцами в лубках.

— Не надо ничего жестами показывать.

— Ты о чем это?

— Не надо ничего никому жестами объяснять, — терпеливо повторила Герда. — Я ведь тоже в некотором роде местная. Правда, моя родина находится дальше на юг, но ведь и Бурдафедльсстадюр расположен на юге.

— Ты знаешь про него?! — воскликнули мы хором. Даже задремавший в тепле Андрэ вскинулся и требовательно уставился на девушку.

— Да. Город Волка, у нас про него детям рассказывают легенды.

— Легенды? Так он что — выдумка?

— Легенды — необязательно выдумка, — нравоучительным тоном заявила девушка. — Просто у города Волка было великое прошлое, а сейчас это всего лишь один из крошечных скучных городов на побережье.

— Слушай, Конрад, — Транквилл запрыгнул на стол и подозрительно уставился на Герду, — тебе это все не кажется подозрительным? Мы помогаем какой-то незнакомой девице, и вдруг оказывается, что она знает про место, в которое нам позарез нужно попасть.

Не нравится мне такое совпадение!

— Глупости! — отмахнулся я. — Надо было вместо всяких там Сократов с Платанами читать рыцарские романы. Там всегда так: если герою нужно найти дорогу к какому-нибудь затерянному городу или сокрытому колдовством замку, он просто идет в ближайший лес и спасает одинокого путника от разбойников. Или где-нибудь в темном переулке помогает девушке отбиться от насильника. Спасенные всегда обязательно знают, как ему попасть в нужное место — так уж положено. А девушка еще и обязательно оказывается писаной красавицей... гм.

Я критическим взором оглядел Герду с ног до головы.

— Нет, ну если ее помыть и слегка откормить... С другой стороны, и мы ведь тоже ее не от насильника спасли.

— Простите. — Девушка слегка покраснела. — Вы что, разговариваете с... с петухом?!

— «С петухом?!» — обиженно передразнил ее Гай Транквилл. — А то, что он кот, это тебя не удивляет?! Какие же все-таки люди ограниченные!

— Хватит, Гай! — отмахнулся я от скандалиста. — Герда, а почему в ваших местах вообще помнят про город Волка?

— Так ведь это наши предки с Волком воевали и в итоге город сожгли. Ну не только наши, конечно, — все окрестные племена тогда объединились. И, в общем, это было единственное такое грандиозное событие в наших местах за всю историю — как же его не помнить?

— Отлично! — Я так и подпрыгнул, воодушевленный этой новостью. — Вот и главная проблема решена! Ты ведь проводишь нас туда? Или хотя бы Расскажи подробно дорогу...

— Провожу, — кивнула девушка. — Вы, возможно, сами не понимаете, как мне помогли. Если бы не ваше вмешательство, наверное, я сейчас была бы уже среди этих отмороженных слуг. И я хочу вам отплатить добром за добро.

— Главную победу ты одержала сама, выжив в замке и не потеряв себя, — пожал я плечами. — Но я отказываться от помощи не буду. Спасибо!

Я окинул взглядом спутников. Близость цели нашего путешествия явно положительно сказалась на боевом духе моего отряда. Ну кроме Кая. Библиотекарь забился в угол и затравленно поблескивал на нас оттуда глазами, словно пойманный в ловушку зверь. И непрестанно грыз ногти.

Я содрогнулся.

— Что ж... Значит, необходимо решить вопрос с транспортом, и завтра же мы отправимся в путь. С этим ледовым пленом мы и так потеряли уйму времени! А сейчас — всем спать! Завтра утром мы должны быть выспавшимися и свежими.

Конечно, мне следовало предвидеть, что все пойдет совсем не так, как было запланировано. И началось это нестроение с самого раннего утра, которое по чести и уторм-то нельзя было назвать.

Пока мы плыли на «Грозном пингвине», я лично пригрозил петуху, что, буде он хоть раз завопит посреди ночи, больше его в кочегарку ночевать не пущу. Столь жесткие меры, встретившие, впрочем, горячую поддержку у остальных членов отряда, возымели действие — Транквилл сдерживался все плавание. В замке Снежной королевы он тоже почему-то ни разу не прокукарекал — возможно, из-за полярной ночи. И мы как-то расслабились и забыли об опасности, подстерегавшей нас.

Первую же ночь на материке Транквилл, как обычно, нам испортил. Потому утро мы встречали невыспавшиеся и разбитые. А сам Транквилл еще и без изрядной части хвоста, который ему выдрал не проснувшийся до конца Андрэ. Из-за сего прискорбного инцидента петух пребывал в особенно сварливом состоянии духа. Беспрестанные оскорбления, которыми он осыпал весь род человеческий и которые по понятным причинам слушать был вынужден я один, довольно быстро испортили и мое настроение. Быстро перекусив, я — в компании с Архимедом и Гердой — отправился к старейшине деревни. Нашли мы его на удивление быстро, несмотря на то что никто из встречаемых селян Герду не понимал. Зато

старейшина, как оказалось, знал не только финский и датский, но даже и немецкий. Собственно, на этом открытии наша удача и закончилась.

— Лошадь нет продавать, — счастливо шурясь, произнес старейшина. — Нету лошадь.

— В каком смысле — нет продавать? Мы хорошо заплатим!

— Хорошо заплатим — хорошо! А лошадь — плохо. Зима мерзнет. Снег проваливаться — нога ломать. Трава под снег не находить — совсем умирать! Оленя — лучше!

— Ну в этом есть смысл, — вынужден был согласиться я. — Да мне, в общем, и все равно — олени так олени. Сколько хочешь за них?

— Оленя продавать нет! — еще радостней заулыбался лопарь. — Оленя нет. Оленя плохо. Еда много. Волка охотится, медведя охотится — оленя совсем умирать! Собака — лучше!

— Ну так продай нам собака... то есть собак! — Я слышал, что в северных странах ездят на собачьих упряжках. Честно говоря, мне такой способ передвижения представлялся сомнительным, но выбора у нас, похоже, не было...

— Собака нет продавать! — окончательно расплылся в счастливой улыбке старейшина. — Весь собак торговца забрать. Поехать в город рыбу продавать!

— Так чего ты мне голову морочил?!

— Зачем морочить? Совсем не морочить! Ты спрашивал — я отвечал!

Я развернулся и вышел. И даже ничего не сказал. Видит бог, я даже почувствовал, как у меня пробиваются на спине крылышки, а над головой возникает сияние. Впрочем, пока мы возвращались к дому, в котором заночевали, лишнее смирение из меня выветрилось. И когда Андрэ, узнав, что дальше нам придется идти пешком, начал ныть, я просто пообещал ему отгрызть уши.

— Ничего. Снег-то почти везде сошел, к тому же с нами Иголка — она повезет большую часть припасов. Ну а нам придется немного пройтись. Не вижу в том особой беды. Здесь не Америка, расстояния все вполне преодолимые.

— Можно подумать, это ты будешь идти пешком! — съехидничал Транквилл.

— А можно подумать — ты! — не остался я в долгу. — Твоя ирония неуместна — я действительно буду идти пешком. Неужели ты думаешь, что потомок благородного рода фон Коттов сможет ехать верхом, в то время как рядом барышня идет пешком? Да я такого позора просто не переживу!

— Знаешь, Конрад, тебе определиться бы все-таки — ты кот или человек?! — проворчал Гай. — А то натуральный когнитивный диссонанс выходит!

Я не доставил петуху удовольствия, спрашивая, что значат два последних слова, а только многозначительно ухмыльнулся и вернулся к карте. Конечно, фантазии картографов чаще всего имеют мало общего с реальным ландшафтом, но общее представление получить можно. Потому я поманил к столу Герду и спросил:

— Посмотри, пожалуйста, где примерно находится город Волка?

— Бурдафедльсстадюр? — Девушка с интересом посмотрела на пергамент и подняла удивленный взгляд. — Я же говорю — дальше на юг.

— Это я понял, — терпеливо кивнул я. — Просто хочу заранее составить представление о том, сколько времени займет переход. Мы вот здесь. А город Волка? Покажи на карте. Я, конечно, понимаю, она не очень хорошая...

— Да нет, зачем же вы? Очень хорошая карта, — возразила Герда, взяв пергамент в руки и заинтересованно вертя его перед собой. — Очень тоненько все нарисовано. А зачем она?

— Понятно, — вздохнул я. — Вопрос снимается... О! Придумал! Ты сколько времени сюда добиралась из своего города?

— Долго, — сразу погрузилась Герда. — Я отправилась в путь весной, а сейчас... сейчас опять весна. В замке я пробыла совсем недолго — может быть, месяц, — значит, в пути была почти год.

— Год?! — Я так и сел на пол. — Ты ничего не путаешь? Да за год можно весь мир

обогнуть!

— Так ведь я сначала попала к одной старой ведьме в плен, — развела руками девушка. — Она меня заколдовала — лишила памяти. И я у нее до самой осени в помощницах ходила. Но у колдовства было слабое место — моя память вернулась, когда я увидела розы.

— И что стало с колдуньей? — опасливо поинтересовался я, вспомнив, что девчонка-то из гильдии убийц. — Она хотя бы жива?

— Ну она ведь довольно хорошо со мной обращалась, — развела руками Герда. — Просто ей скучно одной в своем саду было, вот она меня и похитила. Я ее и пальцем не тронула. И даже постаралась, чтобы несколько лет ей было некогда скучать.

— Каким образом?

— Ну... в общем, сад ей придется разбивать заново. Цветочки там всякие сажать... оранжерею заново отстроить. Деревья посадить новые. Может быть, еще дом отремонтировать придется, но вообще-то он не сильно пострадал.

— Ага... — Я почесал за ухом. — Что ж, вернемся к нашим расчетам. Значит, по-настоящему в путь ты отправилась осенью? Уже легче.

— Да, но далеко я не ушла, — вздохнула девушка. — На дороге мне встретился говорящий ворон. Я имею в виду — говорящий человеческим языком. Не знаю уж, кто его этому научил, но я бы этому умельцу все руки по обрывала бы!

— Ты думаешь, он его руками учил?

— Неважно! Я из-за этого болтуна потеряла столько времени! У меня как раз случился приступ тоски, и я сидела под деревом и хныкала. Тут рядом на землю садится здоровенный ворон и спрашивает меня — чего я реву. Представляешь себе? Если бы я тогда в нормальной форме была, он бы своего вопроса не пережил: убила бы с перепугу... Ну, во всяком случае, откровенничать бы не стала. А так выложила ему все про себя, про Кая, как мне плохо — в общем, исповедалась как на духу. А он так спокойно и говорит, что знает, где Кай. Что недавно принцессе королевства, через которое я тогда брела, приспичило замуж. Ну приспичило и приспичило — дело-то понятное, каждой девушке время от времени такое в голову приходит. Только принцесса была с изрядной придурью — она себя, видишь ли, считала большой интеллектуалкой. Каждое утро у нее начиналось не с утреннего променада или хотя бы кофе, как у нормальных людей, а с чтения газет. Ну сам понимаешь, что с человеком от постоянного чтения газет происходит. Вот у принцессы мозги набекрень-то и съехали. Так что когда ей замуж захотелось, она поиск достойного жениха превратила в балаган. Приказала все газеты в стране выпустить в обрамлении розовых сердечек — представляешь себе?! Жуткая безвкусица! А в самих газетах — объявление, мол, любой молодой человек, считающий себя достойным стать мужем принцессы, должен явиться во дворец на собеседование.

Я хмыкнул, вспомнив аналогичные смотрины, которые когда-то устроила Анна. Похоже, у всех принцесс образ мыслей схож.

— Разумеется, в назначенный день перед дворцом собрались тысячи молодых и не очень мужчин, желающих раз и навсегда устроить свое будущее. И даже не только мужчин — знаменитая на все королевство барышня-кузнец Сафорина пришла тоже, заявив, что лучше любого мужика знает, что нужно женщине для счастья. Вот... Весь день претенденты заходили по одному в тронный зал, да только очень быстро его покидали. Оказалось, принцесса притащила с собой кучу газет и каждого претендента заставляла разгадывать кроссворды. Ей, видишь ли, взбрело в голову, что достойным мужем должен стать такой же «интеллектуал», как она сама. А в ее представлении о большом интеллекте свидетельствовало умение быстро разгадывать кроссворды. Вот так. Впрочем, идея в некотором смысле сработала, потому что идиоты, которые не в состоянии двух слов связать, действительно отсеивались. Но сработала не совсем так, как рассчитывала принцесса, потому что и те, кто поумнее, отсеивались тоже, сообразив, с какой дурой им придется коротать век. Так прошло три дня. Постепенно от гигантской очереди осталась лишь

маленькая кучка желающих попытаться счастья, а потом двор вообще опустел. И тут-то — под конец третьего дня — и явился он. Он пришел пешком, одет был бедно, и все его имущество умещалось в небольшой котомке. И все же он без колебаний вошел во дворец и, ничуть не смущаясь своего бедного платья, заговорил с принцессой. Та предложила ему разгадать кроссворд, и парень неожиданно легко справился с задачей. И даже предложил разгадать столько кроссвордов, сколько пожелает принцесса. Против этого она не могла устоять, и уже через несколько дней они поженились. Я когда эту историю услышала, чуть не рехнулась от ревности. Понимаешь, Кай ведь с детства по книгам просто с ума сходил. Он столько всего перечитал, что разгадать какие-то газетные кроссворды для него было сущим пустяком. Вот я и подумала...

— И ты отправилась во дворец? — спросил я. — Но на что ты рассчитывала? Если он женился на принцессе по своему желанию, ты ведь не стала бы его силой отбивать?

— Почему это? — искренне удивилась Герда. — Еще как стала бы! Какое у него могло бы быть счастье с этой куклой?! Она бы и его приучила газеты по утрам читать! Я должна была спасти своего любимого! Разве я не права?!

— Да, да, — поспешил я заверить девушку, вовремя заметив в ее глазах знакомый огонь. Конечно, Герда — не Коллет, и молния мне не грозит. Но кто сказал, что нож предпочтительнее молнии? — Ты совершенно права! И что же произошло дальше?

— Ничего хорошего, — вздохнула девушка. — Во дворец я проникла без особого труда. Даже не пришлось карабкаться на стену или использовать искусство хождения в тени — просто переделалась служанкой, и на меня никто внимания не обратил. Взяла свежее постельное белье и пошла напрямик в спальню принцессы — якобы мне велели поменять. И тоже меня никто не остановил и не проверил. Спальня у принцессы, я тебе скажу, просто кошмар! Там все розовое и шелковое! Я как это увидела, все сомнения меня сразу оставили — Кая надо спасти любой ценой.

— Любой? — опасливо переспросил я. — Даже...

— Да! — отрезала девушка. — В тот момент я готова была и к этому. Во всяком случае, так мне казалось. В общем, забралась я на балдахин над кроватью, достала ножи и затаилась. В замок я пробралась уже вечером, так что ждать пришлось недолго. Часа через два явилась принцесса и начала готовиться ко сну — сняла свое роскошное платье, начала расчесывать волосы. Я сначала хотела ее сразу убить, но потом решила — вдруг Кай еще не скоро придет? В спальню мог кто-нибудь заглянуть и поднять тревогу. Поэтому я дождалась Кая. К счастью, дождалась — иначе оказалось бы, что принцессу я убила зря.

— Нетрудно догадаться, что это был не Кай, — кивнул я. — Он в это время уже переставлял книжки в библиотеке ледяного дворца.

— Да, — вздохнула Герда. — Ворон описал мне мужа принцессы, и я решила, что это Кай. Трудно ждать от птицы точного описания человека, да и принц действительно похож на Кая. Даже я их сначала спутала и приготовилась уже нападать, но тут он повернулся ко мне лицом и... это был такой удар, что я не выдержала и разревелась как последняя дурочка. Тут балдахин не выдержал и прорвался подо мной. Представь себе картину — принц с принцессой мило беседуют, перед тем как лечь в постель, вдруг балдахин прорывается и на эту самую постель падаю я в своем боевом облачении и с ножами в руках. И из глаз слезы ручьем! К чести обоих надо сказать, в панику они не ударились и даже отослали примчавшуюся на шум стражу. Выслушали мою историю, пожалели. Представляешь? Я ведь принцессу убить собиралась, а она меня пожалела. Пришлось гостить у них целую неделю, уж больно им хотелось мне хоть как-то помочь. Наверное, в тот момент во мне что-то и сломалось. Боюсь, я уже не смогу быть хорошей убийцей — слишком много сомневаюсь. Ну да неважно — со своими мыслями я как-нибудь разберусь. В общем, мне удалось покинуть королевство только через неделю. Зато мне подарили карету с парой лошадей — путешествовать стало куда легче и быстрее. Правда, недолго. На четвертый день на нас напала банда разбойников. Будь это просто обычные разбойники, что промышляют в лесах, о них не стоило бы упоминать — мне не составило бы труда уложить их всех. Но эти

действовали так грамотно и умело, что я сразу заподозрила неладное. Так и оказалось — руководила ими моя двоюродная сестра, тоже воин нашего клана. Жаль только, что выяснилось это, когда схватка закончилась и мы с предводительницей сошлись один на один. Тут, конечно, мы друг друга узнали, бросились друг друга обнимать... но карету уже было не вернуть — в нее попала бомба, брошенная одним из разбойников. Ну и Туе — кухне моей — придется набирать и обучать новую банду. Но она справится, конечно. Туя всегда была намного энергичнее и талантливее меня.

Я только молча потряс головой. Представить более энергичную девицу мне было просто страшно.

— В лагере сестренки я погостила совсем недолго — дня три. Но теперь у меня не было кареты, а верхом на лошади я не очень хорошо умею ездить. Зато Туя рассказала, что через их лес прошлой зимой проезжали сани Снежной королевы — тогда я про нее и узнала. Ее приняли за обычную путешественницу и напали, чтобы ограбить. Туя, правда, сразу почувствовала, что с «путешественницей» что-то не так, и успела дать команду отступить. Спаслась тогда почти вся ее банда, но несколько человек королева все же забрала с собой. И Туя рассказала, что в санях вместе с королевой был парень, похожий на моего Кая. Расставшись с кухней, я отправилась дальше, останавливаясь в каждом городке, в самых маленьких селах — везде расспрашивала о колдунье в белых санях, запряженных оленями. Потратила на это много дней, но в конце концов вышла на этот фьорд. Ну а пробраться на льдину и потом в ледяной замок — это уже было просто.

— М-да, — задумчиво почесал я за ухом. — Получается, толком вычислить, сколько заняла дорога сюда, не выйдет.

— Извини, — развела руками Герда. — Я бы и рада сказать, но не знаю.

— Да перестань ты ее допрашивать, — подал голос со своего топчана Архимед. — Какая разница — на два дня больше или на два дня меньше? Всю Скандинавию можно не торопясь объехать за месяц.

— Я вижу, — вздохнул я, разглядывая карту. — Учитывая, что мы будем двигаться с обозом, я бы заложил на дневной переход миль восемь — десять. Предположим, что нам все-таки нужно не на самый южный берег, так что предстоит сделать приблизительно миль пятьсот. Выходит полтора — два месяца. Если не заблудимся.

— Вполне нормально, — зевнул Архимед. — Помнится, перспектива блуждать по джунглям Америки даже целый год тебя не смутила.

— Так-то оно так... — протянул я. — Просто раздражают все эти неожиданные препятствия.

Я не стал говорить, что сны про посланца Тьмы в последнее время не только снились мне каждую ночь, но и кардинально изменились. Теперь я временами даже видел силуэт приближающегося врага, хотя разглядеть его толком не удавалось. Подсвеченная огнем преисподней гротескная фигура судорожно дергалась, приближаясь, и напоминала движениями скорее какое-то насекомое, чем человека.

Время уходит. Катастрофически уходит.

— Что ж, лошадей нам раздобыть не удалось. Как и оленей. И даже собак. Потому с собой берем только самое необходимое... И это не окорока, Андрэ, положи их на место! Тем более что они не наши! Не хватало еще, чтобы за нами потом гнались жители этой деревни. Герда, ты нас поведешь.

— Хорошо. Только еще одно дело...

Девушка подошла к дрожащему в углу Каю, присела на корточки и тихо заговорила с ним. Кай что-то раздраженно ответил шепотом. Я вполне мог бы услышать, о чем они говорят, но счел это недопустимым. Тем более что разговор оказался коротким. Герда обняла библиотекаря, потом резко вскочила на ноги и, не оглядываясь, зашагала к двери.

— Идем? Я буду ждать на улице.

— Да. — Я растерянно посмотрел на Кая и бросился следом. — погоди! Что это значит?

— Он решил остаться, — грустно сказала Герда. — Слуги Снежной королевы приплывают сюда довольно часто, так что он скоро вернется в замок.

— Но почему?! После всех этих усилий...

— У меня было время подумать, — вздохнула девушка. — Ты был прав. Никого нельзя тащить к счастью силой. Потому что у каждого — свое счастье. Из-за моей слепоты погиб Николас, мы все чуть не погибли, а все, чего я добилась, — Кай возненавидел меня. Я ничего уже не смогу исправить, но хотя бы не стану совершать новую ошибку.

— Ты уверена? Пройти все испытания, получить то, о чем мечтала, — и отказаться от победы в последний момент?

— Но именно это и есть победа. Мне казалось, именно ты это сможешь понять.

— Я-то понимаю, — хмыкнул я. — Просто хотел удостовериться, что ты сама это понимаешь... что ж, тогда хватит болтовни! Выступаем немедленно!

Сборы были недолгими, весеннее солнце было еще в зените, когда мы покинули деревню. От деревни на юго-восток вела вполне приличная утоптанная тропа — по ней-то мы и отправились в путь. Как объяснила Герда, дальше нас ждет пара небольших деревень, вроде той, где мы ночевали, а потом будет городок, из которого одна дорога повернет точно на юг. Бурдафедльсстадюр ждал нас.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, повествующая о том, чем завершились поиски города Волка, о новых разочарованиях и новых надеждах

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 17 апреля
16... года от Р. Х.*

Чем дольше я живу, тем отчетливее понимаю, что никаких совпадений в этой жизни на самом деле нет. То, что по наивности своей мы считаем совпадениями и игрой случая, на самом деле — закономерности, подобные узору, который ткут умелые руки на ткацком станке. Просто мы перед той великой тканью слишком малы и разум наш неспособен охватить весь узор и осознать закономерности переплетения нитей — лишь изредка нам удается проследить, как та или иная нить пронизывает Ткань Бытия, и тогда мы поражаемся причудливости ее изгибов и говорим о «совпадении».

Примечание на полях. Сам-то понял, что написал? Право, тебе надо меньше общаться с магами и философами!

Как я ни пытался себе представить конечную цель нашего путешествия, как я ни мучил Герду расспросами — реальность превзошла все мои ожидания. Нет, иначе скажу — реальность превзошла худшие мои ожидания.

Город Волка — название, мгновенно и навсегда выброшенное мною из головы при виде жалкой кучки покосившихся домов вдоль четырех утопающих в грязи улиц. Какой там «город Волка» — самый натуральный Бурдафедльсстадюр — очень подходящее название.

— С чего начнем? — с готовностью поинтересовался Архимед. Судя по тому, как деловито он скинул парку и засучил рукава, изобретатель готов был начинать рыть землю прямо в том месте, где мы остановились.

— Не спеши. — Я развернул копию, которую снял с гобелена. Да... ничего общего с нынешним видом городка. Похоже, поиски обещают быть трудными. — Тут все слишком изменилось за прошедшие века.

— На самом деле тут все изменилось за один день, — подала голос Герда. — Вернее, за одну ночь, когда объединенное войско ворвалось в город и сожгло его дотла. После этого Бурдафедльсстадюр уже не смог возродиться. Как отстроили уцелевшие жители в первый год после штурма один-единственный квартал, так город с тех пор и не изменился почти. Даже прежнее название для него стало слишком длинным, так что все его называют просто Бурда.

— Так вот почему его на карте нет, — хмыкнул я. — А мне-то удивительным казалось, что про такой большой город никто не слышал. Значит, вот чем для него обернулась магия берсеркеров и мечты о мировом господстве — падением и ничтожеством.

— Такова судьба и куда более величественных городов, да и целых государств, — подал голос Транквилл. — Кто слышал сейчас об Александрии или Афинах? Только знатоки истории да путешественники, для которых это — обычные торговые города. Даже Рим — несмотря на все могущество Церкви — уже не тот, которым был, когда римские легионы маршировали по всей Европе. Но у них хотя бы был этот миг величия, что, согласись, уже неплохо!

— Все это очень интересно, — оборвал я исторический экскурс петуха. — Но у нас сейчас куда более насущная задача. Честно говоря, не ожидал, что совместить план с нынешним городом окажется сложно!

— Еще бы, — хмыкнул Архимед. — Учитывая, что на гобелене здания вышиты одно над другим и показаны сбоку... а славные викинги, идущие по улице, — размером с сами здания.

— Не запутывайся в мелочах! — отмахнулся я. — Тогда так все рисовали, даже карты. Мне бы как-то понять, где на плане находится хотя бы одно здание.

— Ну, я думаю — отстраивать город после пожара начали с центра, — важно заявил изобретатель. — Жители всегда постараются первым восстановить сердце города.

— Ерунда, — возразила Герда, мрачно разглядывая унылый пейзаж. — Тут ведь пожар полыхал. Охота им была разбирать завалы из обгорелых бревен и камней. Скорее всего, новые дома заложили где-нибудь за городской чертой.

— Это ты говоришь ерунду! — возмутился Архимед. — Фундамент-то старых домов сохранился! А это — половина работы.

— Да не спорьте вы. Сейчас найдем городской совет и все выясним.

Я еще раз обвел взглядом Бурдафедльстадюр и понял, что ни одного здания, хотя бы отдаленно напоминающего ратушу, не вижу. Нет, ну что за дыра?!

— Ладно, пошли в город, — принял я решение. — Стоя на одном месте, мы все равно ничего не решим.

Вблизи город производил еще более унылое впечатление. В немалой степени этому способствовали и жители — какие-то бесцветные, не то чтобы бедно, а скорее — серо одетые. Понятно, что в будний день и в Бублинге мало кто наряжается в праздничные одежды, но здесь с серостью был явный перебор. Жители Бурды словно изо всех сил старались подчеркнуть свою обыденность и неприметность.

— Это у них с первых лет после войны повелось, — пояснила Герда. — Вы поймите — на них ведь не просто так напали злые соседи. Когда Волк взял власть в свои руки, окрестным городам пришлось несладко. Бурдафедльстадюр стал самопровозглашенной столицей и подминал все вокруг под себя. И его жители, они ведь не просто зрителями были. В одиночку Волк, при всей своей волшебной силе, никогда не смог бы захватить столько земель. Нет, у него нашлось много почитателей, его превозносили, ему охотно служили. И жители города Волка весьма хорошо жили за счет грабежей соседних земель, которые лицемерно называли «налогами». Естественно, когда началось восстание, досталось всем жителям города — никто не стал разбирать, кто виноват, а кто ни при чем. Потому, когда войска ушли и местные жители начали строить жизнь заново, они старались не особо привлекать к себе внимание. Всем видом показывали — мы, мол, тихие, смиренные и бедные. Ну а потом это уже местной традицией стало. Выставлять напоказ достаток здесь считается просто неприличным.

— Понятно. Тогда... видимо, здание ратуши специально построено таким же скромным, как и окрестные дома! — догадался я. — Из тех же соображений!

— А что вам до ратуши? — весьма недружелюбно поинтересовался горожанин, оказавшийся в этот момент рядом. — И вообще — кто вы такие? Что вам здесь понадобилось?

Я вежливо поклонился, впрочем не снимая шляпы.

— Густав Конрад Генрих Мария фон Котт к вашим услугам. Мы простые путешественники, собиратели сказаний и легенд о великих деяниях прошлого. Сюда привела нас древняя легенда о могуществе и великолепии Бурдафедльсстадюра и постигшей его трагедии.

— Праздные туристы, — проворчал горожанин, но уже без настоящей враждебности. — Зачем ворошить прошлое?

— Не скажите! — поспешил я закрепить успех. — Мы сохраняем историю. Рассказываем правду потомкам. Очень часто бывает так, что какие-то события приходится скрывать, пока не придет время. Но может получиться так, что, когда время придет, рассказать об этом будет уже некому. А мы стараемся все сохранить.

— Правда? — Горожанин бросил подозрительный взгляд на Андрэ. — А он, скажете, тоже собиратель сказаний?

— Еще какой! Вы посмотрите, какая у него здоровенная башка! Представляете, сколько в ней легенд может уместиться?!

— А? — засмутился Андрэ, заметив, что все внимание достается ему. — Эта... че?

— Непохоже, что он и два слова может связать.

— А он и не может. Зато все помнит. Мы его с собой водим, чтобы он все запоминал. Потом он нам все рассказывает — как может, — а мы уж переписываем складно и красиво. Разделение труда — очень эффективно!

— Правда? — Наш новый знакомец еще раз подозрительно посмотрел на Андрэ, но, здраво оценив его габариты, счел за благо поверить. — Ну раз вы так говорите... История Бурдафедльсстадюра и впрямь достойна летописи! К сожалению, окружающие нас варварские племена оказались неспособны оценить все блага, которые сулило объединение народов под короной Волка. И до сих пор не понимают. Попробуй заговорить с ними о городе Волка, в лучшем случае поднимут на смех.

— Мы донесем правду до всех, кто готов ее услышать! — с приличествующим случаю пафосом воскликнул я. — Но сначала мы должны узнать ее сами. Для того и искали ратушу. Там ведь должны были сохраниться документы...

— Господь с вами! — оборвал меня горожанин. — Какие документы? Здесь ад сошел на землю в тот день! Даже камни горели, а вы говорите о каких-то бумагах!

— Вот как? Пожар был таким сильным?

— Сильнейшим! — с такой гордостью произнес горожанин, словно сам этот пожар устроил и сам же потушил. — У нас была очень сильная армия, во главе которой стоял настоящий берсеркер-оборотень! Даже сговорившись, варвары не имели шансов захватить Бурдафедльсстадюр. И они пошли на подлость! Отправили тайно караван в Грецию и привезли метательные машины и греческий огонь. Они даже не пытались взять стены города (о! тогда у города еще были стены!) в честном бою.

Просто засыпали Бурдафедльсстадюр горшками с греческим огнем. И город пал.

— Какая трагичная история, — вздохнул я. — Что же, город не удалось восстановить?

— Как видите. Многие сочли плохим знаком то, что город пал так легко. Говорили — Волк пошел против воли богов, наделивших каждое существо собственным обликом. Да много чего говорили. Из тех, кто не погиб во время штурма и кого не увели в рабство, все равно многие не пожелали остаться на прежнем месте, сбежали в окрестные города и села.

— А город отстроили на том же месте? — небрежно поинтересовался я.

— Да, насколько это было возможно. Раньше-то он был куда больше. Вот здесь, где мы стоим сейчас, только начиналась рыночная площадь. Весь нынешний город умещается в бывшем портовом квартале. Эх...

Я поспешил распрощаться с горожанином и повел свой отряд на причал. Причал, надо сказать, был отличный — явно рассчитанный на гораздо большее, чем два рыбацких судна и десяток лодок. Видимо, он сохранился еще со времен процветания: камни обросли слоями сухих водорослей и ракушек, бревна почернели и стали похожи на камень. Убедившись, что

нас никто не подслушает, я достал план и пометил крестиком грубо нарисованный кораблик на волнах.

— Вот это, я уверен, на гобелене изображен порт. Значит, вот это — главная улица. Сейчас она тоже есть — видите? — просто на ней осталось всего с десяток домов.

— По-моему, нам знание этого факта ничего не дает, — прокомментировал мои выводы Архимед. — Я все хотел спросить тебя: где на плане ты видишь хоть какой-то намек, где нам искать золотые пластинки?

— Да вот же! — Я ткнул когтем в здание на южной окраине. — Неужели это не очевидно? Я вообще удивлен, что об этом никто не догадался раньше. Впрочем, возможно, никто просто и не искал индейскую библиотеку.

— Все равно не понимаю, — развел руками изобретатель. — С чего ты взял, что это тот дом?

— Видишь? Над ним флюгер с медведем на задних лапах. И где ты хоть над одним зданием еще на этом плане видишь флюгер?

— Тебе не кажется, что такой способ обозначить клад слишком уж прост? — возразил Архимед. — Тут и дурак догадается!

— Ну вы вот, например, даже сейчас мне не верите! — не удержался я от укола. — Поймите же — ни у кого не было причин считать гобелен чем-то большим. Гобелен как гобелен, никто его пристально и не изучал. Только когда я увязал его со вторым берсеркером — тем, который обращался в медведя, — и понял, что рисунок выткали по его заказу, только тогда я сообразил, что флюгер появился тут не случайно.

Архимед недоверчиво хмыкнул:

— Допустим, ты прав. Но этого дома все равно давным-давно нет.

— Ты ошибаешься, — возразил я. — Этот дом просто обязан был сохраниться, и именно это будет главным свидетельством правильности моих умозаключений.

— Почему... — Архимед на мгновение нахмурился, после чего сильно хлопнул себя по лбу. По лицу Герды я прочел, что она тоже догадалась. — Действительно! Как просто!

— Если я прав, гобелен был выткан по заказу Медведя, — кивнул я. — После пожара. Следовательно, дом, в котором он спрятал таблички, либо каким-то образом уцелел, либо был отстроен заново. Общий вид города берсеркер мог восстановить по памяти, но этот дом должен существовать на самом деле. И раз уж ты сама говоришь, что после пожара здесь ничего не менялось, этот дом должен стоять и поныне.

— И в подвале у него зарыт клад?

— Хороший вопрос! — усмехнулся Архимед. — Воистину, устами младенца глаголет истина. Что скажешь, Конрад?

— А что толку говорить? — отмахнулся я. — Вот пойдем сейчас и все увидим на месте своими глазами.

До «места» оказалось совсем недалеко. Дом, как я и предсказал, стоял целый и невредимый. И даже флюгер в виде медведя, опирающегося на меч, был на месте. Что вообще-то удивило меня безмерно. Если учесть, сколько воды — и в переносном, и в прямом смысле — утекло, флюгер давно должен был превратиться в кучку ржавой пыли. Значит, кто-то все эти годы заботливо смазывал его и при необходимости заменял точно таким же. Случайное совпадение? Хозяевам дома просто понравился жестяной медведь? Или они в курсе всей истории?

— Я думаю, это не совпадение, — проворчал Архимед. — Но и про таблички они тут вряд ли что-то знают.

— С чего ты взял?

— А посмотрите повнимательнее. — Изобретатель указал на скромную доску, прибитую рядом с дверью. — Вообще в этом их стремлении к незаметности есть что-то нездоровое. Вот как, по их мнению, путешественник, оказавшийся в городе впервые, должен догадаться, что этот дом — таверна? Сомневаюсь я в прибыльности такого заведения.

Взглянув на доску, я вынужден был признать правоту Архимеда. Очень маленькими

буквами на доске было написано «Старый медведь», а чуть выше — совсем уж крошечными — «Таверна».

— Да уж... оригинально. Ну ничего, зато наша задача упростилась. Одно дело — вломиться в дом обычного горожанина и начать задавать вопросы о делах давно минувшей эпохи. Совсем другое — расспрашивать хозяина таверны об истории города.

— Ну-ну, — недоверчиво покачала головой Герда. — Плохо ты местных знаешь.

Как вскоре выяснилось, девушка оказалась совершенно права в своих сомнениях. Такого серого и замкнутого кабатчика мне еще встречать не доводилось, что, учитывая мой бродяжий образ жизни, уже являлось настоящим чудом. На все попытки завязать общение хозяин таверны отвечал какими-то общими фразами, настолько обтекаемыми, что даже их смысл было сложно уловить. После четвертой попытки завязать непринужденную беседу, виртуозно нивелированной безразличным «Как будет угодно, херр Котт», я сдался.

— Это самый ужасный кабак, который я встречал в своей жизни! Предлагаю просто связать хозяина и выбить из него всю правду.

— Вы неправы, господин капитан!

— Андрэ? — Я чуть не подавился от неожиданности.

— Ну это... а че? Здесь хорошо кормят!

— Вообще-то Андрэ прав, — вмешалась Герда, заметив, что я начинаю вскипать. — Вернее, он, конечно, говорил о другом, но так уж получилось — в точку. Не стоит решать вопросы силой...

— И это я слышу от тебя?!

— Именно от меня — кому, как не мне, знать цену силовым решениям? Уж в нашей-то профессии постоянно приходится добывать информацию. Смотри...

Если вы спросите меня, что сделала Герда, мне будет сложно ответить. Вроде как и ничего. Просто села чуть-чуть иначе, закинула ногу на ногу, чуть-чуть распустила шнуровку на куртке, чуть-чуть иначе откинула волосы... Я услышал, как тяжело задышал Архимед, и даже на лице Андрэ появилось смятенное выражение, и он отложил в сторону огромный сэндвич с тунцом. Впрочем, в следующее мгновение король опомнился и ухватился за него, словно утопающий за обломок мачты. И так отреагировали те, кого лишь зацепило самым краем обаяния, излучаемого Гердой. У кабатчика же, против коего и был направлен основной удар, шансов просто не было. Следующие полчаса мы могли любоваться жалким зрелищем, которое представляет собой мужчина, попавший в силки женщины.

Разумеется, он рассказал все. Даже то, что нам было совершенно не нужно. Он распустил хвост и готов был токовать глухарем, лишь бы Герда слушала его и улыбалась ему. Рядом со мной племенным быком сопел Архимед. Я даже порадовался, что шкура кота нечувствительна к чарам девушки. Все-таки страшную силу завещала Ева своим дочерям!

— Вот видишь! — Герда небрежным жестом отослала окончательно растаявшего хозяина таверны и мгновенно вернула себе прежний облик. — Мы все узнали, не прибегая к насилию.

— Знаешь, по мне, так привязать его к стулу и пересчитать ребра было бы милосерднее, чем то, что ты с ним сделала! Ладно, не дуйся, я же шучу! Спасибо тебе, мы узнали что хотели.

Ну на самом деле, конечно, не совсем то, что хотели. Вернее, я предпочел бы узнать, что золотые таблички спокойно лежат, допустим, в домашнем святилище и ждут потомка Медведя. Или что-то вроде того.

Но это было бы слишком просто.

Потому проблемы имелись. Да еще какие!

Мы расплатились и покинули таверну.

— Извини, я не ожидала, что так все обернется. — Такой мрачной я не видел Герду даже в ледяном замке.

— И что будем с этим делать? — Архимед был мрачен как никогда.

— Да уж, — не менее мрачно прокудахтал Транквилл. — Досадный поворот.

— А? — Андрэ, глядя на нас, попытался придать своей простецкой физиономии мрачное выражение, но тут же расплылся в довольной ухмылке. — А заливное они умеют готовить!

— М-да... Вот чего я никак не ожидал, так это появления соперника, — вынужден был признать я. — Твои предки, Герда, допустили крайне досадную оплошность.

— Ну ты даешь! Как будто ты не знаешь, как это бывает с королями! Как ни зачищай окружение, все равно при удобном случае невесть откуда является наследник. А то и несколько! Я бы вообще установила правило: становится человек королем — тут же зачинает наследника, после чего добровольно приносит обет безбрачия.

— Я тебя умоляю! — хмыкнул я, вспомнив рассказы кардинала Пузорини о нравах в Курии. — Кому и когда этот обет мешал?

— Так ведь его можно и подтвердить. — Девушка многозначительно крутанула в руке нож, блеснувший на солнце и мгновенно исчезнувший в рукаве. — А то с этими бастардами сплошные хлопоты.

— Господин капитан, — испуганно прошептал Андрэ, — ведь она нам больше ничем не поможет? Может быть, пусть ее? Домой там отправляется или еще по каким душегубским делам? А то что-то мне боязно!

Судя по лицу Архимеда, он был полностью на стороне короля.

— Да не тряситесь вы так! — хмыкнула девушка, впрочем явно довольная произведенным впечатлением. — Это шутка была. Не трону я Андрэ — он мне нравится!

— А?! — Это признание, похоже, перепугало несчастного монарха еще больше. — И тебе тоже?! За что мне это?!

— Все! — оборвал я причитания Андрэ. — Собрались! Конечно, судьба вновь пошутила над нами, но при этом мы узнали кое-что полезное! По крайней мере, теперь можно быть уверенными — золотые таблички существуют!

Как рассказал хозяин таверны, получил он ее в наследство от своего отца и вел дела согласно установившимся в Бурде традициям. Ни о каких золотых табличках и не подозревал, хотя в семейном предании говорилось, что дом после пожара отстроил сам Медведь. Якобы шаман некоторое время жил в медленно восстанавливаемом городе, присматривал за порядком, помогал землякам как мог. Но потом все-таки не выдержал городской жизни и вернулся в лес. А дом подарил одному из горожан, пожелавшему открыть в городе таверну. Именно подарил, правда оговорив два условия. Условия были довольно странные, ну так ведь и шаман, прямо сказать, человек был непростой, так что никого это особо не удивило. Одним из условий, как нетрудно догадаться, было обязательное наличие на крыше таверны флюгера, изображающего медведя. Шаман схитрил, заявив, что, пока на крыше будет этот флюгер, делам будет сопутствовать успех. Поначалу этому даже верили, несмотря на то что никакого успеха в делах не наблюдалось. А потом это просто стало одной из традиций, о смысле которой никто уже и не вспоминал.

Вторым условием было сохранить одну комнату — предположительно рабочий кабинет Медведя. Никого туда не селить и ничего в ней не трогать. Условие тоже, прямо сказать, простое, учитывая, что такого наплыва гостей, чтобы все комнаты были заняты, в таверне ни разу не случилось.

Смысл обоих условий раскрылся около десяти лет назад. В Бурдафедльсстадиор прибыл чужеземец. Событие само по себе для городка, сторонним вниманием не избалованного, исключительное. «Своих» купцов, наезжавших в Бурду ежегодно, тут знали хорошо, этот же человек мало того что никогда ранее в городе не появлялся, так еще и, судя по выговору, был из каких-то дальних мест. Тем не менее чужак сразу направился к таверне, словно кто-то ему указал на неприметный дом. Вернее, конечно, путь ему указал флюгер, но об этом хозяин таверны догадался уже потом. А поначалу он принял гостя за одного из тех бродяг, что путешествуют по свету в поисках лучшей доли. Выглядел гость к тому же довольно непрезентабельно — сущий разбойник с большой дороги. Впрочем, требование расплатиться за ночлег заранее его ничуть не смутило, он равнодушно выложил деньги сразу за два дня и

заперся в отведенной ему комнате. А утром выяснилось, что гость исчез. Дверь в кабинет Медведя была взломана, внутри — следы тщательного, хотя и осторожного обыска. И вскрытый тайник. Под подоконником в стене оказалась довольно большая ниша, теперь пустая. Хозяин таверны, когда понял, что все это время у него буквально под носом лежал клад, а он его упустил, чуть не рехнулся от досады.

Завершающим же картину штрихом было послание, которое обнаружил в осиротевшем тайнике хозяин таверны. Незнакомец приносил искренние извинения за обман и сообщал, что изъятие содержимого тайника ни в коей мере не следует воспринимать как банальный грабеж. На самом деле это есть лишь восстановление исторической справедливости, поскольку он — то есть незнакомец — забирает то, что некогда принадлежало его предку Волку. Тому самому.

Поразмыслив и успокоившись, хозяин таверны решил никому о ночном происшествии не рассказывать. Ценности, чем бы они там ни были, уже не вернуть, а становиться объектом насмешек не хотелось. И если бы не бесчеловечные методы Герды, мы так ничего и не узнали бы.

— Узнать-то мы узнали, — возразил Архимед. — А что толку? Где искать теперь этого волчьего потомка? Да и целы ли таблички? Вдруг он их переплавил давно и продал?

— Не думаю, что он их забрал, чтобы переплавить. Это было бы совсем глупо.

— Людям свойственно совершать именно глупые поступки.

— Надеюсь, потомок Волка не таков. В конце концов, он как-то пришел к тем же умозаключениям, что и я, хоть и не имел под рукой гобелена с подсказкой. Думаю, таблички ему нужны, именно чтобы узнать мудрость, записанную на них индейскими шаманами.

— Допустим, — нехотя согласился Архимед. — Но нам от этого ни тепло ни холодно. Где его теперь искать? Даже если он остался в Скандинавии, он может быть где угодно.

— Нет, — неожиданно подала голос Герда. — Кажется, я знаю, где его искать.

Не дожидаясь вопросов, девушка поведала кое-что из событий своего детства. Тогда у нее еще была семья. Обычная, ничем не примечательная семья городского ремесленника — не очень богатая, в которой не всегда было вдоволь еды, но всегда хватало любви. Увы, судьба очень часто выступает злой насмешницей, выбирая цели, кажется, вслепую. Таковой «слепой целью» стала семья Герды.

Девушка не помнила, из-за чего на их семью начались гонения: она тогда была слишком маленькой и просто не понимала, почему в их дом пришли стражники и, выгнав ее родителей на улицу, стали вытаскивать небогатое их имущество и складывать на телегу. Можно только предположить, что отец не смог заплатить какие-то налоги или чем-то иным провинился перед городским советом. Так или иначе, места в родном городе для семьи Герды не осталось, и они отправились в странствия.

Денег у них, естественно, не было, а ведь беглецам постоянно нужны средства. Временами удавалось осесть в каком-нибудь городе или на хуторе, отдохнуть. Но постоянной работы нигде не удавалось найти, и они вновь отправлялись в путь — до следующего временного приюта.

Одно из таких мест запомнилось маленькой Герде.

Встретили их неприветливо, но в том не было чего-то из ряда вон выходящего, к бродягам везде относятся подозрительно. Впрочем, как раз было время сбора урожая, и отца с матерью все же взяли на работу, так что некоторое время в тепле и относительной сытости было гарантировано.

Однако вскоре у Герды сложилось впечатление, что хозяин хутора, господин Суси, что на местном наречии значит «волк», человек весьма странный. Он почти не выходил из своей комнаты, которую величал исключительно «кабинетом» и в которой занимался какими-то непонятными «опытами». И о «кабинете», и об «опытах» домашние говорили с благоговейным придыханием и кощунством считали даже обсуждение того, чем занимается хозяин. Естественно, при такой тайне, окружавшей «кабинет», Герда никак не могла удержаться от попытки все разузнать. Оказалось это довольно сложно, поскольку хозяин

хутора крепко озаботился сохранением тайны своих занятий. Но выстраивал-то он свою охрану против взрослых, а против любопытного ребенка она оказалась куда менее действенной.

После упорных поисков Герда обнаружила на чердаке место, где, расширив щель в полу ножом, можно было заглянуть в «кабинет». Тут ее ждало разочарование — ничего интересного в «опытах» не было. Господин Суси либо возился с какими-то инструментами и странной формы сосудами, либо вообще целыми днями читал толстенные книги, время от времени делая какие-то записи. Зато в процессе слежки она узнала, что хозяин время от времени тайно покидает дом посреди ночи и возвращается лишь под утро. Любопытство оказалось сильнее страха, и однажды девочка проследила за господином Суси. Тот ушел совсем недалеко от хутора — до ближайшей поляны, где разделся и без всяких заклинаний или ритуалов превратился в волка. Обыденность сего волшебства поразила девочку даже больше самого факта превращения — господин Суси не произносил никаких заклинаний, не совершал ритуалов, которыми народные поверья обязывают оборотней, он просто встал на четвереньки, встряхнулся и превратился в волка.

Точно так же, как это сделал Николас, превращаясь в медведя.

Герда, правда, не сразу вспомнила события более чем десятилетней давности, но, когда в гостинице прозвучало имя Волк, все встало на свои места.

— И ты помнишь, где тот хутор? — переспросил я, не веря такой удаче. — Ведь столько лет прошло!

— В точности, конечно, не помню. Но мне запомнился город, в который мы направились, когда урожай был собран и господин Суси отказал нам в приюте. В этом городе нам удалось прожить почти год. А от него до хутора не так далеко, и дорогу я, наверное, смогу вспомнить.

— Отлично! — Слова девушки вернули мне уверенность. — Тогда немедленно отправляемся в... как ты сказала, называется город?

— Хрюккельниemi.

— Значит, вперед — в Хрюккельниemi!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

повествующая о поисках «логова Волка» и о новом спутнике, которым обзавелся благородный Конрад фон Котт

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 22 апреля
16... года от Р. Х.*

Вот не так уж и давно вспоминал я недобрым словом своего ангела-хранителя за его постоянные шуточки, превращающие мою жизнь в череду каких-то опасных, утомительных и даже каких-то неприличных эскапад. Увы, все дальнейшие события несуразной моей жизни лишь подтверждают справедливость тех моих претензий. Почему, ну почему такие глупые истории происходят именно со мной?! Почему вместо героических подвигов и жестоких сражений все неизбежно оборачивается нелепым шутовством?!

Примечание на полях. А с другой стороны, ну какие тебе сейчас героические подвиги?

Путешествие до славного города Хрюккельниemi отняло у нас меньше недели.

«Славный» — это я написал не красного словца ради. Правда, и не в том смысле, что город этот был чем-то славен. Просто город на самом деле оказался очень славный — тихий, даже немного сонный, с широкими, чистыми улицами и аккуратными домиками. Впрочем, как я заметил, таковы были почти все попавшиеся нам по пути города и села.

Герда, ступив на знакомые по детским воспоминаниям улицы, как-то вся изменилась. Суровое, не улыбочливое лицо... нет, оно на самом деле осталось таким же суровым, но в этой суровости появилась некая светлая черта. Впрочем, умиление, кое ваш покорный слуга испытал в первые минуты, быстро прошло. А на исходе второго часа блужданий по городу

сменилось нетерпением, а потом и раздражением.

— Ну и что? — решил я наконец поторопить ностальгирующую девицу. — Что-нибудь вспомнила?

— Какой ты все-таки черствый! — осуждающе покачал головой Архимед. — Я давно это заметил, но списывал на трудное положение, в котором ты оказался. Однако сейчас ты мог бы проявить чуть больше такта!

— Действительно! — поддержал изобретателя Гай Транквилл. — Тебе совершенно незнакома деликатность!

— Да, — неожиданно присоединилась к моим хулителям даже Иголка. — Я, конечно, не должна критиковать своего командира, но портить встречу с детством — это как-то совсем нехорошо!

— Это... типа, да! — сурово произнес Андрэ. — А мы когда на постоянный двор пойдем? Пора бы уже и пообедать!

— Конрад, — тревожно прокудахтал Транквилл, — насчет постоянного двора — очень своевременная мысль! А то мне не нравится, как его величество на меня посматривает!

Герда, уже некоторое время стоявшая в глубокой задумчивости возле скромного фонтанчика, наконец повернулась к нам с просветленным лицом.

— Все так, как я и запомнила!

— Действительно? — вяло изобразил я интерес. — Деревья не стали меньше?

— Да нет, я не о том, — отмахнулась девушка. — Понимаешь, мне этот город запомнился как скучная, сонная дыра. Я все пыталась вызвать в себе какие-то теплые воспоминания о счастливом детстве, но вспоминалась только скука, от которой я просто с ума сходила. Но это же ненормально! Детям ведь все кажется интересным! Я даже беспокоиться начала... А сейчас походила по улицам и убедилась: действительно, скучная, сонная дыра!

Я услышал, как за спиной крякнул Архимед, и почувствовал себя отомщенным.

— Тогда завтра начнем искать хутор.

— Да искать-то особо и не придется, — успокоила меня Герда. — Вспомнила я, по какой дороге мы пришли и примерно сколько идти. В общем, найдем легко. Главное, подготовься к встрече с Волком. Ты же не думаешь, что он вот так просто отдаст тебе библиотеку индейцев?

— Да неужто?! — Я вложил в вопрос весь доступный мне яд. — А я-то, наивный, так на это надеялся!

— Вы не расстраивайтесь, господин капитан! — поспешил утешить меня Андрэ. — Вы на самом деле очень умный. Это просто мы с самого утра ничего не ели, вот вы и отупели немножко. Со мной всегда так: если вовремя не поем, сразу тупею. Пойдемте уже на постоянный двор, а?

— Уже идем, успокойся. — Как обычно, наивная философия Андрэ улучшила мое настроение. Хоть и приходилось признать, что Герда затронула больной вопрос: берсеркеру нет никакого резона отдавать нам таблички. И силой нам их не взять: против нас будет берсеркер. А у нас теперь только один настоящий боец, да и тот — девчонка! К тому же Волк — не просто берсеркер, неизвестно, что за знания он получил из этих золотых табличек! Нет, силовое решение оставим на крайний случай. Для начала попробуем взять хитростью.

Я размышлял над предстоящим делом весь вечер. К сожалению, о противнике было известно до обидного мало. На осторожные расспросы хозяин постоянного двора и несколько посетителей только пожимали плечами — в окрестностях Хрюккельниemi было много хуторов, но обитатели их в городе появлялись редко, только по делам. Вопрос же о том, не показался ли кто-то из хуторян странным, последовал исчерпывающий ответ: мол, да все они с придурью, но такого, чтобы особо бросалось в глаза, нет, никто не припоминает. Видимо, берсеркер был осторожен.

События последних недель сильно вымотали и моих спутников, да и меня самого, так

что сразу после трапезы мы разбрелись по своим комнатам отдыхать. Андрэ вообще уснул раньше, чем его голова коснулась подушки, прямо с куском пирога в зубах. Я с наслаждением избавился от человеческой одежды, свернулся на кровати и...

...пульсирующая тьма охватила меня. На этот раз я не просто видел тьму перед собой, она окружала меня, сжимала — хоть и была бесплотна. Казалось, тьма вокруг была стенками гигантского сердца, которое сокращалось с неспешной равномерностью. Прямо передо мной тьма переходила в кровавое зарево. Посланец... Он был уже близко, хотя я все еще мог разглядеть лишь его силуэт. Но и того было достаточно, чтобы осознать его нечеловеческую суть. Огромная приземистая туша, увенчанная каким-то горбом — были ли то сложенные крылья демона? — размахивая четырьмя руками, ковыляла ко мне, издавая невнятные возгласы невыносимым ноющим голосом...

— Господин капитан! Господин капитан! Проснитесь!

— Уф-ф-ф. — Я вынырнул из удушливого кошмара. — Андрэ... ты меня только что спас!

— Че, правда? — обрадовался король. — Так это мне запросто! Этак я вас хоть каждую ночь спасать буду! Тока вы в следующий раз кричите погромче, а то ж я случайно проснулся — вот... пирог какой-то шутник в рот засунул. Не иначе Архимед! Я чуть не подавился! Открываю глаза, а вы прям мечетесь так по кровати и стонете жутко! А так бы я, конечно, ни в жисть не проснулся.

— А... я стонал?

— Не то слово! Будто черти из вас жилы тянут!

— Понятно. — Я содрогнулся от этого живописного образа и вновь свернулся на постели. — Спасибо, Андрэ. Не знаю, можно ли умереть во сне? Точнее, от сна. Нет, тоже неправильно. Во сне, будучи убит сном... А, ты уже спишь? Счастливчик.

Засыпать я больше не рискнул, да в общем-то и не хотелось уже. Что, прямо скажем, неудивительно. Если теперь каждую ночь мой сон будет превращаться в подобный кошмар, надолго меня не хватит. Впрочем, судя по тому, что во сне посланец дьявола почти добрался до меня, следовало ожидать его скорого появления и в реальности.

— Хосе Альфонсо? — Да?

— Ты так и не раскроешь мне моего будущего?

— А смысл? — непривычно серьезно спросил призрак. — Ты же сам задался целью поменять его. Вот и меняй. Зачем тебе знать, каким оно могло бы стать? Представь, каким его хочешь видеть ты, и делай его в соответствии со своим представлением.

— Надо же, — хмыкнул я. — Когда ты перестаешь рифмовать свои «розы-слезы» и «любовь-кровь», то начинаешь говорить довольно мудрые вещи.

— Конрад! — возмущенно завопил призрак. — Даже когда я был еще живым и даже очень молодым поэтом, я не опускался до банальностей! Неужели ты думаешь, сочиняй я такие бездарные стихи, я был бы столь знаменит, что меня привечали знатнейшие вельможи?!

— Пожалуй, верю! Вот писал бы ты по-настоящему бездарные стихи, так тебя, пожалуй, сделали бы придворным поэтом!

По комнате прошелестел призрачный смех.

— Похоже, ты не такой уж тупой солдафон, каким кажешься на первый взгляд! Суть ремесла поэта, во всяком случае, улавливаешь!

Настала моя очередь смеяться.

— Никак не пойму, Хосе, какого дьявола ты за нами увязался?

— Так я связан заклятием той ведьмы, что меня вызвала! Я должен оставаться рядом с тобой, пока не расскажу тебе, кто такой посланец дьявола и чем закончится твое с ним столкновение.

— Ну так расскажи.

— Да не могу я! — Призрачный поэт помолчал и нехотя добавил: — Я не знаю.

— Что? — опешил я. — Ты же говорил...

— Мало ли что я говорил. Слушай, что сейчас говорю. Вообще, я не знаю, откуда взялось это наивное убеждение, что призракам ведомо будущее. Ладно бы прошлое — это как-то еще можно понять. Призрак сам мог жить в отдаленные времена или поспрашивать таких же призраков — очевидцев интересующего события. Но откуда нам знать будущее? Где логика?!

— Погоди, погоди, — прервал я распалившегося поэта. — Так что же ты мне тут только что объяснял, что не нужно знать будущее, что нужно его делать самому? Ты, выходит, просто не мог мне про него рассказать?!

— И что? Разве мои слова от этого перестали быть правильными?

— Ну... Пожалуй, нет, — подумав, вынужден был согласиться я. — Ладно, допустим... Но как же другие призраки предсказывают будущее?

— Да не предсказывают они, — презрительно хмыкнул Хосе. — Угадывают. Нас ведь по каким вопросам призывают? Ну вот представь, что призвали тебя и ты, значит, видишь перед собой купца, который беспокоится о том, доплывет его корабль из Кадиса в Индию или нет. Ты, значит, переносишься на корабль, узнаешь, как идет плавание, потом быстренько пролетаешь по курсу, приглядываясь к другим судам, болтающимся в тех местах, и к погоде. Погода отличная, суда все торговые. Что ты скажешь купцу?

— Э... что корабль благополучно достигнет Индии? — начал догадываться я.

— Вот ты и сделал свое первое предсказание! — поздравил меня Хосе. — Ну и, конечно, если по курсу корабля имеется хороший шторм или пиратская эскадра...

— Предсказываешь, что корабль вряд ли достигнет места назначения?

— Вот именно. И, естественно, существует масса обтекаемых ответов, которые прекрасно годятся в случае, когда ситуация неоднозначная... ну или тебе просто лень узнавать подробности. Ответил что-нибудь вроде «боги моря будут довольны тобой» и отправляйся спокойно отдыхать — пусть клиент сам думает, будет ли плавание успешным, потому что боги моря благоволят ему, или корабль утонет, и боги моря будут довольны жертвой.

— Ну и что помешало тебе ответить мне что-нибудь такое?

— Да понимаешь... — замялся Хосе. — Очень уж случай у тебя необычный. Заглянуть в преисподнюю ни я, ни один из призраков не в силах.

— Ну так дал бы этот самый обтекаемый ответ. Тем более что, когда ты стихами говоришь, тебя вообще не поймешь.

— Да мне самому интересно стало, — признался Хосе. — Не каждый день встретишь человека в шкуре кота. Да еще умудрившегося насолить самому дьяволу!

— А откуда ты вообще узнал о посланце преисподней? И о моей гибели?

— Так я знаю о них только то, что вы при мне сами говорили! — довольно рассмеялся поэт. — Мне нужно было только внимательно слушать и подавать многозначительные реплики. Остальное вы сами додумывали!

— Ну ты жук! — искренне восхитился я. — А ведь верно — так все и было!.. А что сейчас вдруг решил открыть карты?

— Так ведь, судя по всему, игра к финалу подходит. Не сегодня завтра ты встретишься с Волком, получишь рецепт тинктуры и вернешь себе человеческий облик. А потом сразишься с посланцем.

— Погоди, погоди... это ты сейчас пророчествуешь?

— Да ну тебя! Я же сказал — не могут призраки будущее видеть!

— Тогда с чего ты взял, что я получу рецепт?

— А ты сомневаешься? — удивился Хосе. — Я вот уверен, что Волк тебе его отдаст, либо ты его отберешь, либо украдешь, либо... ну, конечно, может быть, он тебя просто убьет.

— Иезус Мария!

— Если серьезно, я бы поставил на тебя. Уж больно хорошо ты до сих пор из всех неприятностей выпутывался.

— Мне бы твою уверенность! — Я вспомнил Николаса и погрузился.

— Ну не получится — присоединишься ко мне. Будем вдвоем по свету путешествовать и живых пугать.

— Гм... Спасибо!

Как ни странно, но это «оптимистичное» предложение меня действительно успокоило, и я заснул и спал сном младенца до самого утра. А поскольку Транквилла предусмотрительно оставили в конюшне, утро у отряда началось просто замечательно... ну если не считать Иголки, которая сонно спотыкалась и что-то сердито ворчала под нос. Хорошо — снег успел сойти и дорога основательно высохла, так что даже в полудреме лошадь шла вполне уверенно.

— По моим воспоминаниям, до хутора совсем недалеко, — задумчиво разглядывая раскинувшуюся перед нами долину, произнесла Герда. — Когда Волк прогнал нас, мы добрались в Хрюккельниемеи всего за один день.

— Это хорошо. А что он за человек? То есть, судя по тому, что ты рассказала, уже ясно, что человек он довольно неприятный. Но я имею в виду — сколько ему примерно лет, высокий или низкий, толстый или худой...

— Он показался мне немного старше отца, так что ему сейчас может быть около пятидесяти лет...

— Пятидесяти?! — Андрэ отчаянно поскреб в затылке. — Это плохо! Не буду я драться с дедушкой! Вы же, сами не знаете — старых и малых обижать нельзя! Это против рыцарских правил!

— Брось, Андрэ! — отмахнулся я. — Знаю я таких «дедушек». Всю жизнь на природе, тяжелый физический труд, простая сытная еда. Он сейчас в самой силе.

— С таким я тем более драться не стану!

— Да тебя никто и не заставляет. Может быть, еще все удастся миром решить. Кстати, Герда, когда покажется хутор, отстань и скрытно зайди с другой стороны. Если что, я рассчитываю на твои таланты.

— Сделаю в лучшем виде, — улыбнулась девушка пугающе милой улыбкой. Мне его обездвижить или сразу?..

— Если сможешь, только обездвижь. Хорошо было бы его допросить. Мало ли куда он эти таблички запрягал? Но не рискуй зря, он все-таки берсеркер, причем настоящий. Архимед, Андрэ, наша с вами задача, если начнется заварушка, отвлекать берсеркера на себя. Нужно, чтобы он открыл спину Герде...

— Конрад, — ехидно проскрипел Транквилл, выслушав мои распоряжения, — это, по-твоему, ты так готовишься решить вопрос миром?

— Si vis pacem, para bellum, — важно ответил я. — Хочешь мира — готовься к войне!

Сраженный петух замолчал. В кои-то веки от уроков латыни, коими мучили меня в детстве, я поймел хоть какую-то пользу!

Герда остановилась и негромко произнесла:

— Вот мы и на месте.

— Ты уверена? — Я почувствовал недоумение и разочарование.

— Здесь даже призрак не найдет где поселиться! — в унисон моим мыслям откликнулся Хосе Альфонсо. — Берсеркерам, похоже, нынче плохо платят.

Если отбросить поэтическое преувеличение, то сеньор Фигейро да Бухоралес весьма точно обрисовал положение дел. Когда-то это был большой дом, похоже — не менее двух этажей в высоту, окруженный садом. Теперь сад разросся и одичал, а дом превратился в самые настоящие развалины. Не знаю, что уж там произошло, но одна из стен дома обрушилась полностью, от крыши и верхнего этажа почти ничего не осталось, а нижний этаж был наполовину погребен под обломками. Тем не менее в уцелевшей половине явно кто-то жил: окно было затянуто рогожей, из полуразрушенной стены торчала железная труба, курившаяся дымом.

Герда дисциплинированно растворилась в кустах. Несмотря на весь мой военный опыт

и кошачий слух, я не уловил ни одного шевеления веток. Что ж, хорошо, что такой специалист считает себя в долгу перед нами! Оставив на всякий случай Андрэ с Иголкой и Транквиллом на дороге, мы вдвоем с Архимедом зашагали к развалинам.

— Конрад, там никого нет! — доложил Хосе Альфонсо, когда мы уже собирались стучать в криво свисающую в проеме дверь. — Я заглянул внутрь.

— Хосе...

— Да, Хосе может говорить не стихами, — перебил я изумленного Архимеда. — Нет, никакого проклятия на нем нет. Просто он так хочет говорить. И — да, я это уже давно знаю. Нет, не скрывал, просто к слову не пришлось. Я удовлетворил ваше любопытство, теперь вернемся к делу.

— Там только что кто-то готовил еду... ну... во всяком случае, это похоже на еду, — продолжил призрак. — Видимо, он услышал наши шаги и улизнул.

— Х-ха! Никто никуда не улизнул! — послышался из зарослей кустарника насмешливый голос Герды. — От меня еще никто никогда не уходил.

Девушка вышла на свободное пространство перед домом, волоча под мышкой кого-то небольшого, но отчаянно сопротивляющегося. Когда она поставила свою добычу на ноги, оказалось, что это — мальчишка лет десяти самого бродяжного вида. Вся одежда его, несмотря на холод, состояла из широченных портков, явно когда-то принадлежавших взрослому и неровно обрезанных чуть выше щиколоток, да рогожного мешка с прорезанными дырками для рук и головы. «Одежда» эта была грязной и прокопченной до невозможности, впрочем, как и сам мальчишка.

— Ты кто такой? — сурово спросил я оборвыша, уже чувствуя очередную неудачу. — Что здесь делаешь?

— А ты кто такой, чтобы я тебе отвечал? — задиристо выкрикнул мальчишка, хотя коленки его заметно дрожали. — Буду я с каким-то уродом разговаривать!

— Сам-то, думаешь, красавец? — фыркнул я, стягивая с морды шарф и снимая шляпу. — Отвечай быстро, или нос откушу!

— Дьявол! — взвизгнул маленький нахал и попытался убежать, но Герда твердой рукой перехватила его и вернула в исходное положение. — Не забирайте меня в ад, дяденька дьявол! Я не виноват, что меня в церковь не пускают! Они думают, я воровать пришел! А так бы я обязательно все службы посещал!

— Какое похвальное стремление, — хмыкнул я. — Отвечай же, кто ты и что здесь делаешь?

— Я — Волк! Это мое поместье!

Сказано это было, несмотря на отчаянно стучащие зубы, с таким пафосом, что Архимед с Гердой переглянулись и прыснули со смеху. Андрэ тоже присоединился к ним, хотя было видно, что он не совсем понимает причину веселья. А вот мне было совсем не смешно.

— Волк? Тебе сколько лет?

— Откуда я знаю? — сердито проворчал мальчишка. — Кому делать нечего, те пусть и считают!

— Понятно. То есть счету ты не обучен. Это позволяет нам предположить, что ты все-таки не тот Волк, которого мы ищем, волшебным образом помолодевший на полвека. На вид я дал бы тебе лет десять, так что ты либо сын того Волка, либо — более вероятно — внук. И поскольку ты назвал поместье своим, предположу, что больше в твоём роду мужчин нет. А если судить по твоему внешнему виду, то и женщин тоже.

Я обернулся к спутникам и вздохнул:

— Ну и что вы веселитесь? Мы, между прочим, в полном... гм... в общем, опять неудача. Герда, можешь отпустить его.

Мальчишка, почувствовав свободу, хотел было убежать, но я окликнул его:

— Эй, Волк! Ты есть хочешь?

— Хочу!

— Андрэ, тебя я не спрашивал! Волк, не бойся, мы тебе не враги. Мы немного

отдохнем здесь, перекусим и двинемся дальше. Если хочешь, можем поделиться с тобой нашей едой. Я знаю, ты там что-то готовил для себя, но у нас есть настоящий хлеб и настоящее мясо. Хочешь?

Мальчишка помедлил, но вид поджаристого каравая, который догадливый Архимед тут же вытащил из сумки, парализовал его волю. Словно сомнамбула, маленький Волк подошел к нам и уселся на корень старой яблони рядом с Гердой. Андрэ щедрой рукой отмахнул краюху хлеба, накрыл ее ломтем копченого окорока и увенчал сверху толстой полосой сыра.

— Держи, паря! Не тушуйся, ешь! Андрэ знает, что такое каша из корешков — от нее только сильнее жрать хочется. Так что наворачивай нормальный хавчик, коли уж свезло!

— Откуда ты знаешь, что там каша из корешков? — изумленно уставился я на короля. — Ты же не заходил в дом!

— А что еще здесь можно раздобыть? — рассудительно спросил Андрэ. — Да и помню я этот запах... наверное, никогда не забуду.

— Вы ели корни?! — Мальчишка от удивления чуть не подавился огромным куском бутерброда. — Но... но вы же рыцарь!

— Ну рыцарями не рождаются! — важно отвечивал Андрэ.

— Дурень!

— Ну да, не рождаются, я знаю! — Увлечшись, Волк не обратил внимания на Архимеда. — Но чтобы рыцарем стать, надо быть благородного происхождения!

— Э-э-э... ну... благородными не рождаются, — уже менее уверенно заявил Андрэ, панически оглядывая нас в поисках поддержки. — Наверное...

— Я же говорю — дурень! — резюмировал Архимед.

— Андрэ имел в виду, что и у рыцарей случаются тяжелые времена, — пришел я на выручку запутавшемуся королю. — Да ты и сам ведь не босяком родился. По развалинам дома видно, что раньше хутор был вполне крепким.

— Да. — Мальчишка равнодушно пожал плечами. — Я почти не помню тех времен. Отец уничтожил тут все, когда я был совсем маленьким. Много лет прошло...

— Вот как. А у нас как раз было дело к твоему отцу, — осторожно ввернул я. — Он ведь был знатоком древней мудрости...

— Кто? Мой батя?! — Мальчишка рассмеялся. — Ну ты сказал! Знатоком бутылки он был. А! Ты небось его с моим дедом перепутал. Тот и впрямь умный был. Да только не помог ему весь его ум.

— Может быть, и правда нам нужен был твой дед. А что с ним случилось?

— Да я сам не очень понимаю, — вздохнул мальчишка, доев бутерброд и принимая из рук Андрэ новый. — Я ведь мелкий ваще был, ниче не соображал. У деда была какая-то книжка, которую он от всех ныкал. Ну или не книжка, какие-то записи. Но он их прочесть никак не мог. Бился-бился, но не мог, потому как они были на чужом языке и вообще зашифрованные сильно. Но он много лет над ними бился и все-таки прочитал. И исчез.

— В каком смысле?

— Ты что — тупой? — уставился на меня оборвыш. — Как исчезают? Пффф! И все! Был дед, и нету его.

— Понятно... — протянул я. — Видимо, старший Волк расшифровал записи индейских шаманов и нашел, на свою беду, какое-то заклинание, которое уничтожило его. Да, но у тебя же был еще отец! С ним-то что случилось?

— С ним... да что с ним сделается? — как-то совсем по-взрослому вздохнул мальчишка. — Когда дед исчез, батя испугался, но и обрадовался, конечно. Дед-то его поколачивал за пьянство. Иной раз даже и запирали в подвале. Только батя все равно — хоть неделю просидит, хоть месяц, а как выберется, так в тот же день и на рогах ползает. Ну а как дед исчез, тут батя его книжкой волшебной завладел и заявил, что теперь всю премудрость постигнет и у него всегда будут деньги на выпивку. Заклинание он вроде даже прочесть смог, — видать, дед его перевел и записал. Только, наверное, что-то неправильно прочел или не так махнул рукой... В общем, от дома осталось ровно то, что сейчас. Батя, правда, жив

остался. Но испугался сильно. Собрал мешок — и был таков.

— И тебя бросил?! — возмущенно воскликнула Герда. — Что за скотина!

— Да не, он хотел меня с собой взять, — поспешил восстановить справедливость мальчишка. — Но я сам с ним идти не захотел и спрятался. Ну его! Я бы с ним точно пропал!

— Так ты, получается, совсем один тут столько лет живешь? — воскликнула Герда.

— А че? Одному хорошо — никто тебе не говорит, что делать. Не командует, не заставляет! Я тут сам себе король!

Мальчишка снова вцепился зубами в бутерброд. Я переглянулся со спутниками. Все было ясно: после исчезновения старого Волка его непутевый сын, убедившись в своей бездарности в качестве мага, сбежал с библиотекой индейцев. Или решил найти более сильного мага и получить у него помощь, или просто задумал продать золотые таблички. Учитывая нелестную характеристику, данную собственным сыном, второй вариант казался наиболее вероятным.

— Конрад, не отчаивайся! — произнес Архимед таким соболезнающим тоном, что сразу захотелось удавиться. — Еще не все потеряно!

— Конечно! — фальшиво-бодрым голосом поддержал его Гай Транквилл. — Найдем этого типа и отберем у него таблички — делов-то! Еще и проще, не нужно будет сражаться с берсеркером!

— Блин! А где мы его искать будем — ты подумал? — бесцеремонно оборвала кудахтанье петуха Герда. — Прошло уже несколько лет. Этот пьяница может быть где угодно, даже на том свете!

Архимед зашикал на девушку, обвиняя ее в бесчувственности, но я уже не слушал их, захваченный одной мыслью.

— На том свете, на том свете... Хосе Альфонсо!

— Да?

— Ты ведь можешь общаться с душами умерших?

— Вообще-то могу, конечно. Но не люблю. Большинство из них — невозможные зануды. Оно, впрочем, и понятно — существовать сотни лет в не меняющемся бытии... впрочем, эти сведения мне не дозволено излагать!

— Да и не надо! — усмехнулся я. — Мне и самому приходило в голову, что рай — местечко весьма унылое.

— Уверю тебя, ад ничуть не веселей! Упс...

— Ладно, оставим это. Хочу попросить тебя об одной услуге. Проверь, нет ли на том свете души его отца? И если есть, узнай — куда он дел таблички? Сможешь?

— Ну-у-у... теоретически это возможно, — согласился призрак. — Раньше мне с таким странным заданием сталкиваться не приходилось. Даже интересно... Учитывая, что придется не просто искать конкретную душу, а проверять, мертв человек или нет, думаю, понадобится время.

— Много?

— До вечера, думаю, успею. В крайнем случае, к утру все будет известно.

— Уф-ф-ф... — У меня от сердца отлегло. — Тогда действуй!

— Только если ночью вернешься, меня не буди! — напутствовал призрак Андрэ. — А то я страсть как призраков боюсь! Помереть даже могу с испугу! Что вы без меня делать будете?

Хосе Альфонсо по своей привычке отбыл не прощаясь. Мальчишка восхищенно покрутил лохматой головой:

— Здоровско! У вас даже ручной призрак есть! Вы, похоже, настоящие колдуны!

— Угу, — проворчал я. — Особенно вон тот громила, что уже пристраивается спать, несмотря на то что солнце еще даже не зашло. Это у нас самый могучий колдун.

— Правда? — с сомнением поглядел на Андрэ мальчишка. — А по виду не скажешь!

— Никогда не суди о людях по внешности! — наставительно сказал я. — Что ж... будем ждать возвращения Хосе Альфонсо.

Призрачный поэт вернулся только под утро, зато не один.

— Ну и где тут этот твой приятель? — пронесся над нашим лагерем хриплый бас, который никак не мог принадлежать Хосе. — Который тут фон Котт?

— Здесь я. — Выбравшись из-под одеяла, я встал на задние лапы и огляделся. — И нечего так орать. Ты — Волк?

— Волк, — как-то устало вздохнул призрак. — Только не тот, который тебе нужен. Я дед вот этого пацана.

— Его отца на том свете нет, — поспешил объяснить Хосе Альфонсо. — Видимо, он еще жив.

— Да жив он, конечно! — гроыхнул старый Волк. — Сам знаешь, есть такие... и в проруби не тонут! Эх, наградили боги наследником! Видать, за грехи.

— Что ж, есть ведь за что! встала со своей лежанки Герда.

— Есть, — пронесся над нами вздох. — Я тебя помню, девочка. Ты выросла, но мертвым доступно видеть суть человека. И, к сожалению, мы ничего не можем забыть. Хорошо, что Хосе привел меня сюда. Давно хотел я просить у тебя прощения за то, что прогнал вас тогда. Я всегда был слишком жестоким как к себе, так и к другим. Потом опомнился, да поздно было... Не держи на меня зла, девочка.

— Да я в общем-то и думать уже забыла, — смутилась Герда. — Ну... вспоминала иногда, конечно. Но так чтобы держать зло на тебя — забудь, не было такого.

— Хорошо, — облегченно вздохнул призрак. — Один камень с души сняла ты мне. Но есть у меня еще одна беда — внук мой. Негоже ребенку жить-то так! Что с ним дальше будет? Позаботились бы вы о сироте!

— Слушай, а тебе палец в рот не клади! — возмутился Архимед. — Вину тебе Герда простила, теперь внука твоего в хорошее место пристрой, а дальше что? Памятник тебе из золота изваять?

— Х-ха! — властно вскинула руку Герда, обрывая изобретателя. — Помолчи, Архимед! Конечно, я мальчишку здесь не оставляю.

— Вот те на... — удивился даже я. — Никак не ожидал от ассасина такой сентиментальности!

— А я вот всегда знал, что под жестокой внешней маской у нее скрывается нежное женское сердце... — прокурлыкал Транквилл умильно.

— Гм... резонно. — Я посмотрел на сладко посапывающего кандидата в гильдию убийц. — Ладно, Волк, сам видишь, внука твоего обещали пристроить.

— Э-э-э... — проямлил призрак. — Но я не о таком будущем для него говорил!

— А чем плохое будущее? — искренне удивилась Герда. — Будет всегда сыт, обут, одет, образование получит. Если проявит особые таланты, может и карьеру сделать.

— Хватит привередничать, дед! — вклинился я. — Скажи лучше, где сейчас твой бестолковый сынок! Он нам нужен. Не бойся, мы ему ничего не сделаем, нам надо только поговорить!

— Лучше бы вы с ним что-нибудь сделали... Хотя уж как я его лупил! И в подвале запираю, и настоями всякими поил, и чары накладывал — без толку. Только вам он без надобности. Золотые таблички, что ищите вы, он давным-давно продал и деньги те пропил.

— Почему я не удивлен? — вздохнул я. — Может, ты знаешь, кому он их продал? А еще лучше — где они сейчас?

— Правильный ты вопрос задал! Потому как таблички те проделали сложный и длинный путь через много рук. А сейчас покоятся в нефритовом ларце в обители монахов, что расположена в горах Чайны.

— Иезус Мария! — Я переглянулся бы с Хосе Альфонсо, да не знал, где тот сейчас находится. — В горах?!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, повествующая о великом сражении Андрэ с монахами-воинами и

героическом обретении библиотеки индейских шаманов

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 27 августа

16... года от Р. Х.

Население Чайны, вопреки всем тем слухам, что доходят до нас благодаря путешественникам, вполне цивилизовано, я даже возьму на себя смелость сказать — более цивилизовано, чем многие места в Европе, кои довелось мне посетить. Правда, цивилизация эта совсем не похожа на нашу, и отличия эти кроются куда глубже, чем кажется на первый взгляд. У меня, кстати, появились серьезные сомнения в превосходстве западной цивилизации над восточной. Как бы не наоборот!

Примечание на полях. Но все-таки какие же они странные!

— Да перестань ты трястись уже! — с отвращением поглядел на меня Гай Транквилл. — Или объясни, что происходит!

— Не могу! — стандартно ответил я. — И вообще — что ты ко мне пристал? Мне страшно — вот и трясусь!

— Конрад! Если бы ты был трус, меня бы твое поведение не настораживало. Но я-то знаю, что тебя мало что может вот так напугать, и потому твое состояние пугает уже меня самого. Что ты знаешь такого, что тебя колотит уже несколько недель подряд?!

— Тебя это не коснется, — отмахнулся я от настырного петуха. — Если повезет, меня тоже.

Транквилла можно было понять. Чего уж там — вел я себя совсем не так, как пристало потомку благородного рода фон Коттов. Увы, чем ближе мы подбирались к горам Чайны, тем труднее мне было контролировать свой страх. Немалую роль в том сыграли и ночные кошмары, не позволявшие толком выспаться, а это постоянное недосыпание выматывало, лишало сил. Хотя само путешествие в Чайну оказалось вовсе не таким тяжелым и опасным, как уверяли московские купцы, привозящие из Чайны знаменитый шелк и прочие диковины.

Из Края Озер мы без особых приключений добрались до Московии, где примкнули к каравану, направлявшемуся в Самарканд. Архимед, видимо унаследовавший от отца не только внешность, но и купеческую жилку, довольно быстро нашел общий язык с хозяином каравана, да и внушительный вид Андрэ произвел благоприятное впечатление на командира вооруженной охраны, что следовала с караваном. К счастью, ему не довелось на деле проверить нашего гиганта в бою — до Самарканда мы добрались, ни разу не подвергнувшись нападению.

Здесь пути наши разошлись — москвиты собирались продать свои товары на местном рынке, здесь же закупить всякие восточные редкости и отправиться в обратный путь. Мы так же без проблем нашли караван, отправлявшийся в Чайну.

И опять-таки нам сопутствовала удача. На пути до конечной цели каравана — чайнского города с непроизносимым названием — на нас ни разу не напали разбойники, хотя в караван-сараях нам постоянно рассказывали леденящие кровь истории об ограбленных до исподнего путешественниках. Караванщики радовались своей удаче и приносили обильные жертвы всем идолам местных богов, что попадались вдоль дороги, я же с подозрением посматривал на Герду. В конце концов из-за мучивших меня кошмаров я как-то стал свидетелем ее ночной отлучки. Девушка выбралась из спального мешка и неслышно, словно змея, проползла мимо стражи. Вернулась она под утро и потом весь день дремала в телеге. Чтобы не задевать ее профессиональное самолюбие, расспрашивать я ее ни о чем не стал, а вот с Хосе Альфонсо перекинулся парой слов наедине. Призрак подтвердил мои подозрения, и дальше я ехал уже спокойно, понимая, что удача в нашем случае совершенно ни при чем. Хорошо иметь в отряде профессионального ассасина!

Добравшись до города, название которого привести здесь мне не позволяют мои представления о приличиях, мы расстались с караваном и отправились в горы искать пресловутый монастырь. Вел нас Хосе Альфонсо, получивший точные указания от призрака

старого Волка. Собственно, с этого момента меня и начало немилосердно трясти. Ну да, а что? Нас, между прочим, со всех сторон окружали горы, а горы — это пропасти, а пропасти... Да, да, признаю — совсем не обязательно стучать зубами и озираться, как лиса, по следу которой идет охотник. Но с каждым шагом тропинка, ведущая к монастырю, становилась все уже, а пропасть справа от нас — все глубже.

А я прекрасно помнил предсказание.

— Осталось совсем немного! — ободряюще произнес возле самого моего уха призрак. — Еще с милую, и покажется монастырь. Правда, тут есть один нюанс...

— Какой еще нюанс? Таблицы опять кто-то перехватил?

— Да нет, таблицы-то на месте — в нефритовом ларце, как и говорил Волк. Только вот какой у тебя план?

— Что значит — какой план? Забираем таблицы и отправляемся обратно. Думаю, к концу лета доберемся до Бублинга. А если Бахус выйдет из запоя, то и раньше.

— Погоди, погоди, а с чего ты взял, что монахи тебе их отдадут?

— Ну не отдадут, так отберем!

— Ты хочешь напасть на монастырь?! — ужаснулся Хосе Альфонсо.

— Да они тут все еретики! — отмахнулся я. — Ты же сам видел — ходят в каких-то простынях желтых, головы бреют, молитвы все какие-то непонятные бормочут. Ты не думай, я специально вслушивался — ни одного знакомого слова! Оно, конечно, понятно — на своем языке молятся, но ни «Иисус», ни «Мария» я ни разу не услышал. Так что можно их за монахов и не считать.

— Да я не о том! — В голосе призрака послышалась тревога. — Ты собираешься такими малыми силами напасть на монастырь? Там только послушников не меньше двух десятков и самих монахов десятка три...

— Многовато, конечно, — вынужден был признать я. — Но это же всего лишь монахи!

И тут Хосе Альфонсо добавил несколько слов.

— Иезус Мария! — Я прочистил горло, потому что голос мой дал петуха. — Почему ты не сказал?

— Так я пытался! А ты меня и слушать не стал! Заладил — «монахи», «монахи»...

— А они точно монахи?

— Точно. Ну... просто такой вот тут устав. Строгий.

Да уж, монастырь явно был строгого устава. Четыре амбала у ворот куда органичнее смотрелись бы, охраняя они ворота замка, или вход в казначейство, или... ну, в общем, ассоциации монахи вызывали самые разные, но все сугубо материальные. И довольно мрачные. Тем более что монахи смотрели на нас отнюдь не смиренно, а в руках сжимали нечто вроде алебард, увенчанных странной формы лезвиями.

— Что ж, приходится признать — план «А» оказался несостоятельным! Переходим к плану «Б»!

— А у тебя был план «Б»? — подозрительно спросил Хосе. — По-моему, у тебя и плана «А» никакого не было.

— Ну и что? Я только что его придумал! — парировал я. — Притворимся паломниками, которые пришли поклониться местным святыням. Напросимся ночевать, украдем таблички и сбежим.

— Замечательный план! — похвалил меня Хосе. — А как ты это им объяснишь? Ну я имею в виду — что мы паломники? Позволь напомнить тебе, о мудрейший из командиров, что никто из нас местным языком не владеет!

— Сделаем постные лица, будем низко кланяться и что-нибудь жалобно бормотать.

— Капитан, из нас паломники... — недоверчиво покачала головой Герда. — Давайте я их просто перебую!

— Э-эм... оставим этот вариант на крайний случай. Так, все придают лицам скорбное выражение... Андрэ, я сказал — скорбное, а не глупое! Представь, что у нас кончились припасы и остаток пути мы будем есть только рис... Вот, отлично!

Я еще раз оглядел свой отряд и вздохнул:

— Ну, с богом!

Мы гуськом двинулись прямо к воротам, бормоча под нос каждый свое. Наша наглость подействовала на грозных стражей парализующе. Хоть они и тарасились на нашу процессию во все глаза, но остановить нас никому из них в голову не пришло. Интересно, они действительно приняли нас за паломников или все-таки за бродячий цирк?

За воротами оказался небольшой дворик, мощенный каменными плитами.

На плитах ровными рядами неподвижно стояли монахи. И стояли как-то по-хитрому, слегка присев и согнув колени, словно ехали на невидимых лошадях. Вытянутые перед грудью руки держали невидимые чаши.

— Ой! Че это они? — Андрэ опасливо подошел к крайнему монаху и слегка толкнул в плечо. Ну то есть это он считал, что слегка толкнул. На деле щуплого монаха отбросило с такой силой, что он смел несколько своих товарищей, как кегли.

Остальные монахи мгновенно «ожили» и суетливо запрыгали вокруг Андрэ, размахивая руками и издавая воинственное чириканье, словно стая разозлившись воробьев. Те, что посмелее, наносили королю несильные, но очень быстрые удары руками и ногами и тут же отскакивали, прежде чем Андрэ успевал обернуться.

— Э! Вы че?! — возмущенно завопил монарх, пропустив несколько ударов. — Так нечестно! Выходь по одному — бицца будем!

Монахи, как и следовало ожидать, игнорировали вызов и продолжали лупить Андрэ со всех сторон одновременно.

— Я помогу! — В руках Герды блеснули ножи.

— Стой! — Я успел вцепиться в полу ее кафтана. — Не вмешивайся! Андрэ их удары что быку хворостина — не больно, но обидно. Мы имеем редчайший шанс увидеть кое-что...

И я не успел закончить фразу, как мы действительно увидели! Окончательно взбешенный градом ударов и неуловимостью противника, Андрэ взревел не хуже слона и со скоростью, которую в таком гиганте трудно было подозревать, замахал ручищами наподобие ветряка. В воздух взлетели сразу с десятков закутанных в желтые пижамы бесчувственных тел, и через пару мгновений дворик напоминал осенний лес, только вместо желтых листьев землю усеивали оглушенные монахи.

Из стоявшего в глубине двора здания монастыря выскочили еще несколько монахов, а от ворот к Андрэ уже бежали вооруженные охранники. Король обвел их налитыми кровью глазами, зарычал и легко сорвал с цепей бревно, зачем-то подвешенное между двумя столбами.

— Эй, эй! Стойте! — завопил я, сообразив, что сейчас потасовка превратится в смертоубийство. Не то чтобы мне было так уж жаль этих еретиков, но Андрэ, придя в себя, наверняка сильно расстроится. Он ведь такой чувствительный! — Хватит!

Как ни странно, меня поняли и Андрэ, и монахи. А может, монахи просто впервые видели, чтобы к ним на задних лапах бежал кот в камзоле, штанах и сапогах, крича и размахивая шляпой. Наверное, все-таки именно так — уж больно у них лица вытянулись и побледнели. Зато глаза из узких щелок стали почти круглыми. Зазвенела о камни алебарда, и один из стражей бросился в монастырь, испуганно подвывая.

— Умеешь ты устраивать бедлам! — с некоторой даже завистью в голосе произнес Хосе Альфонсо. — Как призраку цены тебе не будет!

Я хотел ответить что-нибудь ехидное, но тут на ступенях монастыря объявилось новое действующее лицо. Точнее, оно как бы не само объявилось, поскольку было столь дряхлым, что само двигаться не могло. То есть не мог. Старичка вывели — а скорее почти вынесли, — бережно поддерживая под локти, два широкоплечих монаха. Оглядев поле боя, старичок печально покачал головой и что-то спросил дребезжащим голосом у своих «несунов». Боязливо выглядывавший из-за их спин стражник прочирикал ответ, тыча пальцем то в Андрэ, то в меня. На меня старичок бросил всего один взгляд, зато Андрэ его явно заинтересовал. Высвободившись из рук монахов, старичок засеменил к гиганту, рассеянно

взиравшему на поверженных врагов. Придирчиво оглядел со всех сторон, словно покупатель, выбирающий коня...

— Эй, дедушка, — снисходительно посмотрел на него Андрэ с высоты своего роста. — Че надо?

Старичок задумчиво покивал и вдруг ни с того ни с сего подпрыгнул едва ли не выше своего роста и со всей силы огрел Андрэ по голове посохом, на который только что тяжело опирался.

— Ох! — Герда закрыла глаза, а впечатлительный Архимед рухнул в обморок.

— Ой! — Его величество удивленно почесал лоб. — Ты че, припадный? Че дерешься-то?

Старичок ничего не ответил — он как раз изумленно рассматривал обломок посоха, оставшийся у него в руках. Потом поднял глаза на гиганта и быстро-быстро залопотал что-то восторженное. Сообразив, что его не понимают, он повелительно крикнул что-то застывшим на крыльце монахам, и те бросились внутрь монастыря. После недолгого отсутствия они вернулись, ведя с собой толстенького монаха в круглых очках. Монах низко поклонился старичку, выслушал его и обратился к нам:

— Большеносый белый иноземца! Настоятель многа восхищения испытать боевой искусств большой воин! Удар его молниеносный посох не держать горный медведь, не держать столетний сосна, не держать камень скала. Большеносый воин держать его удар! Великий воин!

Толмач вполне сносно говорил по-английски, хотя формулировал некоторые предложения так, что я его не сразу понимал. Старичок благосклонно кивал каждому слову и лучезарно улыбался.

— Настоятель счастлив великий воин монастырь принимать будет. И его слуг!

— Это он нас за слуг посчитал? — слабо простонал Архимед, приходя в себя.

— Да пусть считает кем угодно! — отмахнулся я. — Зато теперь мы без проблем сможем заночевать в монастыре. Андрэ, поблагодари же почтенного настоятеля за гостеприимство!

— За что это? — обиженно спросил король, продолжая тереть шишку на лбу. — Он мне чуть голову не раскроил, а я его благодарить буду? Хорошо гостеприимство! Если у них тут такое гостеприимство, лучше нам на улице заночевать!

— Болван! — прошипел я. — Кому сказал — благодари старца! И приглашение принимай!

— Не хочу...

— Наверняка они устроят пир по такому случаю.

— Эй, дедушка, спасибо тебе за гостеприимство! Век не видал более гостеприимного дома! Че, как у вас тут насчет пира?

— Иезус Мария! — простонал я.

Тут настоятель обратил внимание наконец и на вашего покорного слугу. Правда, мой вид его, похоже, не удивил и не напугал. Он что-то прошептал, но я только пожал плечами. Похоже, это удивило настоятеля гораздо больше, чем мой вид.

— Настоятель удивлен очень не может мудрейший говорить на языке родина!

— Э-э-э... — Я поспешил захлопнуть пасть.

— Это он про кого сказал «мудрейший»?! — ревниво вклинился в разговор Транквилл. — Про тебя, что ли?!

— Получается, про меня. И он почему-то уверен, что я знаю местный язык.

— О! Настоятель говорит, что понять загадка, загадать мудрейший даос! — продолжал переводить толстый монах. — Он непременно решать ее, а пока пройти в трапезную!

— Вот это дело! — довольно прогудел Андрэ. — Хорошие тут люди. Душевные!

Я только фыркнул, услышав этот вывод.

Но к вечеру был вынужден признать правоту нашего простодушного короля. Служители неведомых богов оказались действительно очень гостеприимными и душевными

людьми. Впрочем, если подумать, так ведь драка во дворе началась исключительно по вине Андрэ. Хотя как тут не вспомнить сакраментальное «что ни делается, все к лучшему»? Победа Андрэ над монахами оказалась весьма кстати. Неизвестно еще, пустили бы нас переночевать, не впечатли король местного настоятеля крепостью своей головы. А если бы и пустили, вряд ли устроили бы для нас такой торжественный прием, богатый пир и — что гораздо важнее — вряд ли стали бы хвастаться перед нами древними реликвиями монастыря.

Ага! Вот именно!

Таблички я узнал сразу.

Собственно, только Андрэ не догадался, что пластины из золота, развешанные по стене, и есть искомые нами записи индейских шаманов. Да еще маленький Волчонок просто не знал о цели наших поисков, потому смотрел на таблички без особого интереса. У меня же просто лапы зачесались, и еле-еле удалось себя уговорить не проявлять к табличкам подозрительного внимания.

— А что здесь написано? Мне кажется, знаки на пластинах непохожи на ваши буквы!

— О! Мудрейший даос продолжает загадка! — неизвестно чему обрадовался настоятель. — Конечно, непохож! Знаки говорить на языке далекий народ за морем!

— И прочитать их, конечно, не удалось? — предположил я.

— Удалось! — торжественно объявил настоятель. — Очень удалось!

Со слов Волка мы уже знали, каким путем таблички попали в монастырь. Поначалу путь этот совпадал с тем, что проделал наш отряд. Бестолковый отпрыск Волка, как можно было догадаться, продал таблички за бесценок какому-то купцу. Тот, в свою очередь, отвез в Московию и там продал с большой выгодой для себя одному боярину — так в тех краях называют именитых дворян, — большому любителю всяких древностей. Боярин этот также был большим любителем азартных игр и вскорости проиграл таблички другому купцу, водившему караваны в Чайну. Купец же счел мудрым преподнести такую редкость китайскому чиновнику, от которого весьма зависел успех торговых операций в этой части Чайны. Наместник, будучи человеком любопытным, но крайне занятым, отправил таблички в монастырь, настоятель которого славился своей мудростью и познаниями в языках. В этом месте толстенький монах так горделиво надулся, что ни у кого не осталось сомнений, кто в монастыре на самом деле знаток языков. Настоятель тоже это понял и немедленно опробовал на гордеце новый посох, что принесли ему вместо расколотого о голову Андрэ. Придя в себя через некоторое время, толмач продолжил свой рассказ уже гораздо скромнее. Надписи на табличках расшифровывали с большим трудом, но благодаря высокому уровню криптографии в Чайне и присущей чайнезам скрупулезности недавно все-таки перевели. Свитки с переводом были отправлены чиновнику, который, в свою очередь, отправил их дальше — в столицу, вверх по бюрократической лестнице. В этом месте переводчик позволил себе высказать скептицизм по поводу дальнейшей судьбы свитков с переводом.

— Сын Неба мудр и думать о стабильный империй! Стабильный империй не надо колдовства! Свитки лежать в библиотек долго-долго, никто не читай!

Местный чиновник — видимо, тоже из беспокойства о стабильности в империи — повелел хранить таблички в монастыре. Решение его нельзя было не признать мудрым. Во-первых, случайный человек вряд ли мог попасть в маленький горный монастырь, о котором почти никто не знал. Во-вторых, сами монахи считались непревзойденными мастерами воинского искусства и были прекрасной охраной.

Впрочем, во втором пункте я склонен был усомниться. Как и Герда, с которой мы обменялись мнением, как только гостеприимные монахи проводили нас в нашу комнату и удалились.

— Никакой охраны рядом с хранилищем я не заметила, — согласилась с моими наблюдениями девушка. — И места такого, где мог бы стоять сторож, там нет.

— Они полностью полагаются на то, что в монастырь так просто не пробраться.

— Похоже на то. Вопрос в том, сможем ли мы выбраться?

— Может быть, тебе просто попросить монахов изготовить снадобье? — осторожно

предложил Хосе Альфонсо. — Почему нужно обязательно красть таблички?

— Потому что я обещал Анне помочь вывести королевство из долговой ямы.

— Скорее уж потому, что у тебя явно выраженные криминальные наклонности! — язвительно проскрипел Транквилл.

— Ты так думаешь? — Я демонстративно выпустил когти.

— И склонность к бессмысленному насилию! — Петух поспешно отбежал в дальний угол. — Ты же это не серьезно, Конрад? Мы же друзья!

— Мне было бы очень тяжело потерять старого друга, Гай! — признался я. — Потому сделай одолжение — не беси меня сейчас! Я слишком часто находился в шаге от спасения, но каждый раз что-то мне мешало. И если опять что-то пойдет не так...

Я ничего не сказал про посланца дьявола. Тень его уже явственно преследовала меня, даже когда я бодрствовал, — благо никто из отряда ее пока не замечал. Во сне же тварь почти настигла меня, и спать удавалось мне теперь исключительно урывками, когда сознание просто покидало тело от усталости. Он должен вот-вот явиться в проявленный мир. Но сколько у нас еще времени?

Если мы успеем вернуться с табличками в Бублинг, возможно, Коллет получит в руки сильное оружие против посланца дьявола. С ее могуществом и мудростью индейских шаманов она и самого дьявола раскатает, как пекарь тесто...

Правда, оставалась одна проблема — Коллет за все это время так и не связалась с нами. Оставалось надеяться, что мэтр Бахус вот-вот выйдет из своего запоя — даже для него пить без малого полгода как-то слишком сурово. О других возможных причинах молчания ведьмы я предпочитал не думать.

— Брать хранилище будем сегодня ночью, — решительно подытожил я. — На дело пойдем я и Герда. Хосе Альфонсо, ты будешь на стреме.

— Я же говорил, у тебя явные криминальные наклонности! — не удержался петух. — Даже словарный запас соответствующий!

— Архимед, ты возьмешь Андрэ и Волчонка, ждите нас в конце коридора. На улицу без нас не выходите: могут заметить стражи у ворот. Если кто-то на вас наткнется, скажете, что искали туалет. Держитесь спокойно... только не давай его величеству рта раскрывать. А впрочем, вас все равно не поймут. Так... Когда мы с Гердой возьмем таблички, ты, Хосе, лети на конюшню и скажи Иголке, чтобы сама шла к воротам. Двери конюшни не запираются, а поводья Герда еще днем незаметно отвязала. Мимо стражей попытаемся опять просто пройти с наглыми лицами. Надеюсь, они растеряются и решат, что так и нужно. Если же попытаются задержать — они твои, Герда. Только не затягивай драку, убери их как можно быстрее и без шума.

— Будет сделано, — самоуверенно ухмыльнулась девушка. — Если подберемся к ним вплотную, с их алебардами против ножей у них шансов нет.

— Не слишком-то задавайся. Сама видела — они тут все мастера кулачного боя.

— Я тоже в гильдии не на белошвейку училась!

— Хорошо, хорошо, не надо так сверкать глазами! Мы на одной стороне!

— Не люблю, когда сомневаются в моем профессионализме!

— А теперь всем спать!

Утомленные долгим опасным подъемом и обильной трапезой, спутники мои уснули мгновенно. Ко мне же сон не шел: слишком сильно было нервное возбуждение. Да и не хотелось опять встречаться с посланцем. Я сидел и вспоминал все, что случилось со мной за эти два года. Два года, а казалось — прошла целая жизнь. Кошачья шкура сильно изменила меня. Ну да, и внешне, конечно, но главное — я понимал, что сильно изменился и внутренне. И даже скинув шкуру, я уже не стану прежним Густавом Конрадом Генрихом Марией фон Коттом, капитаном ландскнехтов. А кем я стану? Этого я не понимал теперь и сам. Просто — человеком... А человеком ли? Я так долго был котом, что начал уже привыкать к этой шкуре. Не превращусь ли я в кота, обремененного человеческим телом?

Все эти глупости лезли мне в голову, пока я сидел на тонком соломенном тюфячке,

которые заменяли в этом странном монастыре кровати. Впрочем, благодаря этому я вовремя заметил, что Гай Транквилл проснулся и настроился прокукарекать. Прежде чем петух раскрыл клюв, я ловким движением набросил на него плащ. Раздался сдавленный вопль, которого, впрочем, хватило, чтобы разбудить Герду.

— Пора?

— Да. Самое лучшее время для темных делишек! — с напускной бодростью ответил я.

— Конрад! — Из складок плаща высунулась голова Транквилла. — Я тебя ненавижу!

— Наконец-то я сделал то, о чем так давно мечтал! — Я растолкал Архимеда. — Мы уходим. Буди остальных, собирайтесь и действуйте по плану.

Мы с Гердой выбрались в коридор и неслышно двинулись к хранилищу реликвий. В монастыре царили покой и сон. Оставалось только надеяться, что заутренняя служба здесь начинается примерно в то же время, что и в нормальных монастырях Европы. Тогда у нас будет три, а то и четыре часа, чтобы улизнуть. А там пусть попробуют нас догнать!

Двери в хранилище были заперты на довольно замысловатый замок, так что Герда даже не стала тратить время, пытаясь его взломать. Действительно, какой смысл вешать замок на двери из тонких лакированных дощечек и разрисованного шелка? Девушка несколькими взмахами ножа прорезала отверстие, и мы проникли внутрь.

Мы так никого и не встретили, пока шли по коридору к выходу. У дверей мялись остальные члены нашего отряда во главе с Архимедом.

— Все в порядке? — нервно потер ладони изобретатель. — Таблички?..

— Здесь! — похлопала Герда по мешку. — Никого не встретили?

— Нет, все тихо!

— Конрад...

— Хосе? Ты передал приказ Иголке?

— Да, но...

— Отлично! Андрэ, открывай дверь!

— Конрад...

— Потом, Хосе! Уходим быстрее!

Андрэ послушно толкнул дверь, и мы выбежали во двор.

— Иезус Мария!

— Конрад, об этом я и хотел тебе сказать!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, повествующая о том, чем закончились поиски благородного Конрада фон Котта

Запись в дневнике Конрада фон Котта от 28 августа

16... года от Р. Х.

Поспорить с судьбой... Поспорить с судьбой, попытаться противостоять всемогущему року, что подчинял себе даже богов и легендарных героев. Предприятие одновременно и пугающее, и заманчивое. Можно почувствовать себя ничуть не хуже Геракла или Роланда, Зигфрида или Артура... Если не вспоминать, что все они не смогли победить судьбу.

Примечание на полях. Но в такой компании и проиграть не так стыдно!

Несмотря на ранний час, уже начало светать — видимо, из-за того, что мы были в горах. Небо утратило ночную непроницаемость, и на востоке его тронули первые розовые лепестки восходящего солнца. Этого намека на рассвет было достаточно, чтобы увидеть настоятеля, тяжело опирающегося на посох у самого крыльца. Рядом нервно протирал очки толстенький монах-толмач. А за их спинами ровными рядами стояли монахи. На этот раз — вооруженные.

— Иезус Мария! — повторил я. — Но как они узнали?!

— Это извинять я! — развел руками толмач. — Вы обсуждать кража, я слышать.

Тонкие стены.

— Проклятье! Так глупо попасться! — прошипел я. — Как я мог не подумать об этом? Я ведь был уверен, что нас даже не подозревают!

— Не подозревать! — согласился монах. — Просто мой комната через стенка. Боги воля изъяслять.

Меня это признание совсем не утешило. Еще одна издевка со стороны судьбы. Она словно показывала мне: как ты ни крутись, Конрад, а будет по-моему!

— Эй, может быть, как-то договоримся? — спросил я без особой надежды. — Нам действительно нужны эти таблички. Точнее, то, что написано на них. Если мы будем сражаться, будут напрасные жертвы...

— Ты не даос! — неожиданно заявил настоятель. — Мудрейший не пойдет на воровство!

— А я и не утверждал, что я даос! Я даже не знаю, кто это такой! Вы сами так меня стали называть.

— Ты просто вор! И твои спутники — просто воры... Убить их!

Последние слова настоятеля я понял и без перевода.

Монахи двигались быстро, очень быстро! И их было так много!

Взревел Андрэ, но как-то неубедительно — разозлиться не успел, и попытка напугать противника провалилась. В следующее мгновение сразу несколько алебард и мечей устремились ко мне, и я понял, что не успеваю... Что-то темное метнулось ко мне, Герда смела нескольких монахов точными ударами, закружилась, словно в быстром танце, то подпрыгивая, то приседая почти до земли, оставляя неглубокие, но длинные порезы, обильно заливающие кровью шафранные одежды. Монахи отпрянули под ее натиском, но слишком много их было, слишком много обученных вооруженных бойцов... Я увидел, как змеей метнулось одно копьё, Герда извернулась, отпрыгнула, но ее уже подстерегал другой монах, его копьё ударило точно в открывшийся правый бок, избежать его девушка не могла. Я метнулся вперед, разорвал одно бедро, другое, мошонку, голень, вцепился зубами и когтями в чье-то лицо, но остановить всех не мог. Опять зарычал Андрэ, теперь уже по-настоящему, с треском обрушилась часть навеса над крыльцом, покатались по земле оглушенные монахи, но для Герды было слишком поздно — еще одно копьё ударило ее прямо в середину груди.

Потом меня ударили, кажется, палицей по голове. Я упал, чувствуя, что теряю сознание. Все как-то замедлилось. Ко мне медленно, словно во сне, бежали несколько монахов с мечами. А я — тоже как во сне — не мог даже сдвинуться с места.

Но ведь я должен был погибнуть не так...

И я не погиб.

Что-то странное произошло с воздухом... Нет, даже не с воздухом, а с самим миром: он как бы содрогнулся, на мгновение пошел волнами.

Монахи застыли, с ужасом глядя на черный провал, зависший в воздухе прямо напротив ворот. Всех охватил настоящий столбняк. И неудивительно — зрелище было жуткое, ни на что не похожее... Но мне некогда было любоваться на всякие потусторонние чудеса, я с трудом поднялся на лапы и заковылял к Герде. Проклятье! Раны у девчонки были скверные, особенно последняя — в грудь. На губах у Герды выступила кровь, вероятно, копьё пробilo легкое.

— Архимед, Андрэ, помогите мне!

На мой голос первым отреагировал настоятель.

— Эй, ты знать, что это?! — перевел толмач его вопли. — Ты насрать это на я?!

— Иезус Мария! Какой же ты шумный, старик! — вздохнул я. — Нет, это насрать на ты не я. Тьфу! То есть это не я насрал на вас. Но вообще эта штука явилась по мою душу. Скоро оттуда вылезет посланец дьявола и устроит нам всем веселую жизнь. Так что предлагаю всем лично не заинтересованным бежать отсюда как можно быстрее.

К чести монахов, соблазнились моим предложением всего двое из них. Остальные — кто остался на ногах после драки — выстроились перед темным провалом, сжимая оружие.

— Эй, старик, — позвал я настоятеля. — У вас тут лекарь есть?

— Помогать вам с какой стати? Воры!

— Давай не будем ворошить прошлое! — примирительным тоном предложил я. — Сейчас мы в одной лодке. И я знаю, как выгрести! Только позови лекаря! Не видишь — она умирает!

— Хорошо, — после некоторого раздумья согласился настоятель. — Спасти ее сейчас я. Думай, как дыра закрыть!

Легко сказать! Пока старик осматривал Герду, что-то там у нее пережимал и забинтовывал, я с умным видом таращился на висящую в воздухе черную дыру. Вблизи можно было различить темный коридор, уходящий неведь куда. Я обошел дыру, и... она исчезла. Вернулся на прежнее место и вновь увидел уходящий во тьму коридор. Пожалуй, неправильно было назвать зрелище жутким — оно было просто невозможным и пугало именно своей невозможностью.

— Воровка жить, — сообщил настоятель, подходя ко мне и тоже заглядывая в коридор. — Закрывать дыра?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Проход ведет прямо в преисподнюю. Я хотел бы вас утешить, сообщив, что посланец идет за мной. Но не стану. Вполне возможно, что мною он не удовольствуется и вырежет здесь вообще всех. Чего вы хотите — демон ведь!

— Ты меня опять обмануть?!

— Ну-ну, — негромко проворчал я, многозначительно косясь на монахов. — Не стоит так кричать об этом. Что же вы за мудрец, которого жалкий воришка дважды обвел вокруг пальца? Этак вы, может быть, и выживете, но авторитет свой погубите напрочь!

Настоятель покраснел от гнева, но явно признал мою правоту и сдержался. Умный старикан. Я протянул ему спасительный круг:

— И потом, я не говорю, что не знаю, как победить посланца. Может быть, я смогу это сделать... но мне надо вернуть человеческий облик!

— Ты меня больше не одурачить!

— Как хочешь, — отрезал я. — Но в кошачьей шкуре я сражаться не буду. Это бессмысленно и к тому же очень глупо выглядит. Я лучше сбегу, и разбирайтесь с демоном сами!

— Ты не осмеливаться! Здесь друзья твои погибнуть!

— Они все равно погибнут! — с равнодушным видом пожал я плечами. — Вряд ли им будет легче, если я погибну рядом с ними!

Настоятель подозрительно уставился на меня, но кошачья морда служила надежной защитой даже от проницательных взглядов. После недолгих размышлений старик сдался.

— Я рецепт знать. Травы есть. Жди!

У меня даже колени задрожали.

Вот все это время не дрожали, даже когда по голове получил и даже когда дыру эту увидел — не дрожали. А как только настоятель деловито подвел итог и по хромал прочь — тут-то они у меня просто ходуном заходили! Лишь бы настоятель успел!

Он успел.

Не прошло и четверти часа, как старик появился на крыльце с исходящей паром чашкой. Вонь, надо сказать, от зелья шла мерзейшая. Я весь содрогнулся. Но появившееся за это время в глубине черного коридора зарево подсказывало, что сейчас не до капризов.

Дрожащими лапами я принял чашу из рук настоятеля. Надо заметить — руки монаха тоже порядком тряслись. Только если в моем случае это было вполне понятное волнение, то почтенный старец явно перетрусил.

Настоятель мельком взглянул в сторону прохода, передернулся и что-то заверещал высоким голосом.

— Он говорит — не соизволит ли почтенный даос выпить эликсир быстрее?

— Я и сам догадался!

Мои лапы поднесли чашку к пасти, но я — сам не знаю почему — медлил. Вернее... Как-то странно было достичь наконец цели — теперь, когда я почти перестал верить, что когда-нибудь верну человеческий облик. Сейчас я выпью эликсир и стану обычным человеком. Обычным? А можно ли стать обычным после всего, что я пережил? И вообще — можно ли стать человеком после этого?

Настоятель вновь заверещал, на этот раз — испуганно.

— Конрад! Он выходит!

Проклятье! Я опоздал! Нашел время философствовать! Я залпом выпил эликсир и только тогда обернулся к черной дыре. В голове помутилось, и я, уже падая, успел узреть знакомый уродливый силуэт, приближающийся к нашему миру...

— Получилось!

— Мм... — с трудом выдавил я из себя. Почему-то все вокруг тряслось, словно я попал в бочку, катящуюся с горы.

— Получилось! Господин капитан!

— Андрэ, перестань его трясти! Ты его так покалечишь!

— Он выходит! — донесся откуда-то справа голос Герды. Девушка закашлялась и застонала. — Верните мне ножи, дьявол вас порви!

Тряска прекратилась. Перед глазами все еще плыло, но я смог сесть, а потом и встать. Силы возвращались.

Герда пыталась подняться со своей лежанки, но сил у девушки было так мало, что даже одному Волчонку удавалось ее удерживать. Из уголка рта у нее вновь потекла кровь. Настоятель явно счел за благо ретироваться. Андрэ, сжимая с корнем вырванное деревце, заслонял мне своей широченной спиной дыру в преисподнюю. Коленки короля тряслись так, что стучали друг о друга. Я, покачиваясь, обошел его и заглянул в лицо. Так я и думал — глаза героя были плотно зажмурены.

Хорошо-то как... Я потянулся, чувствуя, как с хрустом встают на места суставы, быстрее бежит по жилам кровь. Забытое ощущение нормальности вертикального положения...

— Конрад?! Это ты?!

Я обернулся на возглас.

Вопил посланец дьявола.

Мэтр Морган Мордаун. Собственной персоной.

Колдун поспешно сполз со спины своего верного слуги — Быка — и сделал в мою сторону несколько шагов, бешено вращая глазами. У меня мелькнуло сразу три мысли. Первая — так вот почему у посланца в моих кошмарах был такой странный силуэт! Просто Бык тащил своего колченогого хозяина на спине. Вторая — вот теперь нам всем и конец пришел. И третья — совсем идиотская — как это ему удастся так быстро вращать глазами?

Но тело мое, пусть оно и было так долго в другой форме, все-таки оставалось телом опытного ландскнехта и начало действовать помимо этих мыслей и помимо разума вообще. Колдун еще продолжал вопить нечто удивленное и только начал поднимать руки, а я уже сорвался с места и неся к нему огромными скачками. Бык бросился мне наперерез, но тут меня обогнал Архимед, завывая что-то испуганно-воинственное, упал на землю и обхватил ноги громилы мертвой хваткой. Растерявшийся от столь стремительно развивающихся событий Морган замешкался на мгновение, и этого мгновения мне хватило! Мой кулак (о, какое это бесподобное наслаждение — иметь возможность сжать руку в настоящий крепкий кулак!) врезался в острый скошенный подбородок Моргана. Удар вышел хуже, чем был у меня даже в юности, но хлипкому колдуну хватило и этого — совершив почти полное сальто, он шлепнулся на камни и затих.

— Ах ты-ы-ы!

Я еще успел обернуться на бешеный рев и увидеть приближающийся кулак величиной с мою голову. Потом земля и небо несколько раз поменялись местами и разлетелись осколками...

— Больно-то как! — простонал кто-то рядом.

— Не то слово! — искренне ответил я. Бедная моя голова чувствовала себя так, словно на нее упал дом.

— Мало тебе еще досталось! — с обидой ответил мой собеседник. — Ты чего на людей кидаешься?

Я открыл глаза. Надо мною простиралось бездонное синее небо. Откуда-то справа раздавались гулкие удары. Я осторожно повернул голову и увидел лежащего рядом Моргана. Колдун держался за челюсть и страдальчески кривился. Я чуть приподнял голову, чтобы рассмотреть источник странных монотонных ударов. В нескольких шагах от нас дрались Бык и Андрэ — дрались в своей обычной манере: оба гиганта стояли неподвижно и с равномерностью часового механизма наносили друг другу мощные удары в голову.

— Давно они?

— Минут пять, наверное, — ответил колдун, потом рассудительно добавил: — Правда, я не знаю, сколько без сознания был. Очнулся — ты рядом лежишь, а эти двое друг друга мутузят.

— Значит, это ты — посланец дьявола?

— Ну... вроде того, — почему-то смутился Морган.

— И что ты никак не успокоишься? — вздохнул я, глядя в небо. Боль в голове постепенно стихала. — Вернул же ты себе человеческое тело? Вернул. Ну и жил бы спокойно!

— Спокойно?! — вскинулся колдун, но тут же застонал и снова растянулся на земле. — А ты хоть знаешь, куда меня этот старый пьяница закинул?!

— Куда?

— В допотопные времена! Людей нет, вокруг — джунгли. А в них, между прочим, драконы! Самые настоящие, не то что в рыцарских романах — таких и отряд рыцарей не остановил бы! Хорошо хоть ко мне мои способности вернулись, иначе сожрали бы меня за милую душу. Ну и Бык меня здорово вырuchал — охотился, плоды всякие собирал.

— А как ты в преисподней-то оказался?

— Ну как... — вздохнул Морган. — Мне мои способности помочь не могли. Не знаю, как уж этот пьяница управляет временем, а у меня получалось переноситься только в пространстве. Попрыгал я по местам, где бывал раньше, и понял — бесполезно. То есть места-то все знакомые, но нигде ни следа людей, только джунгли и эти крокодилы-переростки бродят. Но оставалось одно место, которое расположено вне времени...

— Ад, — догадался я. — Вот не думал, что ты там успел побывать!

— Успел. Охота, говорят, пуще неволи. Любопытно мне было, вот и сунулся когда-то давно. И даже сумел выбраться... М-да... Вот ведь как бывает — иногда спасение приходит совсем с неожиданной стороны. То, что я когда-то давно пробрался в адские пределы, это было просто юношеское безрассудство, баловство. И вот теперь это безрассудство обернулось для меня выходом в безвыходной ситуации. И я вернулся в ад спустя столько лет!

— И стал посланцем дьявола!

— Э-э... мм... — Морган снова смутился. — Видишь ли, это не совсем то, что ты думаешь. Вернее, совсем не то... Ты обо мне вообще как узнал?

— Как?! Да ты мне весь мозг высверлил — каждую ночь снился!

— Ну я так и думал. Вещие сны. Видимо, во время наших предыдущих столкновений нити наших судеб каким-то образом перепутались и мы оказались астрально соединены. Это интересный казус, требующий серьезного изучения...

— Мы говорили о твоём статусе посланца, — напомнил я.

— Ну-у-у... как я и думал, ты получил это знание из довольно мутного источника. И вложил в него смысл, далекий от настоящего.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебя не смутило, что эмиссар такой великой Силы явился один, без армии или хотя

бы свиты? И вообще пешком... ну почти пешком?

— Что ты хочешь сказать?

— Что я — посланец в прямом смысле. Не посланник, а именно посланец — меня послали... подальше.

— Сильно! — не смог не признать я. — И что же надо было натворить...

— Долго рассказывать, — поспешил оборвать меня колдун. — Может быть, когда-нибудь я напишу об этом в своих мемуарах. Главное, ты пойми — я вернулся вовсе не для того, чтобы мстить тебе. Я вообще не знал, куда меня выведет Тропа Тьмы, и меньше всего ожидал встретить в ее конце тебя. Да еще в такой ответственный момент.

— А чего тогда напал?

— Я?! — опять вскинулся Морган. — Это ты на меня набросился, как полоумный!

— Ты руки поднял, чтобы нас своим заклинанием ударить!

— Да я от неожиданности! Ты пойми, я все это время — с тех пор как Бахус нас в прошлое отправил — жил постоянно в ожидании нападения. Сначала драконы эти древние, потом в аду... э-э-э... ну, в общем, приходилось постоянно быть готовым ударить первым. Вот у меня первая реакция на тебя и была...

— Ну а у меня первая реакция на тебя была — дать по морде! — огрызнулся я, но без настоящей злости. — Вот чего ты тогда в Бублинге учудил? Не мог подождать утра? Или мне обязательно хотелось насолить?

— Эй, эй! Ты не забывай — я все-таки враг королевы! И мне вовсе не улыбалось, что Анна будет решать — давать мне тинктуру или нет. А если бы она решила, что в крысиной шкуре от меня меньше проблем? Думаешь, я не знаю, о чем ты с Коллет Спорил? Хотел ведь меня придушить?

— Ну... мало ли, — пришла моя очередь смутиться. — Я — это я. А на порядочность Анны и Коллет ты мог положиться!

— Даже самый порядочный человек может переступить через свои принципы! — хмыкнул Морган. — Я полагаюсь только на себя, потому и жив еще.

Я помолчал. Аргументы Моргана были, конечно, спорными. Но я его понимал. И не испытывал к нему прежней ненависти. Мне было слишком хорошо. Я добился всего, о чем мечтал... Ну почти всего.

— И что дальше?

— Откуда я знаю? — принял мой вопрос на свой счет Морган. — Ты можешь не беспокоиться, Гремзольд я оставляю в покое. Коллет, конечно, слишком самоуверенна — ей только кажется, что она сильнее меня. Но она действительно сильна, и я не стану ввязываться в войну с непредсказуемым результатом. Тем более за такое крошечное государство. В Европе полно королевств куда больше и богаче, к тому же не имеющих своих придворных магов, столь верных Короне.

— Понятно. — Я осторожно сел. Голова все еще слегка кружилась. Андрэ с Быком продолжали обмениваться ударами с той же чудовищной силой, разве что паузы между ударами стали продолжительнее — оба бойца, получив удар, подолгу стояли, собираясь с силами. — Может, остановить их?

— Не стоит, — покачал головой Морган. — Им давно необходимо выяснить отношения. Чтобы уже не оставалось никакого недопонимания... Да и все равно они, похоже, уже закончили.

В подтверждение его слов Андрэ и Бык одновременно резко выдохнули и выбросили вперед руки. Оба удара достигли целей, гиганты некоторое время стояли неподвижно, после чего одновременно рухнули плашмя, заставив землю ощутимо вздрогнуть.

— Ну вот, я же говорил. Пойдем, нужно приготовить ведро настойки для компрессов.

Я стал подниматься, и тут ноги, так долго бывшие кошачьими лапами, подвели меня. Да еще и голова, по которой мне сегодня лупили все кому не лень, закружилась. Запутавшись в собственных ногах, я сделал несколько шагов назад, услышал испуганный вскрик Архимеда, и вдруг землю словно выдернули у меня из-под ног. Мелькнула

изумленная физиономия Моргана, а потом тело вдруг стало легким, и если бы мимо меня не проносилась скала, можно было бы вообразить, что я лечу.

Разум мой, как ни странно, оставался совершенно спокоен. Я падал в пропасть, осознавал это, но совершенно не боялся. Наверное, просто устал бояться.

В конце концов я успел. Я, конечно, погибну, но погибну человеком.

Жаль только Коллет...

— Ты что это удумал?! — раздался сварливый голос Моргана, и я врезался в землю.

Довольно болезненно, конечно, но не до смерти. Словно упал со второго или третьего этажа. Продышавшись, я сел и огляделся. Это вновь была площадка на вершине горы рядом с монастырем. В нескольких шагах от меня Волчонок склонился над потерявшей сознание Гердой. С другой стороны от меня двумя выброшенными на сушу китами возлежали бесчувственные Бык и Андрэ. В середине валялся Архимед, также потерявший сознание — видимо, испугавшись за меня.

— Похоже, двигаться в этом сонном царстве можем только мы, — покивал Мордаун.

— Морган, какого дьявола?!

— Ты что, недоволен? — ехидно поинтересовался колдун. — Надо было дать тебе разбиться?

— Нет... я, конечно, благодарен, — признался я. — Но с какой стати ты меня спас?

— Ну я же говорю — мы больше не враги, — пожал плечами Морган. — К тому же я планирую дать тебе возможность в ближайшее время отблагодарить меня... Но пойдем уже к нашим бойцам — они начали шевелиться...

Я встал, все еще пребывая в некотором умственном оцепенении.

Судьба только что была побеждена. Побеждена колдуном, которого я считал своим злейшим врагом. Моя бедная голова отказывалась это воспринимать. Но тут Андрэ застонал, и я поспешил к нему.

— Я победил? — первым делом прошепелявил разбитыми губами король, приходя в себя. Бык очнулся практически одновременно с королем и, подозреваю, спрашивал о том же Моргана. Мы с колдуном переглянулись и одновременно кивнули.

— Хорошо! — просипел Андрэ, счастливо улыбаясь, и опять потерял сознание.

У монастыря мы провели почти две недели. Оба гиганта поправлялись быстро, а вот раны Герды оказались очень серьезными. Монахи по приказу настоятеля поили ее какими-то отварами, умащивали разноцветными мазями и даже зачем-то втыкали ей в разные места на теле длинные иглы. Все это лекарское изобилие пахло странно и по большей части мерзко, но оказалось весьма действенным — к концу пятого дня девушка перестала кашлять кровью, а еще через два дня даже смогла впервые сесть самостоятельно. Монахи утроили свои усилия, похоже, настоятелю не терпелось избавиться от незваных гостей. Впрочем, я и сам не горел особым желанием оставаться в горах и, если бы не плачевное состояние Герды, давно покинул бы негостеприимный монастырь. Наконец, когда намеки монахов стало невозможно игнорировать, даже прикрываясь незнанием языка, я принял решение выступать. Дорога домой обещала быть непростой, но тут неожиданно вмешался Морган.

— Ты что, собрался назад пешком добираться? Чего ради?! Я доставлю всех нас в Бублинг без труда.

— С чего это ты вдруг решил нам помогать? — насторожился я.

— Брось, Конрад! Если бы я хотел причинить какой-нибудь вред, я мог бы это сделать в любой момент, — резонно возразил Морган. — Не хочу задевать твое самолюбие, но будем откровенны — никто из вас мне не противник. Я мог бы спокойно разбросать вас по свету, отправиться тайно в Бублинг и захватить власть... ну ладно, ладно! Попытаться захватить власть. Но как я уже говорил, мне неинтересны авантюры с непредсказуемым результатом. Я предлагаю сделку — мы вместе отправляемся в Бублинг. Я доставлю всех нас туда мгновенно, вам не нужно будет много месяцев добираться по весьма опасным дорогам, да еще с раненой девушкой на плечах. В благодарность вы походатайствуете за меня перед Анной. Мне нужно некоторое время пожить в спокойной обстановке, собраться с мыслями,

составить планы на будущее. Дворец большой — я не думаю, что сильно стесню королеву своим присутствием.

— Все это довольно подозрительно, — с открытой неприязнью глядя на Моргана, заявил Архимед. — Не верю я, что ты вдруг взял и вот так переменялся. И зачем тебе обязательно жить во дворце?

— А где же мне еще жить? — искренне удивился Морган. — Я же говорю — мне нужно отдохнуть, пожить в комфорте. Ты не представляешь, в каких условиях я жил все это время! Мне, с моим слабым здоровьем, приходилось спать на голой земле! Есть пищу, приготовленную на костре без всяких приправ! Мокнуть под дождем и замерзать на холоде! У меня даже не было камердинера! Мой верный Бык, конечно, как мог старался облегчить мне жизнь, но человеку такого высокого положения, как я, совершенно неприлично иметь одного слугу! Впрочем, тебе этого не понять.

— Видишь, Архимед, все в порядке, — успокоил я изобретателя. — Он ничуть не изменился.

— Не пытайся язвить, Конрад! — обиженно надулся колдун. — У тебя совершенно нет к этому таланта! И давай вернемся к моему предложению.

— Чутье подсказывает мне, что от него следует отказаться, — вздохнул я. — Но я не могу рисковать жизнью Герды. Она покалечилась, спасая меня, и я обязан как можно быстрее доставить ее туда, где она будет в безопасности и обеспечена уходом лучших врачей. Так что я согласен. Но должен честно предупредить — я могу только попросить Анну за тебя, а уж решение она будет принимать сама. И тебе это решение может не понравиться.

— Уверен, что Анна не откажет тебе, — возразил Морган. — Ну а если ошибаюсь, у меня никаких претензий не будет. Значит, договорились?

— Договорились!

Мы скрепили договор церемонным рукопожатием.

— Что ж, не будем откладывать наше возвращение, — деловито продолжил колдун. — Соберитесь все потеснее вокруг лежанки нашей раненой героини... Так... Для тех, кто путешествует так в первый раз, говорю: на несколько мгновений может закружиться голова. Не паникуйте и не пытайтесь что-либо предпринимать. Способ испытан мною многократно и совершенно безопасен. Ну, поехали!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, повествующая о том, чем разрешились неприятности, в которые вверг Коллет и Анну хитроумный инквизитор

*Запись в дневнике Конрада фон Котта от 13 сентября
16... года от Р. Х.*

Запись вымарана лично начальником Тайной Канцелярии Герхардом Ле Мортэ без всяких объяснений и с одобрения кардинала Пузорини.

Мы прибыли неудачно.

Нет, пожалуй, это слишком мягко сказано — «неудачно». Конечно, можно было выбрать место и время куда хуже, но для этого пришлось бы постараться. Хотя Морган старался.

Отставному диктатору, разумеется, и в голову не пришло обставить наше возвращение скромно. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что про кардинала Скорцо колдуну никто не сказал. Не из каких-то козней, в которых он поспешил нас обвинить, а просто потому, что про инквизитора все благополучно забыли.

В результате вся наша немаленькая компания вывалилась из воздуха прямо перед светлыми (точнее, бесцветными) очами остолбеневшего от такой наглости кардинала.

Что хуже, в зале кроме Скорцо находились Анна, Коллет и почти весь двор. Но что было совсем уж плохо — за спиной инквизитора стояли несколько угрюмых солдат, которых

я ранее при дворе не видел. Нетрудно было догадаться, что противостояние с инквизитором зашло в тупик, и он вовсе не с добрыми намерениями притащил с собой личную охрану.

Морган обвел зал затуманившимся взглядом и произнес:

— Наконец-то я дома!

— Опять ты?! — вскочила с трона Анна. — Да как ты посмел вернуться?

— О, ваше величество! — поспешил я вмешаться, отвечивая изящный поклон. — Не извольте гневаться и выслушайте меня!

Королева смерила меня подозрительным взглядом.

— Ты... ты...

— Конрад! — Презрев все нормы этикета, Коллет повисла у меня на шее и прижалась своей нежной щечкой к моей давно не бритой щеке. Непередаваемое, скажу я вам, ощущение! — У тебя получилось!

— Я свидетельствую перед всеми! — торжественно прокричал маленький человечек в нарочито скромной сутане. — Я свидетельствую, что мы все видели наглое попрание всех законов — божеских и человеческих!

— Это еще что за сморчок? — скривился Морган. Как ни смешно это прозвучало из его уст, но даже непрезентабельный колдун выглядел на фоне кардинала благородным дворянином. — Ты чего верещишь?

— Я свидетельствую перед лицом Господа, что совершено богомерзкое колдовство!

— Да свидетельствуй сколько угодно! — пожал плечами Морган. — Только не кричи так. У меня от тебя голова болеть начинает!

— Взять их! — окончательно взбеленившись, командовал инквизитор. Его солдаты послушно шагнули вперед.

— Взять меня?! — Морган нехорошо ухмыльнулся и поднял руки... Ничего не произошло. — Вот черт!!

— Богомерзкий колдун! — с пафосом произнес инквизитор. — Ты бессилен против истинной веры!

— У него отражающий амулет, — шепнула мне Коллет. — Совершенно непробиваемый. Даже не знаю, где он такой сумел раздобыть. Мы с мэтром Бофрэ сидим тише воды ниже травы...

— Теперь вы убедились?! — воскликнула Анна. — Я же говорила, что при дворе никто колдовством не занимается! И это чистая правда! Вы не пойдете против совести и не сможете поклясться, что за все время, что сидите здесь, хоть раз засвидетельствовали колдовство.

— Но я свидетельствую...

— Да, но это — дело рук Моргана! Мэтр Мордаун — бывший придворный маг. Он предал мою семью и захватил власть в Гремзольде, но потом был изгнан. Благодаря помощи моей первой советницы и вот этого отважного дворянина — Конрада фон Котта. И теперь Морган явился, дабы отомстить нам! Какая удача, что здесь были вы, дорогой кардинал! Забирайте же его!

— Но... но я видел, как эти люди появились вместе с ним! — запротестовал инквизитор. — Они тоже виновны в колдовстве!

— Это все большая ошибка! — неожиданно подал голос Архимед. — Мы сражались с колдуном! Замечу — сражались против колдовства одной лишь силою веры и честным оружием! И он перенес нас сюда, спасая свою шкуру!

— Я прекрасно знаю этих людей! — подал голос и кардинал Пузорини. — Право слово, коллега, таких ревностных христиан еще поискать! Поверьте мне. Вы и так получили в руки одного из известнейших колдунов — благодарность Рима вам обеспечена.

Инквизитор еще некоторое время ломался, но в конце концов сдался под объединенным натиском Анны, Пузорини и Ле Мортэ. Беспомощного Моргана связали и увели. Он как-то сразу сник и даже не пытался сопротивляться, лишь бросил грустный взгляд в мою сторону.

— Конрад! Наконец-то! — снова обняла меня Коллет, стоило нам оказаться в кабинете королевы. — Ты сумел! Какой же ты молодец!

— Так вот, значит, как ты выглядишь на самом деле! — с усмешкой оглядела меня с ног до головы Анна. — Надо признать, кот из тебя был куда симпатичнее! Ладно, ладно, это я шучу!.. Андрэ! Как ты мог так поступить со страной?! И со мной?!

Его величество вздрогнул и забормотал что-то в свое оправдание, но Анна обняла его и запечатала рот долгим поцелуем.

— Ну, похоже, его величеству ничего не угрожает, — заключил Архимед. — В общем и целом экспедицию можно считать успешной.

Я опустился на диван рядом с изобретателем. Герда, которую по ее собственному настоянию тоже перенесли в кабинет, мрачно уставилась в угол. Даже Андрэ скис и без всякого аппетита жевал пирожное, ухваченное со стола.

— Эй... Конрад, Архимед... вы чего? — Коллет запнулась, сообразив, что в нашей компании кого-то не хватает. — Николас?..

— Да... — вздохнул я. — Николас погиб, прикрывая наше бегство.

— Ох!

— Золотые пластинки мы тоже не добыли, — продолжил за меня Архимед. — Так что с этой стороны тоже полный провал.

— И теперь еще Морган.

— Да и дьявол с ним! — сердито воскликнула Анна. — Наконец-то мы от него избавимся раз и навсегда!

— Это он меня спас.

Мне понадобилось больше часа, чтобы рассказать королеве и Коллет все, что случилось с нами с тех пор, как «Грозный пингвин» поднял якоря. Что и говорить — рассказ вышел невеселым.

— Не думай, что я не понимаю тебя, Конрад, — выслушав меня, сказала Анна. — Но горбатого могила исправит. Мордаун неспособен честно соблюдать уговор. Он начал бы плести интриги, и нам с Коллет пришлось бы его умирять. Так что пусть уж лучше им займется инквизитор, а наши руки будут чисты...

— Чисты? — Я машинально посмотрел на свои руки. Как же непривычно видеть их вместо кошачьих лап! — Чисты...

— Мы все равно ничего не можем сделать, — добавила Коллет. — Моя магия бессильна против амулета. А рыцари не станут сражаться с отрядом инквизиции — это же хуже ереси!

Тут она была права. Дворянин — лицо заметное, инквизиция всех мятежников выявит обязательно и отомстит рано или поздно. Всем этим благородным рыцарям есть что терять. Они не посмеют.

— Коллет, я тебя прошу — займись ранами Герды лично, — попросил я, отгоняя неутешительные мысли. — Она их получила, защищая меня.

— Герда, значит? — как-то особенно сладко пропела Коллет. — И где же вы познакомились?

— Коллет, значит? — не осталась в долгу Герда. — О, нас с Конрадом свела судьба, не иначе!

— Иезус Мария! Женщины! О чем вы думаете?! — Я вскочил на ноги и направился к двери. — Я сам схожу к фру Бокомьялле. Это обязанность командира...

В коридоре я чуть не столкнулся с Алле-гу, которая меня, естественно, не узнала и промчалась мимо гигантскими скачками. Видать, прослышала о возвращении Андрэ.

Я поднялся на свой чердак и, согнувшись в три погибели, прополз к тюфяку у трубы. Тюфяк оказался неожиданно маленьким — мне пришлось свернуться калачиком, чтобы не лежать на голых досках. Нет смысла спешить к матери Николаса — у меня не та новость, которую ждут. Пусть для нее сын еще хоть недолго побудет живым...

В открытую дверь боком протиснулся Гай Транквилл. Обошел меня, подозрительно

косясь глазом.

— Лежишь?

— Лежу.

— Ну а теперь-то что? Ты же так хотел стать человеком... Любой ценой — ты сам так говорил!

— Я и думал так же. Но оказалось, что цена мне не по карману.

— Перестань, Конрад! Это же просто глупо! Николас был взрослым мужчиной, он сам сделал свой выбор! А Моргана вообще нелепо жалеть, он — враг! Пусть даже он пару раз спасал твою шкуру, но он — враг. И при первой возможности ударил бы в спину! Хорошо, что инквизитор так удачно оказался под рукой!

— Под руками. Чистыми руками.

— Конрад, хватит!

— Нет уж, это тебе хватит. — Я посмотрел в зеркало. — Хватит, Густав Конрад Генрих Мария фон Котт, себе оправдания искать. Думаешь, избавился от кошачьей шкуры и сразу человеком стал? Не-э-эт... Это кот может поступать так, как велит ему природа. Если коту страшно — он просто боится, и все. Прячется, если уж совсем страшно. Но человек тем и отличается от животного, что совершает глупые поступки, которые он обязан совершить...

Транквилл развел крыльями и что-то проскрипел. То ли соглашался, то ли спорил — поди теперь пойми.

Я выбрался с чердака и поспешил вниз. У ворот замка прохаживался Андрэ.

— А ты чего здесь?

— Дык это... Вы ж колдуна этого идете выручать?

— С чего ты взял?

— Ой, а то я вас мало знаю!

— Ну даже если и так? Тебе-то что?

— Дык а как вы без меня-то? — простодушно развел руками гигант. — Для вас одного солдат там многовато! Да и Анна опять вместе с Алле-гу меня тиранят. Лучше уж с инквизицией воевать!

— И далеко вы собрались? — раздался у меня за спиной мелодичный голос. — Вы знаете, где Скорцо остановился?

— Да нам и не нужно. — Я обернулся и встретил взгляд озорно блестящих зеленых глаз. — Не устраивать же драку в городе. Инквизиторы должны благополучно покинуть Бублинг, и этому должны остаться свидетели. А поедут они всяко через Северные ворота.

— И у тебя есть план?

Плана у меня не было. Впрочем, планирование никогда не было моей сильной стороной. Все равно всегда все идет не по плану. Потому я просто встал возле дороги и стал ждать карету с Скорцо и Мордауном. Они появились ближе к полудню — карета и две дюжины солдат верхом. Андрэ засопел, выворотил ближайшее деревце и встал рядом.

— Андрэ... ты сможешь сражаться?

— Думаю, смогу, — с дрожью в голосе пробормотал король. — Ну не первый же раз.

— Сможет, куда денется?! — ехидно прокомментировала Коллет, занимая место слева от меня. В руках ведьмы плясали огоньки пламени.

— Он же защищен от колдовства? Ты сама сказала!

— Он-то защищен. А карета — нет.

Тем временем карета в сопровождении кавалькады всадников приближалась. Нас они должны были давно заметить, но, судя по всему, останавливаться и не думали. Тем лучше!

— Коллет, давай!

— Сама знаю!

Огненный поток сорвался с рук девушки и ударил в землю всего в пяти ярдах перед всадниками. Испуганные лошади взвились на дыбы, выбрасывая солдат из седел. Карета накренилась, и тут же Коллет нанесла по ней новый удар. Деревянная обшивка мгновенно вспыхнула, и тут же из кареты выкатился кардинал Скорцо.

— Теперь наша очередь, Андрэ!

Мы — я с мечом, Андрэ со своей импровизированной дубиной — бросились к сбившимся в кучку инквизиторам. Король глухо взревел... Или не король? Из оврага выскочила и бросилась к карете еще одна огромная фигура с бритым черепом и непомерно длинными мощными руками. Бык! Так вот куда он исчез, когда схватили его хозяина!

Надо признать, солдат в отряд инквизитора набрали отличных! Огненная атака выбила их из седла — и в прямом смысле, и образно. На них неслись два гиганта, более всего напоминавших в этот момент разъяренных быков. И все же у солдат хватило духа перестроиться в боевой порядок. Мы врзались в каре, но солдаты тут же слаженно разбежались в стороны и взяли нас в кольцо. Нам пришлось бы туго, но тут от ворот отделилось белое пятно и помчалось в нашу сторону со скоростью хорошего скакуна.

— Не может быть! — ахнул я.

И все же это был он — Николас в шкуре белого медведя. На его спине восседала сияющая Амаэс. Не думаю, что солдаты хоть раз в своей жизни видели белого медведя, но его размеры, грозный рев и впечатляющий оскал подействовали на них деморализующе. Большинство, побросав оружие, припустило к лесу, у кареты осталось всего несколько человек, но и те не помышляли о сражении.

— Николас! — Я похлопал чудище по мохнатому боку. — Как же тебе удалось спастись?

— А ему и не удалось, — мягко произнесла Амаэс. — Дурачок ввязался в совершенно безнадежный бой. Если бы я опоздала хоть немного, вся моя магия оказалась бы бессильной. Пришлось попотеть, спасая этого оболтуса!

Медведь — Николас только хмыкнул и явственно подмигнул мне.

— А здесь вы как оказались?

— Так ты же сам посоветовал мне обратиться к Коллет за настойкой, превращающей в животное! — напомнила Амаэс. — Вот я и приехала, как только Николас выздоровел. Но во дворце вас не нашла. Хорошо, ты рассказал Транквиллу о своих планах — он-то мне и подсказал, где тебя искать!

— Ты можешь говорить с петухом? — изумилась Коллет.

— Да нет. Я просто разговаривала сама с собой вслух... но я рада, что Гай меня понял!

— Всех вас ждет геенна огненная, проклятые колдуны...

— А ты помолчи! — посоветовал кардиналу Морган. — Ну-ка, что тут у нас... О! А еще говорят — Церковь против магии! Пчелы против меда!

Морган выудил из-за пазухи слабо сопротивляющегося инквизитора амулет. Выглядел он далеко не как христианская реликвия. Скорее уж наоборот.

— Я его, пожалуй, себе оставлю, — деловито заявила Коллет, выхватывая амулет из рук опешившего Моргана. — Надо его исследовать!

— Эй! Это мое... а, ладно — играйся! — Морган пристально посмотрел на меня. — Ну и что это значит, Конрад фон Котт?

— Я терпеть не могу оставаться в долгу, Морган Мордаун.

— Но теперь-то мы в расчете?

— Я думаю, да.

Мы торжественно пожали друг другу руки.

— Что будем делать с этими? — озабоченно спросила Коллет, кивнув в сторону остатков инквизиторского отряда. — Отпускать нельзя. Если в Риме узнают, что мы натворили...

— А они забавные, — улыбнулась обворожительно Амаэс. — У меня в замке так давно не было гостей...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что ж, теперь можно смело сказать, что экспедиция закончилась благополучно. Правда,

золотые таблички так и остались в монастыре, в горах Чайны. Но благодаря острому уму Анны и магической поддержке Коллет финансовое положение в Гремзольде удалось выправить и без этого золота. Что же касается тайн, которые хранят записи на этих табличках... Иногда мне бывает очень жаль, что нам не удалось их заполучить. А иногда я вспоминаю слова настоятеля монастыря о том, что император уберет свитки с этими знаниями в библиотеку и не станет их читать — ради стабильности в государстве. И тогда я думаю, что это очень мудрый шаг, и радуюсь, что таблички спрятаны в надежном месте под хорошей охраной.

Анна все-таки выделила деньги на строительство паровых кораблей, и теперь у Гремзольда целых пять таких судов. Архимед доволен и с головой ушел в новый проект, смысл которого я не улавливаю. Что-то про кареты, которые будут ездить без лошадей. Очередной прожект, я думаю.

Николас живет теперь в замке Снежной королевы и навещается в Бублинг нечасто, каждый раз, впрочем, поражая меня счастливым выражением лица. Похоже, и ледяная магия не в силах остудить его чувства к Амаэс. Так что я за него спокоен.

Где-то в недрах этого замка, кстати, трудится и кардинал Скорцо со своим отрядом. Скорее всего, они уже и позабыли, кто они и кем были. Можно ли назвать их счастливыми людьми? Кто знает? Если верить библиотекарю Каю, можно.

Когда комиссия «таинственно исчезла», обязанности ее председателя взял на себя кардинал Пузорини, под чутким руководством которого никаких подтверждений обвинениям в адрес Коллет найдено не было. Виновником всех таинственных происшествий был признан мэтр Морган Мордаун, исчезнувший вместе с кардиналом Скорцо. Пузорини подергал за какие-то свои ниточки в Риме, и инквизиции пришлось смириться с этим вердиктом.

Морган, кстати, на самом деле исчез, и о том, что он до сих пор не успокоился, свидетельствуют лишь обрывочные донесения то из одного уголка Европы, то из другого. Ле Мортэ с удовольствием делится с нами этими новостями и каждый раз заключает с Пузорини пари: где неутомимый маг вынырнет в следующий раз.

Герду глава Тайной Канцелярии уговорил остаться в Бублинге. Профессиональная убийца как нельзя лучше подходит для этой службы, да и сама девушка не стремится к прежнему образу жизни. Волчонок, оставшийся жить в доме Герды, несколько раз проговаривался, называя ее «мама», и, что еще интереснее, называя Герхарда «папой»... но тсс! Ле Мортэ терпеть не может шуточек на эту тему.

Представления дикарки о счастливом браке довольно прямолинейны, и Андрэ не без оснований опасается, что однажды Алле-гу перейдет к ухаживаниям по обычаю троллей, то есть при помощи крепкой дубины. От всех моих попыток как-то повлиять на ситуацию Анна только отмахивается (обычно я вижу ее за письменным столом, и отмахивается она, даже не глядя на меня), ссылаясь на то, что ей сейчас не до того.

Ну а я... Я жду весну.

Вернув человеческий облик, я со временем перестал понимать язык зверей и птиц, так что толку от меня для Тайной Канцелярии никакого. Ле Мортэ предлагал мне остаться — на другой должности, но я, конечно, отказался. Герхард не особо настаивал, он умный человек и понимает: настоящая причина в том, чего даже всемогущий глава Тайной Канцелярии не может изменить.

Анна предложила мне на выбор любую офицерскую должность в армии Гремзольда — вплоть до заместителя главнокомандующего. Я честно размышлял над этим несколько дней, но все же отказался — Гремзольд слишком маленькое государство, и у меня постоянно будет соблазн приехать в Бублинг. Анна — умная женщина, она не стала настаивать, понимая, что причина отказа не в моих амбициях. И даже королева не может ничего тут поделать.

Остальным я ничего не стал объяснять, и, боюсь, мои друзья остались в некотором недоумении относительно причин, заставляющих меня покинуть Бублинг.

Причина же была в том, что на следующий день после нашего возвращения я

поговорил с Коллет.

На самом деле можно было и не говорить. Я давно все знал. Проклятая шпионская должность — невольно узнаешь то, о чем не хотел бы знать. Но мне нужно было услышать все от самой Коллет, ведь всегда остается надежда, что ошибся. А может быть, я просто очень хотел верить.

В прежние времена я вызвал бы соперника на дуэль. Блестящий придворный кавалер не имел бы шансов против старого наемника. Но, похоже, кошачья шкура, пусть я от нее и избавился, оставила на мне отпечаток. Дуэли не будет — это лишь причинит боль Коллет. Я слишком люблю ее, чтобы так поступить.

Но и быть где-то рядом, оставаясь просто другом, мне слишком тяжело.

Поэтому я жду весну.

Когда дороги, ужасные дороги Европы, подсохнут и лошадь перестанет проваливаться в грязь по бабки, мы с Иголкой отправимся в путь. Куда? Да куда глаза глядят. В конце концов, мы живем в такое славное время, когда хоть где-то да идет война, так что опытному ландскнехту с капитанским патентом работа всегда найдется. А если и не найдется, можно отправиться в Новый Свет или наняться в охрану каравана, идущего в Азию.

Это будет правильно — наемник не должен сидеть на одном месте.

Может быть, когда нибудь я еще вернусь в Гремзольд и даже навещу Бублинг.

Как распорядится судьба.